

ВАЛЕРИЙ ЗАМУЛИН

КУРСК - 43

КАК ГОТОВИЛАСЬ
БИТВА «ТИТАНОВ»

КНИГА 2

Подлинная история великих войн

Валерий Замулин

**Курск- 43. Как готовилась
битва «титанов». Книга 2**

«Яуза»

2019

УДК 327
ББК 66.4

Замулин В. Н.

Курск- 43. Как готовилась битва «титанов». Книга 2 /
В. Н. Замулин — «Яуза», 2019 — (Подлинная история великих
войн)

ISBN 978-5-6040915-7-9

Во второй книге своего двухтомника «Курск-43. Как готовилась битва титанов» известный ученый, кандидат исторических наук В.Н. Замулин реконструирует процесс формирования замысла и подготовки военно-политическим руководством СССР первого этапа битвы на Огненной дуге – Курской оборонительной операции. Благодаря привлечению значительного числа малоизвестных и ранее не вводившихся в научный оборот документов, советских и трофейных, автору удается достоверно восстановить напряженную работу Ставки Верховного Главнокомандования и руководства фронтов в районе Курской дуги. Раскрываются советский план обороны и система мер для восстановления войск Центрального и Воронежского фронтов после боёв зимой 1942-1943 гг., их усиление перед летней кампанией.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-6040915-7-9

© Замулин В. Н., 2019
© Яуза, 2019

Содержание

Слово к читателю	5
Глава 1	9
1.1. Как принималось решение о преднамеренной обороне	9
1.2. Подготовка к Курской битве: планирование, возведение полевой обороны, восстановление и пополнение войск	43
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Валерий Замулин

Курск-43. Как готовилась битва «титанов». Книга 2

Слово к читателю

Содержание Курской битвы было определено советскими военными историками сразу после войны. По их мнению, она состояла из трёх стратегических операций: Курской оборонительной, Орловской и Белгородско-Харьковской наступательных, которые проводились войсками Красной Армии с 5 июля по 23 августа 1943 г., т.е. в течение 50 суток. А окончательно в историографии и нашем обществе эта точка зрения, вместе с оценкой битвы как одного из двух ключевых событий, поворотного этапа Великой Отечественной войне закрепилась примерно через четверть века после её завершения. В первой и единственной монографии, посвященной боям на Огненной дуге, написанной на документальном материале в конце 1960-х г., полковники Г.А. Колтунов и Б.Г. Соловьёв справедливо отмечали: *«Разгромом противника под Курском и сокрушением его обороны на Днепре завершился коренной перелом в войне»*¹. Однако всестороннее изучение важнейших аспектов этого ключевого момента противостояния Советского Союза и Германии, в том числе и таких, как зарождение замысла и процесс планирования Курской оборонительной операции, а также подготовка войск для её реализации, за минувшие 75 лет так и не было проведено. Основная причина этого, на мой взгляд, заключается в том, что на протяжении всего послевоенного периода история битвы под Курском не была самоцелью отечественных ученых, а использовалась главным образом в идеологической борьбе с буржуазными фальсификаторами истории, а также для *«показа направляющей и руководящей роли Коммунистической партии и её Центрального Комитета в организации борьбы Красной Армии и всего советского народа с врагом»*². Например, по заявлению авторов упомянутой выше монографии, одной из главных их задач в ходе её подготовки являлась *«научно обоснованная критика преднамеренного искажения буржуазной историографией событий под Курском»*³. Поэтому все, что не относилось к этой проблематике, в советский период для историков официально считалось второстепенным, отвлекающим от главного направления их деятельности «на переднем крае идеологического фронта».

¹ Колтунов Г.А., Соловьёв Б.Г. Курская битва. М.: Воениздат, 1970. С. 5.

² Колтунов Г.А., Соловьёв Б.Г. Курская битва. М.: Воениздат, 1970. С.11,12.

³ Там же. С. 11.

Вместе с тем на работу советских ученых негативное влияние оказывали и другие проблемы. Как известно, объективность выводов исследователя во многом зависит от того, насколько полно подобран и правильно проанализирован фактологический и статистический материал. В отношении событий под Курском этого можно было достичь, лишь обладая всем комплексом архивных источников, однако к документам Ставки ВГК и Генерального штаба даже военных специалистов в то время не допускали, да их, как потом оказалось, и не было в нужном объёме. И.В. Сталин, даже самым доверенным лицам, высшему командному составу Красной Армии, запрещал вести записи во время проводившихся у него совещаний, а рабочие тетради с тезисами решений и задачами по их итогам участники должны были уничтожать через относительно короткое время. Кроме того, сразу после Победы он запретил полководцам и военачальникам издавать мемуары о событиях 1941-1945 гг. В результате ценнейшая информация по ключевым проблемам ведения войны и крупным операциям, в том числе и проводившимся под Курском летом 1943 г., оказалась потеряна безвозвратно. Поэтому сегодня мы имеем лишь общее представление того, как велось планирование Курской оборонительной операции, да и то главным образом на основе мемуаров участников событий Маршалов Советского Союза Г.К. Жукова, А.М. Василевского, К.К. Рокоссовского и генерала армии С.М. Штеменко.

Скудность Источниковой базы стала причиной слабой изученности советскими учеными и процесса подготовки войск к летним боям, прежде всего вопросов восстановления соединений Центрального и Воронежского фронтов и создания их обороны с конца апреля и до начала июля 1943 г. Во время нашей встречи в 1999 г. Г.А. Колтунов передал мне два блока сшитых между собой документов общим объёмом около 500 страниц, которые ему с Б.Г. Соловьёвым были присланы из Министерства обороны СССР для работы над книгой. Их анализ свидетельствует, что единственное серьезное отечественное исследование о Курской битве писалось лишь на отчетах армий и фронтов. Оперативные же документы даже фронтовых управлений, в том числе за апрель – июнь 1943 г., когда шло пополнение войск в районе Курска, не привлекались. Поэтому говорить о всестороннем анализе проблем подготовки Курской оборонительной операции авторами книги не приходится. К сожалению, и сегодня, когда доступ к архивам стал значительно свободнее, в нашей стране не издано ни одной монографии по этой теме на новом документальном материале.

Это обстоятельство и стало одним из важных мотивов для подготовки второй книги двухтомника, которая перед вами. Главная её цель – на примере Курской оборонительной операции, первой из трех, составивших битву на Огненной дуге, опираясь на ранее неизвестный материал, показать современному читателю колоссальный масштаб, сложность и трудоемкость работы, проделанной военно-политическим руководством СССР, командованием Красной Армии, её бойцами и командирами, всем советским народом, при подготовке боевых действий переломного этапа войны, а также раскрыть достигнутые к началу июня 1943 г. результаты, позволившие одержать убедительную победу над опытным противником, ещё сохранявшим большой боевой потенциал.

В книге три главы, первая посвящена процессу формирования замысла и выработке плана Курской оборонительной операции, во второй анализируются мероприятия Ставки ВГК, Генерального штаба, руководства Центрального и Воронежского фронтов по восстановлению войск после боёв зимой 1942/43 г. и их усиления перед летней кампанией, в третьей описано начало реализации командованием Красной Армии и вермахта своих планов в районе Курского выступа в конце июня – начале июля 1943 г., а также рассматриваются крупные проблемы, возникшие у них в этот период. При подготовке всех трех глав, наряду с уже известными архивными источниками и воспоминаниями участников, использован комплекс советских документов, ставших доступными для исследователей в последние несколько лет, и прежде всего оперативный материал штабов вплоть до дивизии и даже бригады. Наиболее зна-

чимым и интересным явились документы отделов укомплектования Центрального, Воронежского и Степного фронтов за первую половину 1943 г., которые позволили проследить динамику наращивания их сил, выявить проблемы с которыми столкнулась советская сторона в ходе этой масштабной работы и вскрыть методы, с помощью которых были реализованы намеченные планы. Кроме того, для ответа на ряд важных вопросов, которые активно обсуждались отечественными и зарубежными учеными в послевоенный период, таких, как, например, «Могла ли Германия выиграть Курскую битву, если бы она началась в мае или в первых числах июня 1943 г.?» или «Настолько эффективной оказалась контрартподготовка войск Центрального и Воронежского фронтов в ночь на 5 июля 1943 г.?»», а также для третьей главы, был привлечен широкий круг трофейных источников из Национального архива США, которые, на мой взгляд, позволяют не только расширить наше представление о тех событиях, уточнить ряд фактов и деталей, но и дать более взвешенную, обоснованную оценку процессам, происходившим в войсках противоборствующих сторон весной и в начале лета 1943 г.

В первой главе акцент сделан на детальную реконструкцию деятельности командования всех уровней при разработке общего замысла Курской оборонительной операции, планов каждого из фронтов, удерживавших Курский выступ, и их системы полевой обороны, а также по контролю за их реализацией и корректировкой в зависимости от складывавшейся в течение апреля-июня обстановки, выявлению факторов, которые положительно и отрицательно влияли на эту большую и многоплановую работу. Все события в войсках на севере и юге Курской дуги в книге рассматриваются параллельно, в строгой хронологической последовательности, что позволяет дать объемную картину подготовки к Курской битве и определить особенности этой работы в каждом из фронтов. Вместе с тем в первой главе предпринята попытка провести параллельный анализ результатов деятельности разведорганов с процессом планирования оборонительной операции под Курском в динамике, т.е. с апреля по июнь 1943 г., с целью оценить степень влияния данных спецслужб (следовательно, и их эффективность) на работу Ставки и фронтовых штабов в этот период. Кроме того, на документальном материале, ранее не вводимом в научный оборот, раскрывается и процесс формирования Степного военного округа (впоследствии – фронт). Такая форма объединения своих резервов как округ Ставкой ВГК была впервые опробована именно перед Курской битвой и показала высокую эффективность. Стратегические резервы, укомплектованные и обученные за три месяца до начала боёв, внесли огромный вклад и в победу на Огненной дуге, и в успех всей летней кампании 1943 г.

Один из наиболее интересных и важных разделов второй главы посвящен анализу и оценке уровня профессиональной подготовки старшего и высшего командного звеньев Центрального и Воронежского фронтов. Особенно детально в книге рассматривается непростая ситуация в руководстве 70-й и 48-й армий Центрального фронта, сложившаяся весной 1943 г., а также подробно анализируются социально-демографические данные и профессиональные качества командиров стрелковых дивизий, которые составляли основу фронтов, оборонявших Курскую дугу. Материал для этого раздела собирался мной более 15 лет, причем не только в крупных отечественных архивах, прежде всего ЦАМО РФ, музеях, но и у их родственников по всей России и в республиках бывшего СССР. В главе также приведен значительный массив недавно рассекреченных статистических данных о состоянии соединений трех основных родов войск (стрелковых, танковых и артиллерийских) Центрального и Воронежского фронтов и их обороны к началу боёв.

Третья глава является как бы объединяющей для обеих книг двухтомника. В ней впервые в отечественной историографии реконструированы события, завершившие подготовку вермах-

том Курской битвы – процесс сосредоточения на исходных позициях ударных группировок ГА «Центр» и «Юг», раскрыт план её маскировки, дана оценка его эффективности, а также проанализирована работа, проведенная руководством штабов Центрального и Воронежского

фронтов в конце июня – начале июля по определению даты и времени начала наступления германских войск.

В книгу включено приложение со значительным статистическим материалом, сведенным в таблицы, который поможет читателю глубже осмыслить изложенное в тексте книги. Кроме того, она иллюстрирована редкими фотографиями, собранными в отечественных и зарубежных архивах, в музеях и частных собраниях.

Я признателен всем, кто оказал мне помощь в работе над монографией за терпение, понимание, потраченное время и готовность внести свой посильный вклад в изучение истории нашего Отечества.

Выражаю особую признательность за большую всестороннюю помощь в её подготовке великолепному организатору и ученому, ректору Юго-Западного государственного университета, доктору технических наук, профессору Сергею Геннадьевичу Емельянову.

Также хочу отметить вклад в очень трудоёмкую техническую работу над книгой и поблагодарить за большую товарищескую помощь по переводу собранного трофейного материала замечательного ученого, доктора наук Алексея Борисовича Шевелева и человека, посвятившего себя делу сохранения памяти о подвиге воинов Красной Армии в борьбе с фашизмом, гражданина ФРГ Алексея Владимировича Кислицына.

Надеюсь, что моя новая работа так же, как и прежние книги, будет с интересом принята и специалистами, и любителями истории. Тем, кто захочет поделиться впечатлениями о ней предлагаю писать на мой почтовый ящик в Интернете по адресу: vaLery-zamuLin@yandex.ru. Буду рад неравнодушным собеседникам, стремящимся узнать историю России.

Валерий Замулин, 5 июля 2018 г.

Глава 1

«Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне...»

1.1. Как принималось решение о преднамеренной обороне

Строки, вынесенные в название главы, взяты из доклада И. В. Сталину его заместителя Маршала Советского Союза Г. К. Жукова⁴ от 8 апреля 1943 г., именно они легли в основу замысла Курской стратегической оборонительной операции, которая явилась ключевым элементом всей летней кампании, хотя её планирование началось примерно за два месяца до этого момента. Вся работу Ставки ВГК и Генерального штаба по данной проблеме можно разделить на три основных этапа.

Первый – длился с января по 12 апреля 1943 г. включительно. Его главным содержанием стало: концентрация сил Красной Армии и ресурсов страны для её усиления, выработка общего замысла оборонительного этапа летней кампании и принятие предварительного решения о переходе к преднамеренной обороне. В конце этого периода и был подготовлен цитировавшийся в начале главы документ.

Второй – имел не столь значительную протяжённость, он продлился с 13 апреля по середину мая. В это время в основном были реализованы решения Ставки, принятые 12 апреля, результатом которых стали:

- полная готовность войск Центрального и Воронежского фронтов к обороне;
- выполнение фортификационных работ первой очереди на оборонительных полосах в районе Курского выступа и начало реализации плана второй очереди;
- завершение первого этапа планирования летней кампании.

Третий этап продлился с середины мая по 4 июля 1943 г.

В ходе его:

- предварительное решение о преднамеренной обороне Ставка утвердила как окончательное, и оно легло в основу первого (оборонительного) этапа летней кампании, который вошёл в историю как Курская битва или отражение удара немецких войск в рамках операции «Цитадель»;

- глубоко эшелонированная оборона в районе Курского выступа приобрела окончательную форму, а войска Рокоссовского и Ватутина, вместе с весенним периодом боевой учёбы, завершили и подготовку для её использования;

⁴ Жуков Георгий Константинович (1896-1974), Маршал Советского Союза (1943), четырежды Герой Советского Союза (1939, 1943, 1944, 1956). Участник Гражданской войны и военного конфликта на р. Халхин-Гол (1939). С 1940 г. командующий войсками Киевского Особого военного округа. В январе-июле 1941 г. – начальник Генштаба Красной Армии, с 26.08.1942 г. и до конца войны – заместитель Верховного главнокомандующего, с 26 августа 1942 г. – первый заместитель наркома обороны СССР. С 17 по 27.03.1943 г. в качестве представителя Ставки ВГК находился на Воронежском фронте с целью локализации прорыва войск ГА «Юг» в районе Белгорода. Один из ключевых организаторов обороны под Курском и подготовки Красной Армии к летней кампании 1943 г. Представитель Ставки ВГК: 4 – 9.07.1943 г. – на Центральном, 10-12.07.1943 г. – на Западном, с 13.07.1943 г. и до окончания Курской битвы – на Воронежском и Степном фронтах. С 02.1944 г. – командующий 1-м Украинским, а с 11.1944 г. и до конца войны – 1-м Белорусским фронтом. 8.05.1945 г. от имени Верховного Главнокомандования Красной Армии принял капитуляцию Германии. За вклад в разгром врага в годы Великой Отечественной войны удостоен двух высших полководческих орденов «Победа» (№1, 4). 24.06.1945 г. принимал Парад Победы в Москве. В 1945-1946 гг. – главнокомандующий Группой советских войск и глава Советской военной администрации в Германии, затем – командующий Сухопутными войсками и ряда военных округов. В 1955-1957 гг. – министр обороны СССР. С 1958 г. в отставке. О подготовке Красной Армии к Курской битве и о своём участии в ней писал в книге мемуаров «Воспоминания и размышления», которая была издана в 1970 г.

– полностью закончилось планирование и отработка войсками летней кампании 1943 г., Генеральный штаб и командование Западного, Брянского, Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов отработали всю необходимую документацию по предстоящим операциям (оборонительным и в основном наступательным⁵), провели учения и штабные игры;

– полностью были укомплектованы и обучены войска стратегического резерва Ставки ВГК – Степного ВО, который вместе с Воронежским и Юго-Западными фронтами должен был стать главным инструментом наступательного этапа летней кампании в юго-западном секторе советско-германского фронта, главной целью которого был разгром ГА «Юг» и освобождение Украины.

Приступая к освещению первого этапа, важно помнить, в каком положении находился в это время Советский Союз, и возможности его вооруженных сил. Только за период с 22 июня по начало ноября 1941 г. он лишился территории, на которой проживало 42% населения, производилось 33% валовой продукции всей промышленности, выплавлялось 71% чугуна и около 60% стали, располагалось 47% всех посевных площадей, выращивалось 38% валовой продукции зерна, находилось почти 60% поголовья свиней и 38% крупного рогатого скота⁶. И все это было потеряно только за первые четыре месяца войны! А ведь потом были трагические события под Харьковом, прорыв противника к Волге и на Северный Кавказ, огромные людские жертвы и материальный ущерб. И тем не менее «колосс на глиняных ногах», как называл СССР создатель Третьего рейха, не просто устоял. Эвакуировав значительную часть предприятий, он восстановил на востоке страны промышленность, которая уже в первой половине 1942 г. начала постепенно наращивать выпуск военной продукции. Причём уже через год, в конце января 1943 г., её объёмы стали настолько значительны, что руководство Генштаба РККА, понимая невозможность достижения окончательного перелома в войне без мощных резервов, посчитало возможным обратиться в Ставку с предложением: направлять новое вооружение и технику не только для покрытия текущих нужд действующей армии, но и на формирование стратегических резервов. В то же время следует подчеркнуть, что Германия, несмотря на огромный потенциал, который она задействовала в этой войне, в том числе и промышленно развитых стран оккупированной Европы, в это время уже не могла соперничать с СССР. По данным Г.А. Колтунова и Б.С. Соловьёва, в 1943 г. военное производство относительно довоенного уровня в нашей стране выросло в 4,3 раза, а Третьем рейхе – лишь в 2,3⁷. Таким образом, несмотря на потрясения и утраты, советская экономическая модель оказалась не просто жизнеспособной, но и более эффективней любой из европейских стран, в том числе и Германии, которая поглотила практически всю Европу. Естественно, тогда эти цифры не были известны противоборствующим сторонам, но о том, что мощь Советского Союза растёт и крепнет быстрыми темпами, свидетельствовали серьёзные успехи его вооруженных сил после тяжелых поражений 1942 г.

Поэтому, опираясь на созданный в Поволжье, на Урале и в Сибири внушительный промышленный потенциал и крупные победы на фронтах, Москва на излёте зимы 1942/43 г., принимает важное политическое решение: настал момент окончательно изгнать захватчиков за пределы СССР и перенести боевые действия на их территорию. К концу 1943 г. Красной Армии предстояло полностью очистить оккупированную часть страны от неприятеля. Однако двадцать месяцев кровопролитной борьбы не прошли даром. В документах Ставки начинает прослеживаться, особенно после второго захвата немцами Харькова, стремление отойти от шапкозакидательских подходов при решении стратегических проблем, как это было в начале 1942

⁵ Обычный документальный план наступательной операции «Полководец Румянцев» не готовился, директива Ставки по его утверждению была подписана 6 августа 1943 г., т.е. уже в ходе его реализации.

⁶ Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941-1945 /под ред. С.К. Куркоткина. М.: Воениздат, 1977. С. 101, 500, 501.

⁷ Колтунов Г.А., Соловьёв Б.Г. Курская битва. М.: Воениздат, 1970. С. 16.

г., и более взвешено оценивать и потенциал страны, и возможности Германии. Хотя Кремль и понимал, что в ходе войны уже произошли глубинные изменения, тем не менее эйфория, наблюдавшаяся у советского командования после полного уничтожения группировки Паулюса, стала не так резко отражаться на крупных решениях Ставки. Политическое руководство СССР нацеливало страну и вооруженные силы прежде всего на тяжелую борьбу с сильным и ещё далеко не разгромленным противником. Это наглядно продемонстрировал приказ И.В. Сталина № 95 от 23 февраля 1943 г.: *«Враг потерпел поражение, но ещё не побеждён. Немецко-фашистская армия переживает кризис ввиду полученных от Красной Армии ударов, но это ещё не значит, что она не может оправиться. Борьба с немецкими захватчиками ещё не кончена – она только разворачивается и разгорается. Глупо было бы полагать, > что немцы покинут без боя хотя бы километр нашей земли. Красной Армии предстоит суровая борьба против коварного, жестокого и пока ещё сильного врага»*⁸. И буквально через несколько дней после оглашения этого документа обострившаяся обстановка на южном и юго-западном направлениях советско-германского фронта только подтвердит точность оценок противника, данных в нём.

Первые крупные шаги по подготовке к достижению поставленной цели 1943 г. – освобождение страны – Ставка предпринимает уже 29 января: отдаётся распоряжение о начале концентрации военных ресурсов и формировании войсковых резервов, причём и фронтовых, и стратегических, т.е. начинает создаваться «инструментарий» для решения намеченных масштабных задач. Командованию Юго-Западного, Южного и Северо-Кавказского фронтов была направлена директива о формировании ими постоянных резервов⁹, а командованию Донского фронта – о выводе в резерв Ставки управления 57А, армейских частей и учреждений¹⁰.

В этом важном и в то же время сложном вопросе Москва планировала опереться в том числе и на помощь своих союзников. Из США и Англии в это время поступало не только продовольствие, дефицитные сырьё и материалы, но и вооружение, транспорт, бронетехника и самолеты. Г.К. Жуков в частной беседе откровенно признавал: *«Нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну... У нас не было взрывчатки, пороха. Не было чем снаряжать винтовочные патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом, взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали! Разве мы могли бы быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь сталью?»*¹¹. Однако уже в начале весны 1943 г. этот канал поставок будет существенно сокращён и полностью восстановится лишь в августе, т.е. после завершения Курской битвы. Эта ситуация ещё раз подтвердит сформировавшееся у И.В. Сталина стойкое убеждение в том, что союзники в любой момент могут подвести, поэтому в жестокой борьбе с нацистами следует рассчитывать главным образом лишь на собственные силы, несмотря на то что народ уже принёс на алтарь Победы колоссальные и трудно восполнимые жертвы.

Следующий шаг по созданию фундамента будущих побед был сделан 1 марта. Заместитель командующего БТ и МВ Красной Армии генерал-лейтенант Н.И. Бирюков получает распоряжение от И.В. Сталина: усилить общевойсковые армии, намеченные к выводу в резерв Ставки. Для этого в их штат следовало включить по два отдельных танковых полка НПП, как правило, смешанного состава (39Т-70 и Т-34). В то время это были немалые силы, они поступали в резерв командармов и существенно расширяли их возможности прежде всего при наступлении. А через 10 суток последовал новый приказ: вывести с фронта в район Остро-

⁸ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. С. 91.

⁹ Великая Отечественная война: Ставка ВГК. Документы и материалы 1943 г. Т. 16(5-3). М.: Терра, 1999. С. 42, 43.

¹⁰ Там же. С. 43.

¹¹ Зинькович Н. Маршалы и генсеки. М., 1997. С. 161,162.

гожск, Старый и Новый Оскол, Алексеевка, Касторное и немедленно восстановить семь танковых и мехкорпусов¹². Логическим завершением первого этапа этого процесса стало подписание Верховным Главнокомандующим 11 марта директивы о формировании с 13 марта Резервного фронта в составе трех общевойсковых армий (2-й резервной, 24 и 66А) и трёх танковых корпусов (4 гв., 3 и 10 тк). Первоначально его управление должно было разворачиваться на базе штаба Брянского фронта, который упразднялся, а войска передавались на усиление вновь созданного в районе Курска Центрального фронта. Однако из-за обострения обстановки под Харьковом реализацию этого решения временно пришлось приостановить, а затем корректировать. Хотя запущенный механизм вывода с фронтов крупных соединений и объединений, включённых в резерв Ставки, и их восстановления в тыловых районах полностью не прерывался.

Уже 30 марта, когда стало ясно, что контрудар Манштейна блокирован, Москва вновь возвращается к вопросу восстановления важнейшего инструмента будущих масштабных операций – подвижных соединений. В это время Ставка потребовала, чтобы с 5 по 20 апреля были приведены в боевую готовность ещё 5 танковых и мехкорпусов (1 гв. мк, 2, 23, 2 гв., 5 гв. тк)¹³. А к организационной работе по созданию Резервного фронта удалось вернуться ещё раньше. Судя по принимавшимся решениям, И.В. Сталин придавал этому вопросу очень большое значение. Для его создания он привлек наиболее опытные, показавшие свою эффективность кадры, в том числе и из гражданской сферы. *«27 марта 1943 г. во втором часу ночи я приехал к Сталину по его вызову на близкую дачу в Вольском, – вспоминал член Политбюро ЦК ВКП (б) А.И. Микоян. – Он рассказал, что, по данным нашей разведки, гитлеровцы концентрируют крупные силы для наступления в районе Курского выступа. «По-видимому, – сказал Сталин, – они попытаются овладеть стратегической инициативой, имея дальний прицел на Москву. Чтобы этого не допустить, нам надо срочно организовать крепкий Резервный фронт, который мы могли бы ввести в бой в наиболее острый и решающий момент сражения и при дальнейшем переходе в контрнаступление».*

Вопрос этот, судя по всему, уже был хорошо им обдуман и обсужден в Ставке, потому что он тут же высказал конкретные соображения не только о назначении и характере этого фронта, но и о районе, где он должен был формироваться, а также и о порядке комплектования его личного состава. Резервный фронт, по его мнению, следовало формировать прежде всего за счет тех воинских частей, которые после боёв отводились в тыл для доукомплектования личным составом и военной техникой.

«Дело это очень важное и необходимое для дальнейших перспектив войны, – продолжал Сталин. – Надо, чтобы ты как член ГКО взял на себя организацию этого Резервного фронта, благо в твоих руках сосредоточены наши материальные ресурсы. Подбором командного состава фронта, как обычно, будет заниматься Генштаб, а все остальное – за тобой».

Такое поручение было для меня не только неожиданным, но и необычным, поскольку делами войсковых формирований я до тех пор не занимался, ведая с начала войны снабжением Красной Армии в целом: вещевым имуществом, довольствием, горючим и артиллерийскими снарядами»¹⁴.

Важно понимать, как Верховный Главнокомандующий определял задачи нового фронта в конце марта 1943 г. Несмотря на то что главная цель (освобождения страны) войскам уже была сформулирована, а стратегические резервы готовились в основном именно для её достижения, однако, как видно из приведенной цитаты, в этот момент он рассматривал их в первую очередь как мощный рычаг влияния на текущую ситуацию на фронтах. Этой же позиции он будет

¹² Бирюков Н.И. Танки – фронту. Смоленск.: Русич, 2005. С. 314, 318.

¹³ Бирюков Н.И. Танки – фронту. Смоленск.: Русич, 2005. С. 321, 322.

¹⁴ Микоян А.И. Так было. М.: Вагриус, 1999. С. 320.

придерживаться и в течение апреля – мая, при планировании летней кампании. Хотя бывший начальник оперативного управления Генштаба генерал С.М. Штеменко¹⁵ вспоминал, что Генштаб в этот период вообще не предполагал вводить их в бой до того момента, как Красная Армия перейдет в общее контрнаступление. И.В. Сталин с таким подходом был не согласен. В начале апреля, при разработке директивы о Резервном фронте, он потребовал, чтобы основная часть этих сил была развернута за войсками, удерживающими наиболее опасные направления (район Курска в этот момент уже вышел на первый план), а их командиры получили задачу отработать варианты оказания помощи впереди стоящим соединениям Центрального и Воронежского фронтов¹⁶. Это ясно свидетельствовало и о его определенной неуверенности в собственных силах, и о желании не допустить повторения трагических ошибок первой половины 1942 г. «Синдром неудач прошлого года» хотя и «штрихпунктирной» линией, но тем не менее будет прослеживаться во всех важных решениях Ставки, принимавшихся в период подготовки к Курской битве, и лишь после неё, по крайней мере внешне, И.В. Сталин сумеет избавиться от него.

А теперь обратимся ко второму этапу подготовки летней кампании – непосредственно к процессу планирования боевых действий, который, напомним, продолжался примерно месяц, с 13 апреля по середину мая. *«В конце марта и в апреле в Ставке и Генеральном штабе состоялся обмен мнениями относительно того, где и как решать главные задачи войны летом 1943 года, – вспоминал С.М. Штеменко. – На сей счёт было запрошено мнение авторитетных военачальников, представлявших Ставку в действующей армии, а также некоторых командующих фронтами. Вопрос «где» не являлся тогда слишком трудным. Ответ на него мог быть один – на Курской дуге. Ведь именно в этом районе находились главные ударные силы противника, таившие две опасные для нас возможности: глубокий обход Москвы или поворот на юг. С другой стороны, и сами мы именно здесь, то есть против основной группировки врага, могли применить с наибольшим эффектом наши силы и средства, в первую очередь крупные танковые объединения. Все прочие направления даже при условии успешных наших действий не сулили советским вооруженным силам такие перспективы, как Курская дуга. К такому выводу в конечном счёте пришли и Ставка, и Генеральный штаб, и командующие фронтами.*

*Второй вопрос – как решать главные задачи войны – был более сложным. Ответы на него последовали не сразу и далеко не одинаковые»*¹⁷.

Формально автором идеи сорвать наступление немцев на Курск путём перехода к обороне следует считать Г.К. Жукова. Именно он первым в документе стратегического характера (в упомянутом выше донесении И.В. Сталину), направленном в Ставку, на основе анализа оперативной обстановки и поведения неприятеля, высказал предложение, о том, что в ближайшее время немцы попытаются срезать Курский выступ, а Красной Армии наиболее разумно будет обескровить их ударные соединения на хорошо подготовленных оборонительных рубежах. Формально – потому, что к этому же выводу уже пришел ещё ряд ключевых

¹⁵ Штеменко Сергей Матвеевич, генерал армии (1968), родился 20.02.1907 г. в крестьянской семье в казачьей станице Урюпинская Донской обл. В РККА с 1926 г. Окончил Севастопольскую школу зенитной артиллерии (1930), ВА ММ РККА (1937), ВА Генштаба (1940). С 08.1941 г. – зам. начальника направления Оперуправления Генштаба. В 06.1942 г. назначен начальником направления Оперуправления. С 04.1943 г. – первый заместитель, а с 05.1943 г. – начальник Оперуправления Генштаба. С 11. 1948 г. по 06.1952 г. – начальник Генштаба, зам. министра ВС СССР. В 06.1953 г. после ареста Л.П. Берии снижен в воинском звании с генерала армии до генерал-лейтенанта и назначен начальником Штаба Западно-Сибирского ВО. С 08.1956 г. – начальник ГРУ, присвоено звание генерал-полковника. В 10. 1957 г. предупредил находившегося в командировке в Югославии министра обороны Г.К. Жукова о готовящемся его смещении, за что был понижен с генерал-полковника до генерал-лейтенанта и назначен первым зам. командующего При ВО. С 02.1968 г. вторично присваивается звание «генерал армии», а с 08.1968 г. – первый зам. начальника Генштаба – начальник Штаба Объединённых вооружённых сил государств – участников Варшавского договора. Скончался 23.04. 1976 г. в Москве.

¹⁶ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1968. С. 156.

¹⁷ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1968. С. 150.

фигур в руководстве РККА, среди них в первую очередь надо упомянуть А.М. Василевского¹⁸. С момента начала выработки плана летней кампании и на протяжении всей оперативной паузы оба маршала всегда придерживались единой точки зрения на то, как её следует проводить. Они считали, что на первом этапе необходимо отдать инициативу в руки противника. И лишь потом, измотав силы его главных ударных группировок, перейти в контрнаступление стратегическими резервами, сформированными весной. Эта точка зрения довольно быстро (если сравнивать с процессом подготовки «Цитадели») возобладала в Ставке и стала рабочим планом всего военно-политического руководства страны, так как она оказалась созвучной внутреннему настрою И.В. Сталина (проявить осторожность в активных наступательных действиях), которое чётко проявилось уже в марте, при решении вопроса о резервах.

С 18 марта по 11 апреля по специальному заданию Верховного для контроля за исполнением распоряжений Ставки по стабилизации обстановки и одновременно с целью подготовки предварительных соображений по проведению летней кампании, на Воронежский и Центральный фронты выезжал сначала А.М. Василевский, а затем и Г.К. Жуков. В течение этого времени оба маршала вместе с Н.Ф. Ватутиным и К.К. Рокоссовским обследовали рубеж армий первого эшелона фронтов и детально обсудили с их командованием поведение противника, его возможный замысел и весь комплекс проблем, связанных с летней кампанией. И тем не менее первым о переходе к преднамеренной обороне Ставке предложил именно Г.К. Жуков, т.к. упомянутый выше документ (доклад И.В. Сталину) он подготовил первый самостоятельно, от своего имени, а Генеральный штаб после изучения его предложение поддержал. Интересные воспоминания об этой работе мы находим в дневнике порученца маршала генерал-майора Л.Ф. Минюка:

«17 марта 1943 г. в 11 часов выехали поездом в Курск.

18 марта во второй половине дня прибыли в Курск и встретились с А. И. Антоновым, который доложил обстановку; создавшуюся на Курском выступе, и сразу направились в деревню Стрелецкую, где находился штаб Воронежского фронта.

19 марта утром выехали в район Белгорода в войска 21А генерала И.М. Чистякова, в 52 гв.сд соприкосновение с танковой дивизией противника «Мёртвая голова».

20 марта. Снова в 52-й дивизии, осмотр занимаемых позиций. Даны рекомендации; где расположить боевое охранение, где создавать передний край обороны.

20-21 марта. Жили в деревне Стрелецкой, выезжали к Чистякову в Кочетовку и в армию Москаленко (40А. – 3.В.). Были в основном не в штабе, а в поле, где создавалась оборона. Решались вопросы о тесном огневом взаимодействии на стыке и подготовке контрударов и контратак в случае попытки прорыва противника на Обоянь.

21 марта. Прибыл генерал Ватутин и сменил командующего Воронежским фронтом Голикова. Жуков работал с Ватутиным, обсуждал обстановку и необходимые срочные меры.

22 марта. Были снова в 52-й дивизии вместе с Ватутиным. Проведено совещание с командным составом.

¹⁸ Василевский Александр Михайлович (1895-1977), Маршал Советского Союза (1943), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). Великую Отечественную войну встретил в должности зам. начальника (1941), а с 06. 1942 г. – начальник Генштаба РККА. Один из авторов плана летней кампании 1943 г., ядром которой явились события под Курском. Вместе с Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым и генерал-полковником А.И. Антоновым участвовал в совещании в Кремле 12.04.1943 г., где было принято решение о переходе Красной Армии к стратегической обороне под Курском. В течение 03.-06. 1943 г. провел большую работу по организации обороны войск Центрального и Воронежского фронтов к отражению удара противника в районе Курской дуги. С 6 по 14.07.1943 г. являясь представителем Ставки ВГК на Воронежском фронте, по распоряжению И.В. Сталина лично отвечал за ввод в сражение под Прохоровкой 12.07.1943 г. стратегических резервов: 5 гв.ТА и 5 гв. А. С 14.07. 1943 г. – представитель Ставки на Юго-Западном фронте. В 1945 г. – командующий 3-м Белорусским фронтом. В 08-09.1945 г. – Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке во время разгрома японской Квантунской армии. За большой вклад в победу над Германией удостоен двух высших полководческих орденов «Победа» (№ 2, 7). С 1946 г. – начальник Генштаба. В 1949-1953 гг. – министр Вооруженных сил СССР, в 1953-1957 гг. заместитель министра обороны СССР. С 1968 г. в отставке.

23 марта. Были в 40-й армии Москаленко – вопросы те же.

24 марта. Выехали на Центральный фронт к Рокоссовскому в населенный пункт Свобода.

С 25 марта по 8 апреля находились не только в штабе фронта, но в основном вместе с Рокоссовским работали в 13А Пухова, выезжали на передний край, после чего проведено совещание с командным составом армии, затем переехали в 70А к генерал-лейтенанту И. В. Галанину; побывали также в 65А П.И. Батова, а потом направились на север, в 48А П.Л. Романенко. После этого возвратились в Курск, и Жуков, нарисовав на карте наиболее вероятные направления ударов противника, изложил мне своё мнение о наиболее вероятном плане действий фашистского командования, приказал составить доклад Сталину. Помню, когда я прочёл его Жукову, он спросил:

– Ты кому это написал? Ты что думаешь, Сталину – начальник Генерального штаба?

Он рассказал мне, как Поскребышев читает Сталину донесения и о стиле работы Верховного. Говорил о его манере разговаривать о прекрасной памяти и о том, что в донесениях следует указывать лишь фамилии командиров, так как Сталин хорошо помнит, какими они командуют армиями, и ещё о многом, чего я не знал¹⁹.

Однако следует подчеркнуть, что сначала Верховный воспринял предложение своего заместителя с настороженностью. Слишком важные решения должны были последовать за ним. Поэтому распорядился всестороннее проанализировать его с привлечением более широкого круга генералов, которые имели к этой проблеме непосредственное отношение. При этом свою точку зрения он пока не высказал. «Я как раз находился у И.В. Сталина, когда он получил этот доклад, – вспоминал А.М. Василевский. – Верховному было известно, что Генеральный штаб придерживается точки зрения Жукова. Прочитав доклад Жукова, Сталин сказал:

– Надо посоветоваться с командующими войсками фронтов, – и распорядился запросить мнение фронтов. Генштабу он поручил подготовить специальное совещание для обсуждения плана летней кампании 1943 г. Н.Ф. Ватутину и К. К. Рокоссовскому он позвонил сам, просив их к 12 апреля представить соображения по оценке фронтов обстановки и по плану предстоящих действий фронтов»²⁰.

Прибыв в Генштаб, А.М. Василевский принял ещё ряд мер по информационному обеспечению предстоящего совещания. Он поручил Главному разведуправлению и Управлению фронтов разведки проанализировать данные о намерениях противника, его конкретных шагах в этом направлении и представить свои выводы к 12 апреля. После этого он вылетел в село Бобрышово, куда в апреле переехал штаб Воронежского фронта, где находился и Г.К. Жуков, и вместе с ним в последующие двое суток разрабатывал основные принципы плана летней кампании, а также готовил директиву Ставки о районах сосредоточения основных стратегических резервов, проект которой уже 10 апреля был направлен И.В. Сталину. С.М. Штеменко вспоминал: «В целом ход грядущих событий рисовался нам следующим образом. При наступлении противник основную ставку сделает на танки и авиацию. Пехоте отводится второстепенная роль, так как она слабее, чем в прошлые годы. Расположение его ударных группировок позволяло предвидеть действия по сходящимся направлениям: орловско-кромской группировки – на Курск с севера и белгородско-харьковской – на Курск с юга. Вспомогательный удар, разрезающий наш фронт, считался возможным с запада из района Ворожба между реками Сейм и Псёл на Курск... Таким образом, немецко-фашистское командование могло рассчитывать на окружение и разгром в короткий срок всех наших армий; занимавших оборону по Курской дуге. Предполагалось, что противник планировал на первом этапе наступления достигнуть рубежа Короча, Тим, Дросково, а на втором этапе – нанести удар во фланг и тыл Юго-Запад-

¹⁹ Маршал Жуков: полководец и человек /сост.: А.Д. Миркина и В.С. Яровикова/ Т. 1. М.: АПН, 1988. С. 262.

²⁰ Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн. 2. М.: Политиздат, 1988. С. 17.

ного фронта через Валуйки, Уразово. Допускалось, что навстречу этому удару будет проводиться наступление из района Лисичанска на север в направлении Сватово, Уразово. Не исключались также попытки немцев овладеть рубежом Ливны, Касторное, Старый и Новый Оскол с захватом важной для нас железной дороги на Донбасс»²¹.

Столь широкий диапазон возможных вариантов был связан в том числе и с существенной проблемой в работе разведслужб. В то же время обстановка требовала от командования рассматривать все без исключения варианты возможных действий врага и искать наиболее эффективные методы срыва его намерений. Именно с этим обстоятельством связан «просчёт» Н.Ф. Ватутина²², а в действительности перестраховка, на которую после войны будут указывать некоторые исследователи. В полосе Воронежского фронта было значительное число танкоопасных направлений, поэтому он не исключал не только мощных ударов немцев на наиболее вероятных направлениях от Белгорода на Обоянь и Старый Оскол (которые были очевидны), но и на Суджу (левое крыло фронт), где наступление командованием ГА «Юг» не предполагалось и даже не рассматривалось.

В отечественной историографии первый период подготовки к Курской битве изучен крайне слабо, в силу того, что практически полностью отсутствуют документальные источники о текущей работе Ставки в этот период, за исключением её директив, опубликованных в 1999 г. Существовал и ряд иных проблемы. Ещё в 1970-е годы А.М. Василевский писал: *«До недавнего времени вопрос о планировании и подготовке Курской битвы в военно-исторической литературе, как научной, так особенно мемуарной, освещался не совсем точно, вольно или невольно принижалась большая творческая и организационная деятельность Ставки и ее рабочего органа – Генерального штаба, преувеличивалась роль фронтовых инстанций, и прежде всего Военного Совета Воронежского фронта. ...К тому же ряд важных деталей вообще не нашел отражения ни в каких документах, так как обсуждались они в самой высокой инстанции в узком кругу лиц, руководивших подготовкой Курской битвы. Это относится,; помимо И. В.*

²¹ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1968. С. 158.

²² Николай Фёдорович Вату́тин, генерал армии (1943). Родился 16.12.1901 г. в с. Чепухино Валуйского р-на Курской (ныне Белгородской) области в многодетной семье крестьянина-середняка (9 детей). Для своего социального положения получил хорошее образование. В 1913 г. окончил 5 кл. сельской школы, затем 2 кл. земского училища в г.Валуйках и 3 кл. коммерческого училища в г.Уразово. До 1917 г. жил в семье отца и занимался сельским хозяйством. В РККА призван по мобилизации в 04. 1920 г. В 1920— 1921 гг. в качестве красноармейца участвовал в боях против банд Махно и атамана Бельского на территории Луганской, Полтавской и Харьковской областей. Окончил Полтавскую пехотную школу (1922), Киевскую высшую объединенную военную школу (1924) и ВА им.Фрунзе (1929). Командовал отделением, взводом и ротой. С июня 1929 г. – на штабной работе, служил помощником начальника оперативного отделения 7 сд (г. Чернигов), помощником начальника оперотдела штаба Северо-Кавказского ВО (г. Ростов), начштаба 28-й горной стрелковой дивизии (г.Орджоникидзе), начальником оперотдела штаба СибВО (г. Новосибирск). После окончания ВА Генштаба в 07. 1937 г. назначен зам. начштаба Киевского Особого военного округа, а с ноября 1938 г. – начштаба КОВО (г. Киев). 26.07.1940-13.02.1941 г. – зам. начальника Генштаба и одновременно начальник оперативного управления. С 13.02.1941 г. по 30.6.1941 г. – первый заместитель начальника Генштаба по опервопросам и устройству тыла. 30.6.1941 г. – начштаба Северо-Западного фронта. В середине июля 1942 г., по личной просьбе и при поддержке А.М. Василевского, был назначен командующим Воронежским фронтом, затем переведён на Юго-Западный. Этот фронт под его руководством успешно действовал в Сталинградской битве, за что 7.12.1942 г. получил воинское звание генерал-полковник, а 12.02.1943 г. – генерал армии и награждён орденом Суворова 1-й ст. 28.03.1943 г. вновь вступает в командование Воронежским фронтом. Н.Ф. Вату́тин был одним из наиболее подготовленных и перспективных генералов из когорты командующих фронтами. Характерной особенностью его стиля руководства были глубокая проработка операции, активность и умение организовать мощные танковые удары в глубь обороны противника, целеустремлённость. Генерал обладал спокойным, уравновешенным характером. Как вспоминали Н.С. Хрущёв и К.С. Москаленко, он отличался уважительным отношением к подчиненным, в работе стремился дать возможность раскрыться им, проявить инициативу. Однако со И.В. Сталиным у него были сложные отношения. Верховный не раз справедливо указывал на ошибки в управлении фронтом, высказывал недовольство его методами руководства. В частности, есть данные, что он очень жёстко критиковал его действия в ходе отражения удара вермахта на Курск в июле 1943 г., операции «Полководец Румянцев», а также в Корсунь-Шевченковской операции. Хотя за Курскую битву он, как и другие командующие фронтами, был награжден орденом Кутузова 1-й ст. Однако, несмотря на то что с середины 1942 г. Н.Ф. Вату́тин руководил рядом фронтов на важных направлениях, участвовал в крупнейших битвах войны, вплоть до трагической гибели он не был удостоен ни высшего воинского звания Маршал Советского Союза, ни Золотой Звезды Героя Советского Союза. Умер 15.04.1944 г. в киевском госпитале от ран, полученных 29.02.1944 г. в ходе боя с украинскими националистами в полосе 60А.

Сталина, к Г.К. Жукову, А. И. Антонову, к автору этих строк и некоторым другим товарищам, работавшим в годы войны в ГКОИ Ставке и Генштабе»²³.

Действительно, И.В. Сталин, опасаясь разглашения стратегической информации, запрещал вести стенограммы встреч и совещаний, проходивших в Кремле. А от их участников требовал, чтобы принимаемые решения и поставленные задачи они запоминали и, возвращаясь к себе в кабинеты, заносили их в секретные тетради, которые через определенное время уничтожались. Таким образом, детали процесса выработки важнейших стратегических решений и замыслов военно-политического руководства СССР, а также мнения и предложения его ключевых фигур во многом безвозвратно утеряны. В последние десятилетия в научный оборот начали вводиться источники, которые, на первый взгляд, могли бы пролить свет на эту проблему. Однако при их внимательном изучении даже по отдельным вопросам ситуация становится ещё более запутанной.

В качестве примера можно привести журнал посещения кабинета И.В. Сталина партийными и государственными деятелями в годы войны (далее – Журнал). Этот документ вёлся не систематически и даже, можно сказать, небрежно, в нём не всегда соблюдалась чёткая хронология, посещение Верховного Главнокомандующего рядом полководцев не зафиксировано, хотя в других источниках они отмечены, а их фамилии перепутаны. К сожалению, ряд исследователей используют данные из Журнала без критического анализа и учёта особенностей существовавший в то время системы государственного управления в СССР. Так, например, в нём отмечено, что поздно вечером 11 апреля в кремлёвском кабинете И.В. Сталина собрались В.М. Молотов, Г.К. Жуков, зам. начальника Генштаба генерал-полковник А.И. Антонов²⁴, К.К. Рокоссовский и начальник инженерных войск РККА генерал-лейтенант М.П. Воробьев. Детали этой встречи неизвестны, но, судя по составу приглашённых, обсуждался план летней кампании. А если учесть, что в Журнале ничего не говорится о присутствии в Кремле поздно вечером 12 апреля Г.К. Жукова, А.М. Василевского и А.И. Антонов, когда было принято предварительное решение о переходе к стратегической обороне, то в нём явно выявляется сразу несколько ошибок. В документе или состав собравшихся 11 апреля перепутан, так как ни Г.К. Жуков, ни К.К. Рокоссовский о нём никогда не упоминали, или допущена ошибка с датой – совещание прошло не 11-го, а 12-го, и при этом вместо А.М. Василевского вписан К.К. Рокоссовский. Хотя последний никогда не упоминал о своём участии в принятии столь крупного исторического решения. В то же время Г.К. Жуков в книге мемуаров достаточно подробно описывает всё, что было связано с этим совещанием. Но при этом здесь же упоминает, что поздно вечером 11 апреля, прибыв с фронта, он встретился с А.М. Василевским, который передал распоряжение И.В. Сталина подготовить им обоим карту обстановки, документацию по ситуации в районе Курского выступа и явиться вместе к нему в Кремль вечером 12 апреля. Это подтверждает и А.М. Василевский. Таким образом, очевидно, что данные, приведенные в Журнале о тех, кто был у И.В. Сталина в эти двое суток, неточны, причём понять это под силу каждому, следует лишь сравнить Журнал с мемуарами двух маршалов.

²³ Василевский А.М. Дело всей жизни. Т.2. М.: Политздат, 1988. С. 18.

²⁴ Антонов Алексей Иинюкентьевич, генерал армии (7.08.1943), родился 15(26).09.1896 г. в г. Гродно (Белоруссия) в семье русского офицера и дочери сосланного в Сибирь поляка. В 1916 г. окончил Павловское пехотное училище, в звании прапорщика участвовал в Первой мировой войне. В РККА с 1919 г. – участник Гражданской войны. В 1931 и 1933 гг. окончил два факультета ВА им. Фрунзе (каждый раз по полному курсу) и один курс ВА Генштаба. С03. 1941 г. – зам. начштаба, а с 24.06.1941 г. – начштаба КОВО. С 27.08.1941 г. – начштаба Южного фронта. 28.07. 1942 г. назначен начштаба Северо-Кавказского фронта, по словам зам. командующего этим фронтом Р.Я. Малиновского: «Он, несомненно, обладал незаурядными организаторскими способностями, гениальным постижением замыслов противника и умением хитроумно разрушить эти замыслы». С 11.1942 г. – начштаба Закавказского фронта, а с 11.12.1942 г. – начальник Оперуправления – заместитель начальника Генштаба. С 05.1943 г. – первый зам. начальника Генштаба. С 4.02.1943 г. – начальник Генштаба. 4.06.1945 г. награжден орденом «Победа», единственный генерал армии из всех 14 удостоенных этой награды маршалов и генералиссимусов. С03. 1946 г. – первый зам. начальника Генштаба. В 1955 г. назначен начальником Объединенного штаба государств – членов Варшавского договора. Скончался 18.06.1962 г. в Москве.

Тем не менее, например, Б.В. Соколов игнорирует отмеченные выше нестыковки в документе. Опираясь на эту зыбкую основу, он истолковывает отсутствие Н.Ф. Ватутина на совещании 11 апреля (которого, возможно, и не было) как проявление И.В. Сталиным большего доверия к мнению К.К. Рокоссовского, чем командующего Воронежским фронтом²⁵. Действительно, ряд очевидцев подмечали подчёркнутое внимание Верховного к Константину Константиновичу, особенно после Сталинграда²⁶.

Эту версию подтверждает и случай с повторным захватом немцами Житомира в декабре 1943 г., когда к Ватутину он направил Рокоссовского с не совсем внятными полномочиями – или с проверкой как инспектора и сменщика, или на помощь как товарища и соседа²⁷.

Однако, во-первых, прежде чем высказывать подобные предположения, надо детально разобраться в хронологии событий, иначе они будут выглядеть неубедительно, во-вторых, не следует придавать чрезмерного значения влиянию на стратегические вопросы эмоций И.В. Сталина вообще и в данном случае в частности. Рискну предположить, если действительно К.К. Рокоссовский и был 11 апреля в Кремле, то наверняка по другому, сугубо «своему» вопросу. В этот момент И.В. Сталин был крайне озабочен московским направлением. Подтверждение этому мы находим в воспоминаниях участников тех событий, в том числе и Г.К. Жукова²⁸. Поэтому, возможно, он хотел чётко уяснить, как и насколько надёжно будет увязана оборона столицы и вопросы будущей операции под Курском. А Центральному фронту при решении обеих проблем предстояло играть одну из ключевых ролей. В подготовке и принятии предварительных решений стратегического характера, таких, как переход к преднамеренной обороне, по своему статусу никто из командующих фронтами участвовать не мог. Это прерогатива членов Ставки ВГК и ГКО, каковыми ни Н.Ф. Ватутин, ни К.К. Рокоссовский²⁹ никогда не являлись, а Г.К. Жуков и А.М. Василевский ими были. Если же придерживаться логики Б.В. Соколова, то из того же Журнала видно, что в течение трёх месяцев перед Курской битвой оба командующих фронтами одинаковое время, по два раза, посещали Верховного в Кремле. Причём на эти встречи каждый из них вызвался хотя и по очень важному вопросу, но лишь по тому, который находился строго в его компетенции – с отчётами о состоянии войск своих фронтов и предложениями по их использованию. Н.Ф. Ватутин – 25 апреля и 28 июня, К.К. Рокоссовский – 11(?), 28 апреля.

Если же касаться вопроса «Было ли для И.В. Сталина мнение К.К. Рокоссовского более авторитетным, чем Н.Ф. Ватутина?», то он мало что даёт для понимания и истории всей войны, и конкретных событий весны 1943 г. Верховный Главнокомандующий принимал стратегические решения на основе комплексного анализа всей поступавшей информации с учё-

²⁵ Соколов Б.В. *Рокоссовский*. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 255, 256.

²⁶ Чуев Ф. *Солдаты империи*. М.: КОВЧЕГ, 1998. С. 340.

²⁷ *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 1997. С. 304,305.

²⁸ Жуков Г.К. *Воспоминания и размышления*. Т.3. М.: Новости, 1990. С. 22.

²⁹ *Рокоссовский Константин Константинович* (1896-1968), Маршал Советского Союза (1944), Маршал Польши (1949). Участник Гражданской войны. Будучи командиром 5-го кавкорпуса, в августе 1937 г. был репрессирован, в 03.1940 г. – реабилитирован. Великую Отечественную войну встретил в должности командира 9 мк, затем короткое время возглавлял 4А на Западном фронте, в Битве за Москву командовал 16А. В 07-09.1942 г. – командующий Брянским, а с 09.1942 г. по 02.1943 г. – Донским фронтом, который проводил ликвидацию окруженной группировки Паулюса под Сталинградом. 4.02. 1943 г. Донской фронт был преобразован в Центральный и развернут западнее и севернее Курска. В конце 03. 1943 г., после неудавшегося наступления на Брянск, войска Рокоссовского заняли оборону на северном фланге Курской дуги. В период весенней оперативной паузы лично провел большую организационную работу по планированию и подготовке к Курской битве. С 5 по 12.07. 1943 г. Центральный фронт под его командованием, успешно отразив наступление группировки 9А по плану «Цитадель», перешел 15.07. 1943 г. в контрнаступление с целью ликвидации орловского выступа. За мастерство, проявленное в ходе Курской оборонительной операции, удостоен полководческого ордена Кутузова 1-й степени. Осенью 1944 г. переведён на должность командующего 2-м Белорусским фронтом. 24.06.1945 г. – командовал Парадом Победы на Красной площади в Москве. За большой вклад в разгром германских захватчиков награжден высшим полководческим орденом «Победа» (№5). С 1949 по 1956 г. – министр обороны Польши. В 1956— 1962 гг. – заместитель министра обороны СССР. О своем участии в Курской битве рассказал в книге воспоминаний «Солдатский долг».

том военной-политических реалий, а не субъективных оценок отдельных, даже выдающихся и ему симпатичных полководцев. *«Вообще, И. В. Сталин никогда не обсуждал с командующими фронтами замысел целой кампании, – писал Г.К. Жуков. – Он ограничивался обсуждением лишь одной конкретной операции фронта или группы фронтов».*³⁰ Свидетельство тому и перевод К.К. Рокоссовского с 1-го Белорусского фронта осенью 1944 г., и решение о переходе к стратегической обороне под Курском. Ведь сначала, в первых числах апреля, руководство Центрального фронта предлагало активно действовать, а Ставка всё-таки решила обороняться. Это потом, в мае и июне, когда Воронежский фронт получил большие силы, Н.Ф. Ватутин тоже предложит не ожидать удара противника, а самим перейти в наступление. Но первым эту мысль всё-таки высказал именно его сосед – штаб фронта Рокоссовского, хотя в отечественной исторической литературе на этом моменте внимание практически не акцентируется, т.к. он не совсем вяжется с утверждением, устоявшимся в нашем обществе, о том, что под Курском Рокоссовский воевал лучше Ватутина. В докладной записке Центрального фронта, направленной в Генштаб 10 апреля, предлагалось: *«В условиях существующей обстановки следует считать целесообразными следующие мероприятия. Уничтожить Орловскую группировку противника совместными усилиями войск Западного, Брянского и Центрального фронтов, тем самым лишив его возможности нанести удар из района Орла через Ливны по Касторному; занять железную дорогу Мценск – Орёл – Курск, которая для нас жизненно важна; и лишить противника возможности использовать Брянскую сеть железнодорожных и грунтовых дорог»*³¹ (см. Приложение № 1).

Таким образом, по сути, командование фронта предлагало реализовать в усеченном виде неудавшуюся февральско-мартовскую операцию 1943 г. на брянском направлении. Этот документ был подписан не лично К.К. Рокоссовским, а начальником штаба генерал-лейтенантом М.С. Малининым³². Но с позиции своего начальника штаба он был, судя по всему, согласен, так как нигде, ниразу против неё ни выступил. Да и не имел права М.С. Малинин без ведома командующего фронтом направлять в Ставку подобного рода документы. Ведь Москва запрашивала не точку зрения лишь одного начальника штаба, а коллективное мнение Военного совета фронта. Поэтому, на мой взгляд, проблема большего или меньшего доверия Верховного к К.К. Рокоссовскому и Ватутину при подготовке к Курской битве надумана и выносить её на широкую аудиторию могут лишь люди далекие от глубокого понимания событий того времени, нацеленные на эпотирование неподготовленного читателя.

³⁰ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т.3. М.: Новости, 1990. С. 180.

³¹ ЦАМОРФ. Ф. 233. Оп.2307. Д. 3.Л.33.

³² Малинин Михаил Сергеевич (1899-1960), генерал армии (1953), Герой Советского Союза (1945). В Красной Армии с 1919 г. Участник Гражданской и советско-финской войн. С апреля 1940 г. – начальник штаба 7 мк (МВО). В первые дни войны корпус был переброшен на Западный фронт, где участвовал в тяжёлых боях в Белоруссии, был окружён. Полковник М.С. Малинин со штабом корпуса и значительной частью личного состава вышел из окружения в районе Смоленска, где был назначен начальником штаба Ярцевской группы войск (командующий – генерал-майор К.К. Рокоссовский) Западного фронта. С этого времени Рокоссовский и Малинин стали верными соратниками и близкими друзьями. 19.08.1941 г. – начальник штаба 16А Западного фронта, которая успешно действовала в Московской битве. После назначения К. К. Рокоссовского командующим Брянским фронтом, 16.07.1942 г. генерал-майор М. С. Малинин становится его начальником штаба. 30.09.1942 г. вместе с назначением К.К. Рокоссовского командующим Донским фронтом переходит на аналогичную должность в его штаб. После реформирования в феврале 1943 г. Донского фронта в Центральный остается его начальником штаба. В этой должности участвовал в планировании и проведении наступления на Брянск в феврале-марте 1943 г. В апреле-июле 1943 г. являлся одним из ключевых организаторов успешной обороны его войск в ходе Курской битвы на северном фланге дуги. Хотя лично считал, что под Курском Красной Армии следует переходить в наступление первой. Эту точку зрения официально излагал в документах, направленных в Ставку ВГК в апреле 1943 г. Считался хорошим организатором и жёстким руководителем, но от самостоятельной работы (командующего армией, фронтом) отказывался. За успешное проведение Курской оборонительной операции был удостоен ордена Красного Знамени. Осенью 1944 г. К. К. Рокоссовский был назначен командующим 2-м Белорусским фронтом и впервые за годы войны расстался со своим штабом. Работая под командованием Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, принявшего фронт, М.С. Малинин отличился в Висло-Одерской и Берлинской наступательных операциях.

Работа над планом оборонительной операции в районе Курска проходила параллельно с планированием «Цитадели», причём некоторые их моменты совпадают до дня. Так же как и в руководстве Германии, у советского командования изначально не было единого взгляда на то, следует ли нанести упреждающий удар или перейти к обороне. В этой связи надо отдать должное организаторским способностям И.В. Сталина, его умению слушать и слышать специалистов. Хотя не все важные и обоснованные предложения военачальников принимались. Тем не менее благодаря этому по крайней мере весной 1943 г., он сумел выстроить более чёткую и эффективную систему работы с генералитетом и наркоматами (участвовавшими напрямую в обеспечении действующей армии), чем Гитлер, которая в большей степени базировалась на реалиях оперативной обстановки, а не на предположениях, мистике и вере в проведения. Многие из тех, кто был рядом со Сталиным, в том числе и впоследствии его ярые противники, отмечают положительные изменения, которые произошли с ним как с Верховным Главнокомандующим в период подготовки к Курской битве. *«Не касаясь здесь тех сторон деятельности Сталина, которые были в последующем справедливо осуждены нашей партией, – писал А.И. Микоян, – должен сказать, что Сталин в ходе, и особенно в начале, войны, как я понимал это тогда и как думаю об этом и теперь, в целом проводил правильную политическую линию. Он был гораздо менее капризным и не занимался самоуправством, которое стало проявляться, когда наши военные дела пошли лучше и он просто зазнался. Правда, были и в начале войны позорные эпизоды, связанные с упрямством, нежеланием считаться с реальными фактами. Например, категорическое запрещение выйти из назревавшего котла целой армии на Украине, хотя Хрущев и Баграмян настаивали на этом. Помню, он даже не подошел к телефону; когда Хрущев звонил по этому вопросу; а поручил ответить Маленкову. Мне это показалось невозможным самоуправством. В результате целая армия пропала в котле, и немец вскоре захватил Харьков, а затем и прорвался к Волге. Но никогда за историю Степного фронта такое не имело места»³³.*

Ему вторит Н.С. Хрущев: *«Он уже чувствовал себя по-другому, источал теперь уверенность. Я бы сказал, что в это время ему было приятно докладывать, не то что годом раньше. Да и сам он уже выражал более правильное понимание обстановки и более правильное отношение к поставленным фронтами вопросам»³⁴.*

Г.К. Жуков вспоминал: *«После смерти И.В. Сталина появилась версия о том, что он единолично принимал военно-стратегические решения. Это не совсем так... Если Верховному докладывали вопросы со знанием дела, он принимал их во внимание. И я знаю случаи, когда он отказывался от своего собственного мнения и ранее принятых решений. Так было, в частности, с началом многих операций»³⁵.*

О том, что советское командование при решении оперативных вопросов в этот момент не было жёстко связано политическими или военно-экономическими рамками указывал в своих мемуарах и Манштейн³⁶. Трудно понять, на чём основаны эти утверждения фельдмаршала, но, как мы увидим далее, результаты работы советского военного и политического руководства весной и летом 1943 г. окажутся на порядок продуктивнее, чем германского, а личный вклад первого лица государства – весомее. Поэтому исследователи, отвергающие или замалчивающие данный факт, сознательно искажают историческую правду. А таковые, к сожалению, сегодня встречаются, и не редко.

А теперь вернемся к событиям 12 апреля. В середине дня в Ставку доложил свои соображения и Военный совет Воронежского фронта (см. Приложение № 2). Н.Ф. Ватутин, проведя

³³ Микоян А.И. Так было. М.: Вагриус, 1999. С. 350.

³⁴ Хрущев Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М.: Вагриус, 1997. С. 148.

³⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т.3. М.: АПН, 1990. С. 58.

³⁶ Манштейн Э. Утерянные победы. Смоленск: Русич, 2003. С. 545.

всесторонний анализ оперативной обстановки и потенциальных угроз, тем не менее от конкретных предложений о формах и методах срыва предполагаемого наступления противника уклонился. Ясная точка зрения была высказана лишь об общих планах немцев на ближайшее время. *«Намерение противника состоит в нанесении концентрических ударов из района Белгорода на северо-восток и из района Орла на юго-восток с целью окружения наших войск, расположенных западнее линии Белгород – Курск, – отмечал он. – Впоследствии удар противника ожидается в юго-восточном направлении во фланг и тыл Юго-Западного фронта»*³⁷.

Итак, к началу совещания большинство ключевых фигур в руководстве Ставки, Генштаба и фронтов полностью разделяли справедливую оценку Г.К. Жукова, который писал: *«На первом этапе противник... нанесёт удар... в обход Курска с северо-востока и... с юго-востока... Противник будет стремиться... окружить наши 13, 70, 65, 38, 40 и 21 А. Конечной целью этого этапа может быть выход противника на рубеж: река Короча – г. Короча – Старый и Новый Оскол... Основную ставку он... будет делать на свои танковые дивизии и авиацию»*³⁸. Таким образом, советское командование уже на первом этапе планирования точно определило цель «Цитадели» (разгром армий, оборонявшихся в Курском выступе) и основной «инструментарий» для её достижения (танки и авиация).

Совещание в Кремле началось поздно вечером, помимо И.В. Сталина на нем присутствовали Г.К. Жуков, А.М. Василевский и его заместитель, начальник Оперативного управления генерал армии А.И. Антонов. Все трое были ключевыми фигурами в военном руководстве, и только этому узкому кругу военачальников Верховный доверил подготовить весь комплекс материалов для окончательного решения вопроса о летней кампании. Это свидетельствовало и о высочайшем доверии к этим людям, и о стремлении И.В. Сталина не допустить утечки информации по стратегической проблематике.

Г.К. Жуков пишет, что Верховный чрезвычайно внимательно выслушал соображения маршалов. После тщательного и всестороннего анализа присутствовавшие сошлись во мнении, что вывод, сделанный в докладе Г.К. Жукова от 8 апреля: *«Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным»*³⁹, – верный и его следует положить в основу разработки плана действий. При дальнейшем обсуждении И.В. Сталин особую обеспокоенность проявил лишь по двум проблемам: выдержат ли советские войска массированный удар противника и удастся ли надёжно прикрыть московское направление. Ему явно не давала покоя мысль о прошлых неудачах, и он настойчиво стремился исключить любую возможность повтора трагедий 1941-1942 гг. На поставленные вопросы оба маршала ответили утвердительно. *«Шёл не 1941 год, – пишет А.М. Василевский. – Красная Армия закалилась в сражениях, приобрела огромный боевой опыт... Теперь уже фашисты боялись нас. И колебания были отброшены»*⁴⁰.

С утверждением будто бы уже в апреле 1943 г. советское военно-политическое руководство приобрело полную уверенность в том, что обе проблемы, на которые указал И.В. Сталин, Красной Армией будут успешно решены, согласиться нельзя. Сомнения и колебания наблюдались и в мае, и в июне. Причём подпитывались они и недавним трагическим опытом 1941-1942 гг., и некоторыми данными разведки, которые хотя и считались не обоснованными, но вместе с вполне понятной тревогой Москвы по поводу не ясных перспектив начала летней кампании создавали в Ставке ВГК существенное нервное напряжение.

³⁷ Гланц Д., Хауз Д. Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. М.: Астрель, 2006. С. 388.

³⁸ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т.3. М.: АПН, 1990. С. 14.

³⁹ Там же. С. 15.

⁴⁰ Василевский А.М. Дело всей жизни. Т. 2. М.: Политиздат, 1988. С. 17.

Но вернёмся к совещанию в Кремле. В результате продолжительной, детальной проработки проблемы были сформулированы три принципиальных решения, во многом предопределившие нашу победу в Курской битве.

Во-первых, наиболее удобным участком советско-германского фронта для возможного летнего наступления вермахта был определён Курский выступ. Поэтому именно здесь следовало ожидать главных событий в ближайшее время и сосредоточить все усилия как для срыва замысла противника, так и для нанесения немецким войскам больших потерь, чтобы в дальнейшем в этом же районе перейти в решительное контрнаступление.

Во-вторых, принято предварительное решение о переходе к преднамеренной обороне. И в этой связи, командованию Воронежского и Центрального фронтов поручалось:

- в кратчайший срок восстановить боеспособность войск;
- приступить к планированию общей (межфронтовой) Курской стратегической оборонительной операции;
- начать возведение мощной полевой обороны с разветвлённой, насыщенной системой противотанковых инженерных заграждений и сооружений, с учётом того, что главным средством прорыва немцы изберут, вероятнее всего, бронетехнику и авиацию;
- для снижения боеспособности соединений Люфтваффе признавалось целесообразным подготовить и нанести мощные удары силами воздушных армий фронтов по аэродромам, аэроузлам противника и базам снабжения в районе Курской дуги, а также железнодорожным коммуникациям, по которым шло их снабжение горючим и боеприпасами.

В-третьих, развернуть работу по планированию летней кампании в целом, а оборонительную операцию под Курском включить в её состав как ключевой элемент, запускающий общее стратегическое наступление Красной Армии на Украину и Белоруссию. Помимо Центрального и Воронежского фронтов к этой работе должны были подключиться штабы Западного, Брянского и Юго-Западного фронтов. В результате в ходе боевых действий в летний период предполагалось освободить восточные районы Белоруссии, всю Левобережную Украину и Таманский полуостров, тем самым создать условия для полного очищения страны от захватчиков к концу года. Кроме того, ещё до совещания 12 апреля в рамках подготовки к летней кампании Ставкой были отданы приказы оперативно провести работу по:

- увеличению пропускной способности железных дорог;
- завершению к концу апреля формирования Резервного фронта;
- реорганизации всей военной разведки с целью повышения её эффективности (результатом этого станет приказ И.В. Сталина от 19 апреля 1943 г.);
- сохранению в тайне всего комплекса подготовительных мероприятий к предстоящим операциям.

«Рассказывая... о плане Курской битвы; мне хотелось бы подчеркнуть два момента, – писал А.М. Василевский. – Во-первых, то, что этот план являлся центральной частью общего стратегического плана, принятого Ставкой на летне-осеннюю кампанию 1943 года; во-вторых, что решающую роль в разработке плана сыграли высшие органы стратегического руководства – Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб»⁴¹.

В беседах со мной некоторые зарубежные историки в качестве некой новинки приводили, по сути, «модернизированную» точку зрения Манштейна о том, что после неудачи советских войск на Украине в марте 1943 г. вермахт временно перехватил инициативу и переходом к преднамеренной обороне Москва этот факт якобы подтвердила. Считаю данную позицию безосновательной. Принятое решение 12 апреля 1943 г. не означало потерю инициативы советской стороной. В этот момент СССР обладал потенциалом большим, чем Германия, и, что крайне важно, если сравнивать первый период войны, то, безусловно, использовать его совет-

⁴¹ Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн.2. М.: Политиздат, 1988. С. 18.

ское командование уже научилось, а Красная Армия имела численное превосходство над вермахтом. Это была не вынужденная мера, а расчёт с дальним прицелом. Переходя к обороне, Ставка лишь стремилась сохранить силы и создать максимально благоприятные условия для скорейшего и полного освобождения оккупированной территории страны.

Вместе с тем на совещании было признано, что, если немцы будут существенно затягивать с началом наступления, нам следует первыми перейти к активным действиям, минуя запланированную оборонительную фазу, связанную с ожиданием удара противника на Курск. Генштабу поручалось ознакомить командование перечисленных выше пяти фронтов с общим замыслом Ставки и отдать приказы о разработке каждым из них наступательных операций с учетом общих целей и задач летней кампании. В свою очередь, Москва тоже предприняла ряд крупных мер для облегчения и повышения эффективности боевой работы войск. Например, в тот же день был существенно расширен «инструментарий» командования фронтов при реализации наступательных задач: И.В. Сталин подписал Постановление ГКО №3164сс о создании четырех артиллерийских корпусов прорыва и восьми тяжёлых пушечных бригад. Причём лишь один корпус, 4 акп, выделялся фронтам, удерживавшим Курский выступ, – войскам Рокоссовского. Решение о подчинении арткорпусов Центральному и Брянскому фронтам было обусловлено в первую очередь близостью их к столице и мощью обороны врага. Артиллерия рассматривалась как важный элемент в системе прикрытия московского направления в случае удара противника из района Орла на север и одновременно средством усиления войск, запланированных для ликвидации орловского выступа. Тем самым Ставка пыталась учесть печальный опыт ряда неудавшихся наступательных операций под Вязьмой и обеспечить фронты мощным инструментом прорыва долговременной и хорошо развитой обороны, которая создавалась здесь германскими войсками больше года. Ликвидация орловской группировки жёстко увязывалась с Курской оборонительной операцией Центрального и Воронежского фронтов. Поэтому сосед К.К. Рокоссовского, командующий Брянским фронтом, тоже получил два арткорпуса прорыва под номерами 2 и 7. Предполагалось, что они будут находиться в составе фронта вплоть до начала Орловской операции, а затем часть сил, 7 акп, будет переброшена на юг Курской дуги для взламывания рубежей противника непосредственно перед началом наступления на Харьков и далее. Однако эти планы реализовать в полном объёме не удастся, к концу июля Воронежский фронт получит не оба корпуса, а только часть их дивизий. А 4 акп РГК, к 5 июля 1943 г. уже находившийся в подчинении К.К. Рокоссовского и готовый к боям, сыграет очень важную роль при разгроме «Цитадели», а затем окажет существенную помощь его войскам при переходе в контрнаступление, хотя к этому времени его бригады, особенно гаубичные, понесут заметные потери.

В-четвертых, на совещании в Кремле были окончательно определены районы сосредоточения стратегических резервов. За неделю до этого, 6 апреля, было принято и оформлено решение о вводе принципиально новой организационной форма их объединения на одном направлении – Резервный фронт⁴², в который планировалось включить 50% всех войск, подчиненных напрямую Ставке ВГК. Несколько позже его переименуют в Степной военный округ, а затем вновь во фронт. Управление фронта планировалось сформировать на базе полевого управления 41А, включались в его состав шесть общевойсковых (2-я резервная, 24, 53, 66, 47 и 46-я), одна воздушная (5 ВА) и одна танковая (5 гв.) армии, шесть танковых (1, 3 и 4-й гв., 3, 10 и 18-й) и два механизированных (1-й и 5-й) корпуса. Кроме того, с 27 апреля ему передадут сразу пять кавалерийских корпусов (2, 3, 5, 6 и 7-й), после чего этот род войск станет у него самым сильным и многочисленным из всех стратегических объединений действующей армии. Причем из семи фронтов, которым предстоит участие в Курской битве, к её началу кавалерийскими соединениями будут располагать только два – Степной и Брянский, а непосредственное

⁴² Русский архив. Ставка Верховного Главнокомандования. Док. и матер. 1943 г. М.: ТЕРРА, 1999. С. 114,115.

участие в боях примут только кавдивизии последнего. Территория СтепВО составляла 102 000 кв. км. Его центром был определён Воронеж.

Полностью силы округа будут развернуты в мае по линии Ливны – Старый Оскол – Короча. *«И.В. Сталин считал, – вспоминал С.М. Штеменко, – что на всякий случай Степной военный округ надо заранее поставить на центральном направлении в тылок действующим фронтам, имея в виду возможность использовать его и для решения оборонительных задач, если к тому вынудит обстановка».*⁴³ Ещё более определенно круг возможных задач округа в оборонительной фазе Курской битвы, Верховный очертит в конце июня 1943 г. в разговоре с его новым командующим генерал-полковником И.С. Коневым: *«Видимо, предстоит очень крупное сражение, и Степному фронту предстоит в этом сражении сыграть большую роль. То есть в случае, если противник прорвёт нашу оборону, фронту необходимо будет создать ударную группировку, нанести мощный контрудар и разгромить наступающего противника, а затем перейти в контрнаступление. Готовя войска к этим активным действиям, необходимо сейчас привести всю полосу Степного фронта в оборонительное состояние... Сталин обратил моё внимание на то, что оба направления – и Орловское и Белгородское – будут одинаково важны»*⁴⁴.

Но это будет позже, на втором этапе подготовки, а через две недели после совещания в Кремле, 23 апреля, Ставка направила командованию округом директиву №30107, в которой определялись задачи на ближайшее время. В документе указывалось:

«1. На период доукомплектования войск Степного военного округа одновременно с задачами боевой подготовки возложить на войска округа следующие задачи:

а) на случай перехода противника в наступление ранее срока готовности войск округа иметь в виду прочно прикрыть направления:

- 1. Ливны, Елец, Раненбург.*
- 2. Щигры, Касторное, Воронеж.*
- 3. Валуйки, Алексеевка, Лиски.*
- 4. Ровеньки, Россошь, Павловск.*
- 5. Старобельск, Кантемировка, Богучар и район Чертково, Миллерово.*

Командующему войсками округа организовать в соответствии с группировкой войск тщательное изучение командирами соединений и частей, их штабами этих направлений и возможных для развертывания рубежей;

б) принять, изучить и подготовить к обороне рубеж по левому берегу р. Дон – Воейково, Лебедянь, Задонск, Воронеж, Лиски, Павловск, Богучар. Готовность рубежа к 15 июня 1943 г.;

*в) произвести рекогносцировку оборонительного рубежа по линии Ефремов, Измалково, Чернова, Борт, Избище, Репьевка, Алексеевка, Ровеньки, Беловодск, ст. Дяткино, Каменск на р. Сев[ерский] Донец с целью определить состояние имеющихся на нем оборонительных сооружений, правильность выбора этого рубежа в соответствии с условиями местности. Особое внимание обратить на использование командных высот с целью создания наиболее выгодных условий наблюдения и системы огня»*⁴⁵.

Тем не менее основной акцент в документе был сделан на главную цель СтепВО, для которой он первоначально и создавался, – освобождение Украины. Поэтому во второй его части Ставка потребовала немедленно приступить к подготовке войск именно к наступлению: *«Войска, штабы и командиров соединений готовить главным образом к наступательному бою и операции к прорыву оборонительной полосы противника, а также производству мощных*

⁴³ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1968. С. 156.

⁴⁴ Знамя//1987. №12 . С. 93.

⁴⁵ Русский архив. Великая Отечественная война. Ставка Верховного Главнокомандования. Док. и матер. 1943 г. Т.16 (5–3). М., 1997. С. 127.

контрударов нашими войсками, к быстрому закреплению захваченных рубежей, к отражению контрударов противника, к противодействию массированным ударам танков и авиации и к ночным действиям. Особо тщательно отрабатывать вопросы управления войсками и взаимодействия родов войск на всех этапах боя и операции.

Серьезное внимание уделить обучению на двухсторонних учениях разведке противника, имеющей своей целью вскрытие системы обороны и его группировки. Требовать обязательного непосредственного участия в разведке противника ответственных представителей штабов всех степеней до армейского и фронтового включительно, особенно на важнейших направлениях.

Учения со штабами проводить, как правило, многодневные, непрерывные, со средствами связи и разведки.

Учения с войсками от батальона и выше также проводить в течение нескольких дней, отрабатывая ряд связанных между собою тем, всемерно приближая условия учебы и быта войск к боевой действительности»⁴⁶.

Вторую половину резервов, учитывая требования И.В. Сталина надёжно прикрыть московское направление, было решено расположить за правым крылом Брянского фронта в районе Калуга – Тула – Ефремов.

По воспоминаниям высокопоставленных генералов, участников тех событий, уже в начале апреля и в Москве, и на фронтах не было больших сомнений в том, что в предстоящей кампании главные события развернутся в полосе Центрального и Воронежского фронтов. И с каждым днем эта уверенность только крепла. Тем не менее с началом разработки Курской оборонительной операции, особенно после поездок в войска Рокоссовского и Ватутина, у Г.К. Жукова возникло убеждение в том, что немцы могут нанести мощный удар ещё и в стык Воронежского и Юго-Западного фронтов, примерно там, где началось их наступление летом 1942 г. Мнение маршала разделял и генерал-полковник Р.Я. Малиновский⁴⁷. Эту точку зрения оба настойчиво отстаивали вплоть до начала Курской битвы. Поэтому в качестве страховочной меры за стыком этих фронтов, в районе г.Лиски, Ставка сосредоточит 5 гв. ТА и ещё ряд резервных соединений, а на крайнем левом крыле 7 гв. А Воронежского фронта, по требованию Г.К. Жукова, оборона будет построена в два эшелона, т.е. на второй армейской полосе полноценная стрелковая дивизия будет стоять «в затылок» такому же соединению, развёрнутому на главной полосе.

Это один из фактов, который наглядно свидетельствует, что в ходе планирования летней кампании не только Верховный Главнокомандующий помнил ошибки прошлого года, но и его заместитель, который, кроме того, ещё и стремился учесть трагический опыт лета 1942 г. Причём, вероятно, в силу высокой профессиональной интуиции, Г.К. Жуков точнее, чем И.В. Сталин, просчитывал замысел неприятеля. По его мнению, «изюмский выступ» хотя и трудно было сравнивать со столицей, однако войска Юго-Западного фронта, находившиеся в нём, были серьёзной угрозой для ГА «Юг», которая не могла не сковывать инициативу её командования. Следовательно, с большой долей вероятности оно будет пытаться ликвидировать этот плацдарм, что, в общем-то, и случится при подготовке к «Цитадели». Напомню, в оперативном приказе № 6 Гитлер отмечал, что при благоприятном развитии наступления на Курск (как и предполагал Г.К. Жуков) готов нанести удар на юго-восток (вариант плана «Пантера»). «Таким образом, уже в середине апреля Ставкой было принято предварительное решение о преднамеренной обороне, – писал Г.К. Жуков. – Правда, к этому вопросу мы возвращались неоднократно, а окончательное решение о преднамеренной обороне было принято Ставкой

⁴⁶ Русский архив. Великая Отечественная война. Ставка Верховного Главнокомандования. Док. и матер. 1943 г. Т.16 (5–3). М., 1997. С. 127.

⁴⁷ В ту пору командующий Юго-Западным фронтом, с 28 апреля 1943 г. – генерал армии.

в начале июня 1943 г. В то время уже фактически стало известно о намерении противника нанести по Воронежскому и Центральному фронтам мощный удар с привлечением крупной танковой группировки и использованием новых танков «тигр» и «пантера» и самоходных орудий «фердинанд»»⁴⁸.

Как свидетельствуют рассекреченные сегодня документы, Красная Армия была вполне готова первой перейти в наступление уже в мае, чего, кстати, немцы очень опасались. Однако Москва выбрала иной путь. Надо признать, что принятие этого решения требовало определённого мужества, т.к. за минувшие 20 месяцев войны в ходе стратегических операций советскому командованию ни разу не удавалось предотвратить прорыв своей полевой обороны танковыми клиньями вермахта. В лучшем случае противник блокировался в оперативной глубине, наспех сформированными новыми армиями и даже фронтами. При этом наши войска несли значительные потери, а враг получал под контроль большие территории. Повторение подобного Ставка уже допустить не могла. Курский выступ удерживали два фронта, имевшие в своём составе более одного миллиона человек, и разгром столь мощной группировки мог иметь катастрофические последствия. В 1999 г. в беседе со мной доктор исторических наук, полковник Ф.Д. Свердлов, которому в начале 1960 г. довелось слушать выступление К.К. Рокоссовского в Академии им. М.В. Фрунзе, вспоминал: *«Маршал особо подчеркивал, что уже 28 апреля, во время обсуждения плана обороны фронта в Кремле, И. В. Сталин поставил перед его руководством задачу: ни в коем случае не допустить глубокого вклинения танковых группировок немцев в оборону, остановить не далее тактической полосы и обескровить их ударные соединения – танковые и моторизованные дивизии. Такую же задачу, но чуть раньше (25 апреля. – З.В.) в Кремле, получил от Верховного и Военный совет Воронежского фронта»*. Уже после событий под Курском, осенью 1943 г., И.В. Сталин в беседе с командующим 5 гв. ТА генерал-полковником П.А. Ротмистровым так изложил главные причины, которые заставили его принять решение о переходе к преднамеренной обороне, заведомо зная, что действующая армия по численности живой силы и количеству основных типов вооружения превосходила противника в разы: *«Наша пехота с артиллерией очень сильна в обороне и нанесёт большое поражение наступательным силам гитлеровцев. В манёвренном же бою... пехота не так сильна. Наши танковые войска... вполне способны успешно вести бой... в маневренных условиях. Однако в ситуации, когда фашисты имели почти такое же количество танков, как и Красная Армия, но обладали численным превосходством в тяжёлых танках, риск был необоснованным»*⁴⁹.

Напомню, что танковые и моторизованные дивизии вермахта являлись важнейшим средством не только наступления, но и обороны (для нанесения контрударов). Следовательно, главной задачей, которую Ставка ставила перед своими войсками в районе Курска на первом этапе битвы (как и командование ГА «Юг» при планировании «Цитадели»), являлось истребление или по крайней мере нанесение тяжелейших потерь немецким подвижным соединениям на заранее подготовленных армейских оборонительных полосах, т.е. лишить командование противника важнейшего инструмента для срыва предстоявшего наступления Красной Армии на Украину и Белоруссию.

Одним из важных и крайне запутанных вопросов в истории Курской битвы является деятельность советских разведорганов по определению замысла Берлина на стадии обсуждения плана «Цитадель», а также их вклад в освещение процесса подготовки германской армии к удару на Курск весной 1943 г. и определение его даты. Как известно, ни одна разведка не может выиграть битву или войну, но в зависимости от степени эффективности она, как правило, оказывает большую помощь в этом. Тем не менее в последнее время часто встречаются издания, в которых некоторые сотрудники отечественных спецслужб утверждают, что ключевая роль в

⁴⁸ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т.3. М.: Новости, 1990. С. 23.

⁴⁹ Ротмистров П.А. Время и танки. М.: Воениздат, 1972. С. 162.

победе под Курском принадлежала именно советской разведке. Потому что якобы вся колоссальная работа военно-политического руководства СССР и Красной Армии по разработке и подготовке Курской оборонительной операции началась только после того, как данные, полученные разведорганами весной 1943 г., были окончательно перепроверены и признаны верными. Например, генерал-лейтенант В.А. Кирпиченко пишет: *«Дж. Кэрнкросс в конце апреля, за два с лишним месяца до начала Курской битвы, передал в Москву полную информацию о том, что немецкое наступление начнется в июле. Это была дешифровка телеграммы в Берлин немецкого генерала фон Вейхса, который готовил немецкое наступление на юге Курской дуги. ...Информация перепроверялась десятки и десятки раз! ...Когда же она многократно подтвердилась, была начата быстрая разработка плана преднамеренной обороны»*⁵⁰. Встречаются и ещё более спорные утверждения. Например, бывший начальник 4-го отдела НКГБ СССР П.А. Судоплатов писал, что наша разведка даже влияла на принятие решения о неоднократном переносе начала операции «Цитадель»⁵¹. А сотрудник внешней разведки полковник Ю. Модин подчеркивал, что *«советская победа в великом танковом сражении на Курской дуге под Прохоровкой в июле 1943 г., когда 2000 танков намертво сцепились в кровавой битве, длившейся два дня и две ночи, могла быть отчасти отнесена на счёт Джона Кэрнкросса»*⁵². Однако факты, приведённые упомянутыми авторами, к сожалению, не подтверждаются ни документами, ни событиями первой половины 1943 г.

В советской историографии этот вопрос всесторонне не был освещён, причём в основном по объективным причинам: к тому времени ещё не истёк 50-летний период секретности архивной документации, установленный законом. Следовательно, и предметно обсуждать было нечего. Поэтому в работах отечественных историков результаты деятельности разведки в марте-июне 1943 г. освещались поверхностно. Примерно так, как это отражено в книге ведущих советских специалистов по Курской битве Г.А. Колтунова и Б.Г. Соколова: *«По заданию Генерального штаба велась тщательная разведка на участках Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов. Перед Разведывательным управлением и Центральным штабом партизанского движения была поставлена задача – выяснить наличие и расположение резервов в оперативной глубине противника, районы сосредоточения войск, перебрасываемых с запада... Уже в начале апреля удалось установить, что противник стягивает в район Курского выступа крупные силы для большого летнего наступления. Это не могло не повлиять на решения советского командования, его замыслы»*⁵³. И этим изложение вопроса исчерпывалось. Дальше авторы приступали к изложению процесса принятия решения о преднамеренной обороне.

Таким образом, примерно до первой половины 1980-х гг. при рассмотрении этой темы основное внимание уделялось описанию деятельности Генерального штаба и предвидению советских полководцев, в меньшей степени – боевой работе войсковых разведорганов и партизан, работа же стратегической разведки и её конкретные результаты практически не анализировались. Например, отдельные авторы отмечали важную роль в сборе ценных данных по «Цитадели» сотрудника НКВД Н.И. Кузнецова, действовавшего на оккупированной территории СССР под именем обер-лейтенанта П. Зиберта⁵⁴. Однако оценить результаты его деятельности как разведчика сегодня пока трудно. В книгах «Это было под Ровно» и «Сильные духом» бывший командир Н.И. Кузнецова полковник Д.Н. Медведев, возглавлявший партизанский отряд «Победители», рассказал о его разговоре с рейхскомиссаром Украины Э. Кохом, состо-

⁵⁰ Бондаренко А.Ю., Ефимов Н.Н. Тайные страницы Великой Отечественной. М., 2009. С. 128,129.

⁵¹ Судоплатов П. Победа в тайной войне. 1941-1945 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 321.

⁵² Модин Ю. Судьбы разведчиков. Мои кембриджские друзья. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. С. 167.

⁵³ Колтунов Г.А., Соловьёв Б.Г. Курская битва. М.: Воениздат, 1970. С. 28.

⁵⁴ Лукин А.А., Гладков Т.К. Николай Кузнецов. М.: Молодая гвардия, 1971. С. 82.

явшемся 31 мая 1943 г., в ходе которого последний якобы сообщил о крупном «сюрпризе», который Гитлер готовит в ближайшее время большевикам под Курском, и рекомендовал поскорее возвращаться в свою часть⁵⁵. В этих изданиях описываемые события были облечены в художественную форму, но во вступительной статье автор подчеркнул: всё изложенное им происходило в действительности⁵⁶. Поэтому информация стала довольно широко использоваться, в том числе и в научной литературе⁵⁷. О том, что такой разговор был и Н.И. Кузнецов действительно передал сведения по Курску в Центр, подтверждал и П.А. Судоплатов⁵⁸. Однако в 1998 г. известный писатель и исследователь истории разведки Т.К. Гладков опубликовал выдержку из рапорта Н.И. Кузнецова о той памятной встрече, но упоминания Курска в ней нет. В разговоре речь шла вообще о мнении немецких военнослужащих *«о подготовке наступления на Востоке»*⁵⁹, без указания даты и места. Но даже если бы Курск и упоминался, в тот момент эта информация мало что давала Москве. Она могла лишь подтвердить уже известное: немцы готовят крупное наступление против Центрального и Воронежского фронтов, оборонявших Курский выступ.

Постепенно, уже на излёте советской эпохи, в открытой печати стали появляться статьи об активном участии в подготовке оборонительной операции и стратегической разведки. Наконец, после развала СССР в научный оборот начали вводиться документы спецслужб, печататься воспоминания их бывших сотрудников и книги исследователей с важными данными по этой теме. Однако вести анализ этого массива информации и воссоздавать процесс поступления руководству СССР данных о противнике перед Курской битвой историкам мешала и продолжает мешать подчинённость структур, работавших с загранагентурой, разным ведомствам. В то время основная информация шла от трёх спецслужб: Разведуправления ГШ (после 19.04.1943 г. с зарубежной агентурой Генштаба будет работать только его Главное разведывательное управление – ГРУ ГШ КА) Генштаба Красной Армии, НКГБ и Центрального штаба партизанского движения. Поэтому, чтобы оценить вклад сотрудников каждого из этих органов в победу на Огненной дуге, следует провести сбор и обработку всего комплекса источников, хранящихся в архивах сразу трёх ведомств: Министерства обороны, Службы внешней разведки, Федеральной службы безопасности, а это крайне сложно в силу их разной степени закрытости. Тем не менее, опираясь как на известные материалы, так и обнаруженные автором документы из Центрального архива Министерства обороны РФ и Национального архива США, лишь недавно ставшие доступными отечественным исследователям, попробуем выстроить процесс поступления основных донесений разведки по данной проблематике в хронологической последовательности, чтобы с учётом происходивших событий понять, влияла ли она на деятельность советского командования и в какой мере могла Москва использовать её для принятия ключевых решений в период подготовки Курской битвы.

Итак, в марте – начале апреля разведке были поставлены задачи: выявить намерения противника на период после завершения распутицы, определить цели и задачи, формы их реализации и районы сосредоточения главных ударных группировок. *«Анализ обстановки показывал: именно тут (на Курской дуге. – З.В.) фашистское руководство попытается дать решительный бой; – вспоминал А.М. Василевский. – Но этого мало. Предположения нуждались в подтверждении разведкой, ибо в истории воин известно немало случаев, когда противник наступает не там, где его ждут»*⁶⁰. Первые данные о планах Берлина на район Кур-

⁵⁵ Медведев Д. Это было под Ровно. М.: «Правда», 1987. С. 156; Медведев Д. Сильные духом. М.: ДОСААФ, 1984. С. 200.

⁵⁶ Медведев Д. Сильные духом. М.: ДОСААФ, 1984. С. 5.

⁵⁷ История Второй мировой войны 1939-1945. Т.7. М.: Воениздат, 1976. С. 115.

⁵⁸ Судоплатов П. Победа в тайной войне. 1941-1945 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 344.

⁵⁹ Гладков Т.К. «С места покушения скрылся...». М.: Гей, 1998. С. 242.

⁶⁰ Песков В. Командная точка.//Известия. 2008. 8 мая.

ска поступили в Ставку из агентурных источников разведуправления Генштаба в Швейцарии 16 марта 1943 г., т.е. практически сразу же после захвата Харькова и подписания Гитлером оперативного приказа № 5. В радиограмме резидента в Берне Ш. Радо («Дора») отмечалось: *«Немецкое главное командование намерено использовать освободившиеся после сокращения Центрального фронта сильные боеспособные части для обратного захвата Курска»*⁶¹.

Из донесения того же источника о совещании Г. Геринга с представителями промышленности и ОКВ, поступившего через двое суток, 18 марта, вытекало, что второй человек в Рейхе говорит о плане захвата Курска как о деле, фактически решённом: *«Только что в замке Губертуситток состоялась конференция под председательством Геринга при участии руководящих представителей ОКВ и важнейших представителей немецкого хозяйства во главе с Рехлингом и Флейгером.*

Геринг сделал доклад о стратегических, политических и организационных планах немецкого главного командования. Согласно этому докладу, немецкое главнокомандование после захвата Харькова и Курска ожидает новое наступление Красной Армии, но только через определённый промежуток времени, в течение которого немецкое командование надеется суметь обеспечить необходимым образом оборону между фронтом и линией «Оствал («Восточный вал»). – З.В.).

*Геринг выразил уверенность в том, что немецкому командованию удастся, благодаря отсутствию согласия между англосаксами и СССР благополучно преодолеть критический период, переживаемый немецкой армией до середины апреля. После 15 апреля сокращение восточного фронта (срез Курской дуги, первоначально планировавшийся на 27 марта. – З.В.) и результаты «тотальной мобилизации» позволят снова укрепить западный и южно-европейский фронты сильными соединениями армии и воздушного флота и постепенно восстановить там прежнее положение»*⁶².

Данные, полученные из Швейцарии 22 марта, стали наиболее подробными из всех тех, что поступили в Москву перед совещанием в Кремле 12 апреля (и нам сегодня известны). *«Немецкая воздушная разведка установила, что советские войска в районе Курска усилены в гораздо большей степени, чем это ожидали немцы, – говорилось в радиограмме «Доры», – а также, что вокруг Курска ускоренными темпами производится строительство укреплений для создания лучших предпосылок к введению в действие советской артиллерии, чем это было возможно у Харькова.*

Немецкое военное командование всеми мерами ускоряет массирование сил для нанесения удара в направлении на Курск. Войска и танковые части отводятся из района Харькова и готовятся к наступлению на Курск через Сумы на север.

*Для удара против Курска и в составе группы Вейхса⁶³ находятся в боеспособном состоянии мотодивизии. Большинство подвижных резервов пока ещё связаны в районе Харькова и в связи с большими потерями ещё не могут быть переброшены в новый район. Среди этих наступательных резервов находятся три танковые гренадерские дивизии: «Адольф Гитлер», «Рейх» и «Мертвая голова». Из этих трех дивизий только дивизия «Мертвая голова» находится в настоящий момент в боеспособном состоянии и может быть переброшена»*⁶⁴.

А 3 апреля, когда Г.К. Жуков и А.М. Василевский уже развернули работу в войсках, оборонявшихся в районе дуги, для определения намерений противника поступило ещё одно сообщение из Берна, которое подтверждало ранее присланную информацию и расширяло её:

⁶¹ Лота В. Без права на ошибку. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 85.

⁶² Там же. С. 86.

⁶³ Ошибка ГА «Б», которой командовал фельдмаршал М. фон Вейхс, была разбита в феврале 1943 г., а в это время на юге и юго-западе советско-германского фронта уже действовала ГА «Юг» фельдмаршала Э. фон Манштейна, у которого М. фон Вейхс был заместителем.

⁶⁴ Лота В. Без права на ошибку. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 86, 87.

«Намерение Генштаба отменить наступление на Курск было отменено Гитлером и Герингом в связи с тем, что немецкое правительство обязалось по дипломатической линии завоевать обратно все исходные позиции летнего наступления прошлого года...»⁶⁵.

Все материалы военной разведки по данной проблематике, которые в это время направлялись в Ставку, найти пока не удалось. Обнаружен лишь доклад «О вероятных планах немецкого командования на весну и лето 1943 года», подписанный 29 марта 1943 г. начальников управления войсковой разведки Генштаба генерал-майором Л. В. Оняновым. Это документ очень интересный и важный, т.к. позволяет узнать прогноз именно военной разведки Советского Союза о замыслах Берлина к началу планирования летней кампании не в интерпретации, современных исследователей, которых сегодня не счесть, а «из первых уст».

По мнению авторов доклада, германские войска в этот период в северной части советско-германского фронта перейдут к обороне. Это подтверждается отводом на 100-200 км войск 9 и 4А на московском направлении. И предпримут активные наступательные действия «в южном секторе восточного фронта, на Воронежском и Ростовском операционных направлениях»⁶⁶. Их главная цель – расшатывание обороны Красной Армии в её ключевых звеньях, перехват магистралей к западу от р. Дон, связывающие центральные области СССР с Кавказом. Для этого германское командование может провести операцию с «ограниченной целью, т.е. добиться максимального снижения способности к сопротивлению Красной Армии путем постепенного вывода из строя живой силы, вооружения и техник»⁶⁷. По данным военных разведчиков, для этого наступления уже создают две ударные группировки: орловская (2ТА) и Харьковская (1 и 4ТА), причем последняя оценивалась как основная. Наиболее вероятно, что основная задача (операции) будет окружение Курской (Центральный и Воронежский фронты) или Купянской (Юго-Западный) группировок советских войск. Кроме того, не исключалось, создание и третьей группировки, на Донбассе, в районе Славянск – Дебальцево (1ТА, б и 17А). При первом варианте наступления, удар будут наносить орловская и харьковская группировки в направлении Воронежа (расстояние между группировками 200 км). Глубина операции 200 км. По второму, окружение в Купянской дуге, Харьковская и Славянская (расстояние между ними 200 км) – в общем направлении на Богучар. Глубина — 200-250 км⁶⁸. Кроме того, на скользящем направлении (на Льгов) по линии Севск, Сумы, Томаровка (в стык Центрального и Воронежского фронтов) будет действовать 2А. Глубина её наступления 300 км.

В докладе так же было уделено внимание дате наступления и тому, как можно противодействовать противнику. По мнению военных разведчиков, если в ближайшие 5-10 дней, т.е. в период с 3 по 8 апреля, вермахт не нанесет удара, то операцию следует ожидать в первой половине мая. Сорвать его замыслы можно лишь нанеся удар по Харьковской группировке, если же предпринять активные действия против орловской, то командование вермахта будет в состоянии реализовать свой план наступления.

В итоговой части отмечалось:

«1. Ликвидацией южного фронта «А» и «Б», немецкое командование отказывается от попыток наступления на Кавказ и в направлении излучины р. Дон.

2. Оперативное построение армий противника указывает на усиление правого фланга Центрального фронта (ГА «Центр».— З.В.) и Южного фронта (ГА «Юг» — З.В.) противника.

3. Все танковые дивизии Восточного фронта (советско-германского — З.В.) противника за исключением 2-3-х, сосредоточены в южном секторе, т.е. к югу от линии Орёл – Брянск,

⁶⁵ Там же. С. 19.

⁶⁶ ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 11600. Д. 1475. Л. 4.

⁶⁷ ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 11600. Д. 1475. Л. 4.

⁶⁸ ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 11600. Д. 1475. Л. 5 обр.

что подтверждает предложение: основными активно действующими фронтами будут являться правый фланг Центрального фронта и весь Южный фронт противника.

Вероятные операционные направления наступления войск Южного сектора Восточного фронта противника.

Из оперативного построения немецких армий вытекает два возможных варианта:

1. *Наступление с целью выхода на р. Дон от Воронежа до Богучара, на р. Калитва и в излучину нижнего течения р. Сев. Донец с захватом Ростова.*

2. *Наступление на Воронеж с дальнейшим наступлением в направлении на северо-восток в обход Москвы с востока...*

Обоими вариантами наступления будет преследоваться основная задача: попытка последовательного окружения и уничтожения наших Курской и Курганской группировок...

Наступление Харьковской группировки во взаимодействии с Орловской группировкой в направлении Воронежа...

В наступательной операции 1943 г. не исключается возможность повторения наступательной операции 1942 года в части выбора направления главного удара с резким изменением направления для выхода на оперативные тылы обороняющейся стороны...»⁶⁹.

Нельзя не признать высокий профессионализм сотрудников управления войсковой разведки и их проницательность. Тем не менее, отмечу документ не ровный и не все выводы, изложенные в нем, оказались верны. Безусловно, и в главном, где развернуться основные события, и по отдельным важным вопросам, таким как, цели наступления, примерные участки, распределение подвижных соединений вермахта по районам советско-германского фронта, оценки были точными. Однако, что касается общего замысла Берлина на кампанию 1943 г., то здесь явно допущен просчёт. Замысел противника выглядит чрезмерно масштабным. Причины этого, вероятно, в том, что у разведки в этот момент отсутствовала информация о реальном потенциале Германии и серьёзно сократившихся после Сталинграда возможностях вермахта. Кроме того, полагаю, что над руководством управления ещё продолжал довлеть фактор побед вермахта в 1941 и 1942 г., поэтому оно явно переоценивало его способность «собираться» для решительного рывка в глубину СССР, к Дону и даже восточнее Москвы. Об этом свидетельствует первый пункт доклада, который полностью состоит из цитаты Верховного: «Но они (немцы — Л.О⁷⁰.) ещё достаточно сильны для того, что бы организовать серьёзное наступление на каком либо одном направлении /Сталин/. Тем не менее, в тот момент для Ставки этих данных было достаточно, чтобы сформировать общее представление о возможных планах неприятеля и сосредоточить основное внимание и усилия на Курской дуге, как узловом районе, где вероятнее всего и развернуться главных событий этого года.

По другим каналам стратегической разведки СССР так же шли данные по этой проблематике, и не только военного, но и военно-экономического характера, которые тоже свидетельствовали о подготовке Германией крупного наступления, в том числе и в этом районе. Если опираться на спецсообщение информационного отдела 1-го Управления НКГБ в адрес наркома государственной безопасности комиссара госбезопасности 1 ранга В.Н. Меркулова от 27 мая, то разведсеть Генштаба в этот момент лидировала в поставке ценной информации о «Цитадели». Руководство НКГБ считало первой, наиболее серьёзной информацией по Курску донесение своей агентуры из Лондона от 30 апреля и перехваченную телеграмму из ГА «Юг» в Берлин от 25 апреля⁷¹. Хотя справедливости ради следует подчеркнуть, что НКГБ уже 10 апреля получило тоже интересные данные, в частности, от начальника чешской военной разведки полковника Ф. Моравица, сотрудничавшего с нами. По его сведениям, рубежом

⁶⁹ ЦАМО РФ.Ф.15. Оп. 11600. Д. 1475. Л. 6 обр, 7.

⁷⁰ Леонид Онянов.

⁷¹ «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. М.: Московские учебники и Картолитография, 2003. С. 266.

выхода ударных соединений вермахта к завершению операции определялся г. Воронеж. *«Этим наступлением, – утверждал он, – немцы преследуют цель вывести советскую армию из действия, по крайней мере, на ближайшие 6 месяцев»*⁷².

Тем не менее, даже если проанализировать лишь информацию РУ ГШ РККА в комплексе хотя бы с донесениями разведотдела штаба Воронежского фронта, то они, во-первых, во многом совпадали, во-вторых, ясно свидетельствовали о наступательных намерениях немцев в районе Курского выступа с целью его ликвидации. Лишь один пример: в марте сначала 313-й радиодивизион Воронежского фронта запеленговал работу радиостанций всех указанных в донесении «Доры» дивизий СС, а 20 марта, после боя под Белгородом, подразделениями 52 гв.сд были добыты документы убитых эсэсовцев из мд СС «Мертвая голова». Таким образом, информация из двух совершенно разных источников о переброске немцами элитного соединения к южной части Курской дуги подтвердилась.

Однако далеко не всё было так гладко. Определяющим фактором при решении вопроса об использовании разведданных для командования любого уровня во всех армиях является доверие к источнику информации. А с этим у Москвы в отношении Бернской резидентуры к апрелю 1943 г. были серьёзные проблемы. Как утверждал после войны бывший начальник 4-го (разведывательно-диверсионного) отдела НКВД-НКГБ генерал-лейтенант П.А. Судоплатов, информация от «Красная капеллы», одним из руководителей которой являлся Ш. Радо, *«носила для нас второстепенный характер»*⁷³. Причин было несколько. Одним из главных поставщиков сведений по Германии для Ш. Радо был агент «Люци» – немецкий эмигрант Р. Рёслер, который, как считается, имел широкую сеть информаторов в самом Рейхе, но настойчиво скрывал их имена и должности, объясняя это стремлением обезопасить людей от провала. Его сведения, поступавшие «Доре» уже больше года, были интересными и приходили очень оперативно, что в условиях войн являлось большим плюсом, хотя и не могло нестораживать. В радиограммах Центр хвалил источник за хорошую работу, высылал деньги, но в действительности же Москва не доверяла его сообщениям. Сравнительный анализ данных с разных источников, в первую очередь от членов так называемой «Кембриджской пятерки», привёл Центр к выводу: в сеть «Доры» англичане внедрили своего агента и через него «качают» в Москву отфильтрованную информацию. П.А. Судоплатов в своей книге упоминает этого двойного агента – им был основной радист группы по кличке «Джим»: *«Весной 1943 г., за несколько недель до начала Курской битвы, наша резидентура в Лондоне получила от кембриджской группы информацию о конкретных целях планировавшегося немецкого наступления под кодовым названием Операция «Цитадель»... Сообщение из Лондона содержало более обстоятельные и точные планы немецкого наступления, чем полученные по линии военной разведки от «Люци» из Жиневы. Руководителям военной разведки и НКВД стало совершенно ясно», что англичане передают нам дозированную информацию, но в то же время хотят, чтобы мы сорвали немецкое наступление»*⁷⁴.

Пока сведения от «Люци» были полезны советской стороне как вспомогательная информация, но в любой момент союзники могли подсунуть и «дезу». Эта опасность всегда существовала, но особенно она начала возрастать в начале весны 1943 г., когда в отношениях между союзниками возникло серьёзное напряжение. С марта Великобритания и США прекратили поставку вооружения и техники северными конвоями, что серьёзно осложняло работу по восстановлению Красной Армии после тяжелой зимней кампании. Кроме того, началась подковёрная возня с целью переноса даты открытия Второго фронта, который был обещан руководством США и Англией в августе-сентябре 1943 г., на год позже.

⁷² Там же.

⁷³ Судоплатов А.П. Победа в тайной войне. 1941-1945 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 305.

⁷⁴ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 168-170.

Анализ архивных источников и мемуаров Ш. Радо позволил некоторым отечественным исследователям пойти ещё дальше и утверждать, что большая часть информации по Германии для «Доры» готовилась спецслужбами Рейха и умело подсовывалась источникам Р. Рёслера, в частности «Вертеру», возможно, и он сам был агентом спецслужб Рейха⁷⁵. Это суждение не лишено основания. Обратимся к донесению Ш. Радо, опубликованному в его книге «Под псевдонимом «Дора», которое передал «Люси» 18 апреля 1943 г.: *«Состава 4-й танковой армии под командованием генерала Гота: танковые дивизии – 3-я, 35-я, 37-я, дивизия СС «Викинг», моторизованные и легкие дивизии – 13-я, 26-я, 103-я; временно изъятые для пополнения 9-я и 11-я танковые дивизии; изъятые для переформирования 6-я и 7-я танковые дивизии. Формирование 4-й танковой армии к летним операциям должно быть закончено только в мае»*⁷⁶. Эти данные далеки даже от тех, что имели разведотделы наших фронтов, против которых действовало указанные в шифровке вражеское объединение. В радиограмму из Берна не включены три дивизии корпуса СС, которые командование 4ТА получило ещё в феврале 1943 г., с этого момента и вплоть до завершения «Цитадели» они находились в его подчинении. В то же время 7, 9, 25 и 27 тд, 12, 25 и 103 мд и дивизия СС «Викинг» ни до Харьковского сражения, ни после него не были в подчинении 4ТА. 3 тд в это время входила в составе 1ТА и будет передана Г. Готу лишь в июне, 25 тд была развернута в Норвегии, 27 тд находилась в Германии, 9 тд – в ГА «Центр», а 12, 26 и 103 мд в составе вермахта не существовало⁷⁷. Такие же существенные нестыковки обнаруживаются и в других сообщениях «Люди». Отдельные шифровки «Доры» вообще выглядят фантастическими: *«Начиная с середины апреля 1943 г., начнут поступать первые новые танковые дивизии, которые Гудериан формирует в самой Германии и генерал-губернаторстве. Гудериан намерен, начиная с 15 апреля, передавать главному командованию армии каждые 15 дней по одной танковой дивизии»*⁷⁸.

Напомню, в этот момент о формировании новых подвижных соединений Берлин даже не помышлял, он «скрёб по сусекам», чтобы восстановить имеющиеся если не до штата, то хотя бы приблизиться к нему, а с большим скрипом шло и производство новой бронетехники. Как известно, это стало одной из официальных причин переноса, по крайней мере первой, майской даты начала «Цитадели». Это донесение «Доры» очень напоминает заявление Н.С. Хрущева, сделанное им в начале 1960 г., о том, что СССР делает ракеты, как сосиски. Но слова главы советского правительства были пропагандистским трюком. Донесение же швейцарской резидентуры имело априори иной статус. Вероятно, в том числе и из-за этих уж слишком нереальных данных в Москве возникли подозрения (или, точнее, укрепилось недоверие) в отношении бернской резидентуры и её источников. Поэтому её сообщения попадали в разряд в лучшем случае «для перепроверки», а затем пришло время и тщательного расследования её работы, результаты которого для тех, кто плотно соприкасался с её информацией, не стали ошеломляющими. *«Проведенная в ГРУ ГШ проверка сообщений от резидентуры «Дора» выявила, что по каналу от источника, скрывавшегося под псевдонимом «Вертер», в Москву достаточно часто поступала дезинформация, – отмечает О.В. Каримов. – «Вертер» давал обширную информацию по вооруженным силам противника, планам главного командования Германии. С 7 ноября 1942 г. по 25 июля 1943 г. «Вертер» представил 84 донесения, содержание которых касалось этих главных вопросов. При повторной проверке было установлено, что полностью достоверных сообщений, поступивших вовремя, было лишь 15. Достоверных, но поступивших с опозданием, – 29. Дезинформационных – 23. Дезинформационных, имевших цель завуалировать намерение германского командования, – 17. Таким образом, проверка*

⁷⁵ Наиболее развернуто это предположение обосновал Б.В. Соколов в книге «Разведка».

⁷⁶ Радо Ш. Под псевдонимом Дора. М.: Воениздат, 1973. С. 200.

⁷⁷ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933-1945. М.: «Изогриус»; ЭКСМО, 2002. С. 764-768.

⁷⁸ Кондрашов В.В. Военная разведка во Второй мировой войне. М.: Кучково поле, 2014. С. 343.

показала, что почти половина сообщений «Вертера» носила дезинформационный характер»⁷⁹. Замечу, что эта повторная проверка проводилась уже после Курской битвы, но её причина – серьёзное недоверие к донесениям из Берна, которое возникло именно в период подготовки к летней кампании. Чтобы представить, какие донесения и почему Центр относил к категории «Достоверных, но поступивших с опозданием», приведу выдержку из сообщения, полученного «Дорой» 5 июня и направленного в Москву 11 июня 1943 г.:

« а) До изменения обстановки в конце мая немецкое главное командование планировало начать наступление на советско-германском фронте (прорыв фронта) следующими силами: 1-й и 4-й танковыми армиями, 6-й армией и вновь сформированным, состоящим из пяти дивизий, 11-м армейским корпусом, который составляет ударное крыло 2-й армии. Одновременное наступление всех этих войск не предполагалось.

Немецкое главное командование планировало ударить сначала силами 1-й танковой армии и частью 6-й армии на Ворошиловград в направлении Нижнего Дона.

*После середины мая рассматривался план наступления сначала силами 4-й танковой армии и 11-го армейского корпуса против Курска. Несмотря на некоторые колебания, подготовленные к наступлению соединения группы Манштейна, продолжают оставаться на исходных позициях...»*⁸⁰.

Информация из первых двух абзацев серьёзных сомнения не вызывает, это краткое изложение разных предложений и вариантов планов боевых действий в южной части Курской дуги и южнее, которые обсуждались в Берлине в течение всей весны (операция «Пантера» и т.д.). Но к началу июня даже эта частично правдивая информация утратила свою актуальность. Вероятно, поэтому и были подброшены источникам «Доры» для повышения авторитета в глазах Москвы. Дезинформация разбросана по всему тексту. Во-первых, 11 ак в это время не входил в состав 2А, а располагался южнее, под Белгородом, в АГ «Кемпф». Следовательно, в состав «ударного крыла» 2А входить не мог. Во-вторых, удар 4ТА на Курск с юга рассматривался как приоритетный не с середины мая, а изначально, с марта-апреля. В-третьих, ни в конце мая, ни в начале июня ударные соединения группы Манштейна, выделенные для «Цитадели», не выдвигались на исходные позиции для наступления на Курск, а по-прежнему продолжали находиться в тылу на отдыхе и комплектовании. В это время уже стало понятно, что установленная дата начала «Цитадели» – 12 июня – нереальна, т.к. необходимого числа бронетанковой техники выпущено не было, а значительные силы (целый корпус) 9А увязли в брянских лесах, участвуя в операции «Циганский барон», поэтому к наступлению была не готовы.

А вот сообщение, данные которого было призваны скрыть истинные намерения противника: «27.6.43. Директору. Молния. От Вертера. Берлин, 21 июня. Главное командование сухопутных сил проводит перегруппировку армий группы Манштейна. Целью перегруппировки является создание угрозы флангам Красной Армии на тот случай, если она предпримет наступление из района Курска на запад – в направлении на Конотоп. Дора». Напомню, 21 июня Гитлер окончательно решил начать «Цитадель» в первых числах июля и утвердил предварительную дату – 3-го, а через несколько дней скорректировал её на 5 июля. С 27 июня 9А и ГА «Юг» приступили к выдвиганию ударных группировок на исходные позиции, и именно 21 июня агент «Вертер» из Берлина получает данные о том, что в ближайшие дни начнётся перегруппировка в районе Курского «балкона», которую русские с большой долей вероятности могут засечь.

Поэтому-то в донесении разъясняется, что движение огромной массы войск – якобы страховка на случай возможного удара Красной Армии, а не подготовка к удару на Курск. Подоб-

⁷⁹ Великая Отечественная война. 1943 год. Исследования, документы, комментарии / отв. ред. В.С. Христофоров. М.: Издательство Главного архивного управления Москвы, 2013. С. 192.

⁸⁰ Там же. С. 234.

ные сообщения – один из элементов плана дезинформационного обеспечения «Цитадели». Сегодня понятно, что информация этого и подобных ему сообщений из швейцарской резидентуры – вымысел, но тогда это был далеко не очевидный факт. Поэтому Москва лишь через неделю могла по достоинству оценить «большую ценность» данных «Вертера». А вот сообщение того же источника от 6 июля 1943 г., присланное из Берна 10 июля, не требовало никакого времени, чтобы понять его суть, оно сразу попало в разряд дезинформации:

«Директору. Молния. От Вертера. Берлин, 6 июля.

Приказа о превентивном наступлении немецкой армии не было к тому моменту, когда Красная Армия 5 июля ответила массированным контрударом на частное наступление немцев в районе Томаровки, которое произошло 4 июля силами одной-двух дивизий и имело целью провести глубокую разведку в связи с тем, что немцы опасались развития событий между Великими Луками и Дорогобужем.

Установив объём наступательного удара Красной Армии между Харьковом и Курском, командование приказало начать наступление двумя армиями в секторе Курска. 6 июля немецкое командование рассматривало бои всё ещё как оборонительные и постепенно вводило в сражение новые резервы, главным образом через Харьков, Лебедин, Конотоп»⁸¹.

Напомню: 4 июля 1943 г. никаких глубоких разведок немецкие войска на юге Курской дуги не вели. А в рамках подготовки к реализации «Цитадели» все четыре дивизии 48 тк 4ТА провели севернее и северо-восточнее Томаровки частную операцию по захвату высот и укрепленных сёл Герцовка и Бутово, располагавшихся перед фронтом войск правого крыла 6 гв. А. 5 июля советская сторона ни контрудара, ни вообще каких-либо активных наступательных действий в полосе Воронежского фронта не предпринимала, а наоборот, в этот день главные силы ГА «Юг» перешли в наступление на Курск. Уже к утру 6 июля для его отражения командование фронта задействовало все свои резервы, а во второй половине дня 2 тк СС 4ТА, прорвав две из трёх армейских оборонительных полос, разбил две его усиленные стрелковые дивизии, удерживавшие обоянско-прохоровское направление, и окружил резервный 5 гв. Сталинградский танковый корпус, выдвинутый Н.Ф. Ватутиным для их усиления в этот район. В связи с этим в тот же день командование фронта было вынуждено обратиться в Ставку с просьбой о выделении дополнительных сил. И на этом фоне из Берна шли убаюкивающие депеши о том, что все эти события Берлин рассматривает не иначе как оборону против советских войск. Трудно себе представить, чтобы в Москве могли поверить этим небылицам и действительно ценили источники «Доры». Кстати, возможно, это покажется удивительным, но сам Ш. Радо даже в начале 1970-х гг. продолжал считать все свои донесения, в том числе и упомянутые выше, вполне правдивыми⁸².

Поэтому нельзя согласиться с утверждением некоторых отечественных авторов о том, что к началу апреля советская разведка обеспечила руководство страны необходимой информацией о «Цитадели» в полном объеме. Данные действительно поступали, но не широким потоком, а на те, что были получены к началу апреля, Ставка опираться, и справедливо, опасалась, поэтому была вынуждена предпринимать немалые усилия для получения других данных по альтернативным каналам.

Следует признать, что в это время часто далекой от реальности была и развединформация, поступавшая из действующей армии. Так, например, по данным управления войсковой разведки Генштаба, которые приводит в своей книге С.М. Штеменко, к 8 апреля 1943 г. против войск Рокоссовского и Ватутина немцы сосредоточили якобы 15-16 танковых дивизий в

⁸¹ Радо Ш. Под псевдонимом «Дора». М.: Воениздат, 1973. С. 252.

⁸² Радо Ш. Под псевдонимом «Дора». М.: Воениздат, 1973. С. 250-259.

составе 2500 танков⁸³. В действительности же в этот момент столько бронетехники вермахт не имел на всём Восточном фронте. 1 апреля 1943 г.

ГА «Центр» и «Юг» располагали 1283 танками (396 и 887 соответственно), из которых в строю числилось лишь 570 (181/389). А на всём советско-германском фронте противник имел 1336 боевых машин, из которых исправных 45,8%, т.е. 612⁸⁴. Ошибочная информация о наличии у него столь значительной группировки танков под Курском, безусловно, заставляла советскую сторону серьёзно нервничать. Ведь на 29 марта Центральный фронт имел всего 543 исправных танка, в том числе 232 Т-34 и КВ⁸⁵, остальные лёгкие и иномарки. А Воронежский и того меньше: 9 апреля в строю числилось лишь 276 машин и 44 – в пути⁸⁶. Кроме того, следовало учитывать резервы вермахта, а также его возможность усиливать соединения в этом районе, используя бронетехнику со «спокойных» участков. Таким образом, теоретически всё это в комплексе могло дать очень значительные силы для наступления, но только теоретически.

Парадоксально, но именно эти неправдоподобные данные помогли Ставке выработать и принять наиболее верное на тот момент решение о переходе к преднамеренной обороне, т.к. Генштаб положил их в основу своего анализа оперативной обстановки и соотношения сил под Курском, который 12 апреля 1943 г. был представлен И.В. Сталину. По это причине через относительно короткое время после совещания в Кремле командующие Центральным и Воронежским фронтами получили распоряжения считать первостепенной задачей войск в готовящейся оборонительной операции уничтожение вражеской бронетехники и всю систему обороны фронтов готовить в первую очередь как противотанковую. *«Мы хотели встретить ожидаемое наступление немецких войск мощными средствами обороны, – вспоминал Г.К. Жуков, – нанеся им поражение, и в первую очередь разбить танковые группировки противника»*⁸⁷.

Как тут не вспомнить ошибку советской разведки при оценке сил группировки Паулюса перед контрнаступлением в ноябре 1942 г. под Сталинградом. Хотя тогда просчитались не в два, как под Курском, а более чем в три раза – рассчитывали окружить 85 000-90 000, а в «кольце» оказалось 300 000⁸⁸!

В то же время упомянутая выше ошибочная развединформация о численности бронетехники имела и крайне отрицательное влияние на планирование Курской оборонительной операции. В конце апреля Ставка, опираясь на неё, приняла ещё одно, но ошибочное решение о том, что главный удар вермахт нанесёт по Центральному фронту, т.к. разведка считала, что именно на Орловской дуге сосредоточены его главные силы для захвата Курска и возможного последующего удара на Москву, в том числе и бронетанковые, из которых формировался ударный клин Моделя. Эти данные подтверждались нашими спецслужбами и в мае, и в июне. Например, в разведсводке штаба БТ и МВ РККА на 15 июня 1943 г. указывалось: *«Большинство танковых войск противника на 15.6.1943 г. находится перед Западным, Брянским, Центральным, Юго-Западным и Южным фронтами Красной армии в следующих ударных группировках:*

а) в районе Брянск – Орёл – Кромы сосредоточено шесть танковых дивизий (5, 9, 2, 12, 18, и 20 тд) с общей численностью танков до 1600.

б) в районе Белгород – Харьков – Богодухов сосредоточены семь-восемь танковых дивизий (6, 7, 11, «Адольф Гитлер», «Рейх», «Тотенкопф» («Мёртвая голова»), «В. Германия»

⁸³ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1968. С. 159.

⁸⁴ NARA USA. Т. 78. R.587. F.

⁸⁵ ЦАМОРФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 16.Л.37.

⁸⁶ Замулин В.Н. Курский излом. Решающая битва Великой Отечественной. М.: ЯУЗА, ЭКСМО, 2008. С. 98.

⁸⁷ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т.3. М.: Новости, 1990. С. 23.

⁸⁸ Василевский А.М. Дело всей жизни. Т. 1. М.: Политиздат, 1987. С. 283.

и предположительно 4 тд) с общим количеством танков до 1100-1200»⁸⁹ (см. Приложение № 3).

В документе численность вражеских группировок штаб БТ и МВ фактически поменял местами. Согласно трофейным источникам, на 1 июня 1943 г. Модель располагал лишь 783 бронеединицами, из них танков – 420 (в том числе 31 «тигр») и штурмовых орудий – 363 (вместе с САУ ПТО «Фердинанд»). Всего же ГА «Центр» выделила для «Цитадели» 947 боевых машин. А по данным ряда западных исследователей, например Д. Гланца и Т. Йентца, в это время в ударной группировке Манштейна, нацеленной на Курск, находилось 1514 (1269/245)⁹⁰.

Впервые об этой ошибке стало известно из мемуаров Г.К. Жукова спустя несколько десятилетий после победы над Германией. Маршал хотя и довольно высоко оценил деятельность разведки в период подготовки к Курской битве, тем не менее признал: *«Ставка и Генеральный штаб считали, что наиболее сильную группировку противник создает в районе Орла для действий против Центрального фронта. На самом деле более сильной оказалась группировка против Воронежского фронта, где действовало 8 танковых дивизий (1500 танков). Против Центрального же фронта действовало 6 танковых дивизий (1200 танков). Этим в значительной степени и объясняется то, что Центральный фронт легче справился с отражением наступления противника; чем Воронежский фронт»*⁹¹. Дорого обошелся нам этот просчет. Его пришлось исправлять не только войсками Воронежского фронта, но и значительными силами СтепВО и резервами Юго-Западного фронта. Напомню, помимо всех войск и резервов Н.Ф. Ватутина Москва в период Курской оборонительной операции (8-11 июля) будет вынуждена дополнительно направить сюда две гвардейских армии и танковый корпус, которые примут участие в боях всем своим составом, а на завершающем этапе операции подтянуть и весь СтепВО.

К сожалению, данные (уже отобранные, «прошедшие фильтр), поступавшие руководству НКГБ по линии его 4-го Управления (от партизан и оперативных групп, действовавших в тылу противника), были нередко противоречивыми, трудно поддающимися анализу. Чтобы было понятно, какого качества приходила информация даже после «отсева» её в 4-м Управлении, приведу выдержки из двух сообщений, представленных Управлением на имя заместителя наркома НКГБ Б.З. Кабулова в один день, 10 мая 1943 г. Первый документ: *«Из района Брянска. Показаниями перебежчиков из русско-немецкого батальона, действовавшего против партизан, устанавливается, что одной из основных задач противника на южной окраине Брянского леса является захват и восстановление железной дороги Хутор Михайловский – Унечи. Для этой цели туда прибыли и приступили к работе немецкие саперы. В процессе опроса выяснилось также, что немцы сняли с охраны Брянских лесов войсковые части и технику и концентрируют силы для решительного удара на Москву, Курск и в направлении Орла. Генеральное наступление ожидается в двадцатых числах мая»*⁹².

Второй документ: *«Из района г. Овруч, Житомирской области. Получены данные об усиленном передвижении войск противника из Гомеля в сторону Калинковичи и Мозырь... По словам местных жителей, войска едут на отдых с Курского и Брянского направлений. Среди солдат есть финны, русские, украинцы и немцы»*⁹³.

Если враг концентрирует силы для удара на Курск и даже снимает войсковые части с охраны лесов (хотя уже в середине мая начнется операция «Цыганский барон»), то почему его войска с курского и брянского направлений едут на отдых? Как минимум это значит: наступ-

⁸⁹ ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 199. Л. 248.

⁹⁰ Jentz T.L. Panzertruppen: The Complete Guide to the Creation & Combat Employment of Germany's Tank Force 1943-1945. 1996. Vol.2. S.82.

⁹¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Новости, 1970. С. 475.

⁹² ЦАФСБ РФ. Ф.4. Оп.1. Д.473. Л. 137.

⁹³ ЦАФСБ РФ. Ф.4. Оп.1. Д.473. Л. 141.

ления в ближайшее время не будет, но в документе №2 указана его дата – примерно через 10 суток. Трудно поверить, чтобы за две недели до генерального наступления эшелонами с фронта ехали отпуски. Из документов сложно понять и то, где же будет направление главного удара противника. Данные о том, что он планирует наступать и на Москву, и на Курск, имели для советского командования 10 мая такое же значение, если бы НКГБ донес, что Германия хочет завоевать СССР. Но это, как говорится, полбеды, а вот что значит «в направлении Орла»? Ведь этот город находился в руках неприятеля, и если наступать в направлении на Орёл, это значит, германская армия должна была находиться на позициях советских войск. И такие документальные ребусы, поступавшие по каналам всех разведслужб, приходилось разгадывать каждый день и Лубянке, и Генштабу, и Ставке.

Безусловно, о неудовлетворительном состоянии разведслужб, особенно их кадрового потенциала, аналитических подразделений и низкой эффективности, Москва знала. Поэтому и появился приказ НКО СССР от 19 апреля 1943 г. о реформировании и совершенствовании их работы. Но ещё до этого момента, в связи с отсутствием полных и достоверных данных о замысле врага, Ставка принимает меры для повышения качества и разнообразия развединформацию по данной проблематике. 3 апреля И.В. Сталин подписал директиву руководству военных разведорганов, прежде всего фронтовых, в которой были поставлены задачи *«постоянно следить за всеми изменениями в группировке противника и своевременно определять направления, на которых он проводит сосредоточение войск, и особенно танковых частей»*⁹⁴.

К сожалению, до начала Курской битвы разведорганы действующей армии так и не смогли стать для командования эффективным средством получения качественной информации о неприятеле. В их донесениях сохранялась тенденция к завышению его сил, они по-прежнему фиксировали сотни танков там, где их не было, выявляли несуществующие армии и корпуса, при этом не замечали мощнейшие группировки перед собственными рубежами. К концу 1943 г. ситуация начнет меняться, но не кардинально, вплоть до Победы разведслужба продолжит оставаться одним из самых проблемных участков в войсках. После войны эти, как и многие другие, проблемы Красной Армии замалчивались, а широкой аудитории представлялись далекие от реальности киноленты, исполненные в жанре детектива, в которых наши «бойцы невидимого фронта» всегда успешно обыгрывают гитлеровцев и похищают самые важные их секреты. В подобном же ключе готовились и изданные за последние 70 лет миллионными тиражами художественные произведения и военно-исторические труды. Всё это в комплексе сформировало в общественном сознании искаженное представление как о самом характере тяжелого, опасного труда разведчика, так и о вкладе спецслужб в разгром врага в минувшей войне, в том числе и в победу под Курском. Следует признать, что и сегодня, несмотря на определенные положительные изменения, произошедшие в исторической науке, честная и подробная оценка результатов деятельности советской разведки в годы Великой Отечественной войны ещё не дана.

Но донесения спецслужб были лишь частью информационной базы, которую использовала Ставка при выработке плана на летнюю кампанию. Второй важный блок данных о противнике и его замысле аккумулировался и одновременно генерировался интеллектом ключевых фигур военного-политического руководства страны, прежде всего Г.К. Жукова, А.М. Василевского, А.И. Антонова, а также командованием фронтов. Впитывая собственные впечатления, получаемые непосредственно в ходе боевых действий, управления войсками, допросов пленных и опираясь на личный опыт и интуицию, они приходили к тем же оценкам и выводам, что и доносила разведка: немцы интенсивно готовятся к наступлению, и оно начнётся в районе Курской дуги сразу после завершения распутицы.

⁹⁴ Павлов А.Г. Советская разведка в 1941-1945 гг.//Новая и Новейшая история./1995. №2. С. 35.

Таким образом, информация спецслужб по этой проблематике, поступившая перед совещанием 12 апреля 1943 г., хотя и была довольно разнообразна и интересна, но самостоятельного, решающего значения для Ставки не имела, т.к. разведка не смогла сообщить что-то ранее неизвестное о намерениях врага. Донесения из Берна не вызывали доверия по вполне объективным причинам, а агентурная сеть НКГБ, на которую Кремль возлагал большие надежды, в этот момент ещё не смогла получить необходимую информацию. Тем не менее не следует ставить крест на результатах, безусловно, героического труда сотен людей, каждый день рискувавших своей жизнью для победы над общим врагом. Главным итогом деятельности разведки явились данные, которые подтверждали точку зрения ключевых фигур Ставки и Генштаба, уже до того сформировавшуюся на основе проведённого ими анализа обстановки к концу марта-началу апреля 1943 г., их личных наблюдений, впечатлений и интуиции. Для людей, принимающих решения, за которыми следуют столь масштабные события, каковой явилась оборона Курской дуги, возможность опереться на другие источники, сопоставить свои оценки с иными, независимыми данными крайне важны. Поэтому-то и информация разведки, даже не всегда точная, ценится высоко.

Как свидетельствуют результаты совещания в Кремле, его участники учитывали, что враг опытен и коварен, а следовательно, ошибки не исключены. Поэтому решение о переходе к временной обороне – подчеркну – было предварительным и в дальнейшем при изменении обстановки могло меняться. Кроме того, данные разведки, даже те, что в тот момент казались надёжными, вновь были подвергнуты перепроверке путём постановки всем разведорганам повторных задач на первоочередной сбор информации о планах немцев на район Курска.

Недавно в Интернете появилось сообщение о том, что 12 апреля 1943 г. на стол И.В. Сталину лёг ещё не подписанный Гитлером оперативный приказ № 6, который якобы добыли агенты «Доры». Допускаю, что этот крайне важный документ могла получить советская разведка, но до сегодняшнего дня в России это донесение не опубликовано, в западных источниках мне также эти данные не встречались, да и информация в Сети приводится без ссылки на первоисточник⁹⁵. Поэтому использовать её для нашего анализа считаю нецелесообразным.

После совещания в Кремле сообщения о подготовке немцев к наступлению продолжали систематически поступать от зарубежной агентуры военной разведки. Причём теперь они были более подробными и конкретными, а их источником становится также и наш военный атташе в Лондоне генерал-майора И. Склярова («Брион»), и аналитик британского центра дешифровки Д. Кернкросс (советский агент «Мольер», один из знаменитой «Кембриджской пятёрки»), действовавший по линии НКГБ. Вот лишь две радиограммы «Бриона», полученные начальником РУ ГШ РККА в один день, 16 апреля: *«Принимая во внимание все полученные сообщения, можно предполагать, что ОКВ пришёл к решению, что при настоящей стратегической ситуации есть возможность начать новое большое наступление на Востоке. Основанием для такого решения ОКВ, с одной стороны, является предположение, что вторжение союзников на Запад в этом году вероятно, но действия союзников против Сицилии и Южной Италии или Крита и Греции не смогут отвлечь главные силы Германии. С другой стороны, у ОКВ имеется мнение, что в настоящее время Красная Армия оперирует силами зимнего периода и что у ОКВ имеются последние шансы добиться успеха на Востоке в этом году...»*

Концентрация немецких сил в районе Белгорода и Орла доказывает, что немцы хотят использовать этот сектор для манёвра, общее направление которого должно привести примерно в район Воронежа. Это предполагаемое направление наступления привело бы немецкие армии в район Москвы против ядра Советской Армии. Кавказский фронт должен отойти на задний план...»⁹⁶.

⁹⁵ [ru.wikipedia.org/wiki/Курская битва](http://ru.wikipedia.org/wiki/Курская_битва).

⁹⁶ Лота В. Без права на ошибку. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 89.

Во второй радиограмме не только подтверждались уже известные намерения Берлина, но и сообщалось название наступательной операции – «Цитадель», а также правдивые данные о конкретных соединениях, которые немцы планировали привлечь для её реализации: *«14 апреля перехвачен приказ германским ВВС восточного командования (ВВС, оперирующие в секторе примерно от Смоленска до Курска, где, возможно, базируются соединения 8-го корпуса ВВС), в котором указывается, что передовые подразделения для операции «Citadella» начнут немедленно движение. 8-й воздушный корпус включен в эту операцию, и указанные передовые части выдвигаются из Германии. По имеющимся данным, в британской разведке считают, что эта операция может быть ядром будущего наступления немцев в районе Курского выступа...»*⁹⁷.

Однако наиболее важным для подтверждения принятых решений, а главное, вызывающим особое доверие советской стороны документом стала расшифрованная англичанами с помощью прототипа немецкой шифровальной машины «Энигма» радиограмма, направленная 25 апреля 1943 г. из штаба ГА «Юг» в адрес ОКХ. Это документ был добыт Д. Кернкроссом и оперативно передан резидентом НКГБ по спецсвязи в Москву. В нём исполняющий обязанности командующего группой фельдмаршала М. фон Вейхса⁹⁸ хотя и давал оценку лишь войскам Воронежского фронта в полосе намеченного наступления в рамках «Цитадели», тем не менее из документа становилось много понятно об общем замысле операции. 7 мая 1943 г. нарком госбезопасности В.Н. Меркулов направил его в ГКО. «Основная концентрация сил противника, которые, очевидно, были ещё некоторое время тому назад на северном фланге ГА «Юг», – отмечается в радиограмме, – может быть ясно определена в районе будущей операции: Курск – Суджа – Волчанск – Острогжск.

...Для противодействия осуществлению плана «Цитадель» противник располагает приблизительно 90 соединениями, находящимися к югу от линии Белгород – Курск – Мало-Архангельск. Наступление частей ГА «Юг» встретит упорное сопротивление в глубоко эшелонированной и хорошо подготовленной зоне с многочисленными зарытыми в землю танками, с артиллерийскими и местными резервами. Основные усилия обороны будут сосредоточены в главном секторе – Белгород – Томаровка...

В настоящее время трудно предугадать, попытается или нет противник избежать угрозы окружения путём отхода на восток, которая последует за прорывом основных участков на линии фронта: Курск – Белгород – Мало-Архангельск.

В заключение необходимо отметить, что события указывают скорее на оборонительные, чем на наступательные намерения противника. Это является совершенно безошибочным в отношении сектора фронта, занимаемого 6-й армией и 1-й бронетанковой армией. Можно предполагать, что в случае переброски подкреплений в район севернее фронта ГА «Юг» и началом продвижения стратегических резервов к линии фронта или их слияния в более крупные соединения наступательные действия противника станут более реальными, однако и при этом условии ему не удастся даже предупредить выполнение нами плана «Цитадель»⁹⁹.

⁹⁷ Там же. С. 90.

⁹⁸ Максимилиан фон Вейхс (правильное произношение – Вайкс), полное имя – Максимилиан Мария Йозеф Карл Габриэль Ламораль райхсфрейхерр фон унд цу Вайкс ан дер Глон) немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал (1943 г.). Родился 12.11.1881 г. в Дессау. С 07.1942 г. командовал ГА «Б», наступавшей в направлении Воронежа. Вейхс широко использовал в наземных боях зенитную артиллерию, за что получил прозвище «зенитного генерала». Весной 1943 г. временно, по очереди с В. Моделем, замещал Э. фон Манштейна, убившего на лечение в Германию, а в 07.1943 г. назначен в резерв Главнокомандования, затем – командующим ГА «F» на Балканах. В 02.1945 г. награждён Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту. 25.03.1945 г. вновь отправлен в резерв. 2.05.1945 г. пленён в Баварии войсками США. Подверглся допросам в ходе Нюрнбергского процесса, но тогда осуждён не был. В 1945-1948 гг. находился в американской тюрьме за военные преступления. Умер 27.09.1954 г. в Борнхайм (Рейнланд), под Бонном.

⁹⁹ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 4. Кн. 1. М. 2008. С. 444, 445.

Не стоит обращать внимание на последние строчки, это или стремление убедить себя в том, во что сам не веришь, или просто бахвальство самоуверенного военачальника, но ни то, ни другое советскую сторону не интересовало. Для Москвы в этом документе важным было следующее. Во-первых, подтверждалось намерение немцев начать наступление в районе Курского выступа. При этом было очевидно: подготовка к нему прошла стадию согласования и план операции уже готов. Во-вторых, в документе указан вероятный район главного удара ГА «Юг». Причём, что очень важно, он совпадал с районом, который уже спрогнозировал Н.Ф. Ватутин. В-третьих, на первом этапе наступления немцы не собирались сразу осуществлять глубокого прорыва, как, например, летом 1942 г., речь пока шла о встречных концентрированных ударах войск двух групп армий вдоль линии Белгород – Курск – Мало-Архангельск (как, впрочем, оно и произошло). В-четвёртых, противник осведомлён, что Красная Армия основательно готовится к его наступлению именно на участке, намеченном для «Цитадели», но он не знает её реальных сил. В-пятых, командование ГА «Юг» внутренне не уверено в исходе намеченного наступления, оно предупреждает Берлин об ожидаемом ожесточенном сопротивлении русских. Оно понимает, что, если оборона не рухнет от первого удара и советское командование бросит сюда серьёзные резервы, тогда исход операции предугадать невозможно. Именно эта перспектива и заставила М. фон Вейхса писать в конце ободряющую трескотню.

Следует помнить, что этот документ, как и все разведсообщения, касающиеся «Цитадели», играл важную роль в определении лишь ближайших планов противника и не затрагивал, да и не мог затронуть проблем все летней кампании 1943 г., которая имела значительно больший масштаб, именно в ходе неё и произошёл коренной перелом в войне. А срыв «Цитадели» был лишь одним, хотя и очень важным, её элементом, т.к. ещё не означал достижения цели всей кампании. Поэтому встречающееся в литературе утверждение о том, что советская разведка, определив главный замысел этой операции и место её проведения, таким образом, решила проблему коренного перелома, не верно по сути.

Но вернёмся к цитируемому документу. Доверие к перехваченной радиогамме возросло после того, как в конце апреля из США (по линии ГРУ) и Англии (НКГБ) были получены новые данные, подтверждавшие подготовку Берлином крупного наступления. Первым, 29 апреля, из Лондона поступил документ – «Оценка возможных германских намерений и планов в русской летней кампании 1943 года», который был подготовлен специально для премьер-министра У.Черчилля. По свидетельству В. Лоты, который, судя по его книге, лично ознакомился с ним, это очень большой по объёму и широкий по диапазону анализируемых вопросов фолиант. По району Курска английские аналитики отметили, что в конце марта британской военной разведкой зафиксирована большая концентрация немецких *«бронедивизий к северо-востоку от Курска (Орловская дуга – З.В.), возможно, для наступательных действий, и, вероятно, немцы будут концентрировать силы для устранения Курского выступа. Это должно укоротить их линию фронта и вернуть им оборону, которую они удерживали в этом районе прошлой весной...»*¹⁰⁰. О том, что Германия в этом году способна лишь на наступление с ограниченными целями, ещё в середине апреля донёс генерал-майор И. Складов. По его данным, в конце марта состоялось расширенное совещание комитета, который ведал производством вооружения, под председательством Г. Геринга. На нём было приняты следующие решения:

- а. сохранить производство самолётов на уровне среднегодового за 1942 г.;
- б. производство артиллерийских орудий увеличить на 16%;
- в. сохранить число танковых дивизий и полностью обеспечить их техникой;
- г. увеличить производство транспорта, особенно паровозов, платформ и вагонов¹⁰¹.

¹⁰⁰ Лота В. Без права на ошибку. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 29.

¹⁰¹ Там же. С. 26.

Всё это наглядно свидетельствовало, что промышленность Рейха работала на пределе и немцы стремятся хотя бы восполнить те огромные потери, которые они понесли в Сталинграде и на юго-западном направлении сразу после разгрома группировки Паулюса. Следовательно, о каком-либо масштабном наступлении, сравнимом с 1942 г., речь идти не могла.

Второе сообщение о том, что в США добыты важные данные по «Цитадели», пришло в Москву 30 апреля, хотя сама информация поступила позже, в первой декаде мая. Суть её была изложена в нескольких строках: *«...Немцы ставят задачей текущим летом не захватывать новых территорий, а уничтожение Красной Армии. Главный удар немцев в летней кампании будет из района Курск – Орёл в направлении на Воронеж...»*¹⁰².

Очевидно, что эти сведения схожи и с шифровкой М. фон Вейхса, и с сообщением начальника чешской разведки Ф. Моравца, которое он высказал ещё 10 апреля агенту НКГБ. Таким образом, к началу мая советская стратегическая разведка оперативно и в полном объёме подтвердила правильность решений, принятых Ставкой 12 апреля, и точность предположения командования Воронежского фронта о районе, где войсками Манштейна будет нанесён главный удар.

В дальнейшем, в мае-июне, и ГРУ, и НКГБ по данной проблематике работали тоже довольно успешно. Например, несмотря на то, что после трёх предупреждений разведки о вероятном переходе немцев в наступление в мае ничего не произошло, в спецсообщении информационного отдела 1-го Управления НКГБ от 27 мая была дана точная оценка поступившим разведданным и верный прогноз дальнейших шагов неприятеля:

«1. Сообщения о том, что германское командование никакого наступления в этом году не предпримет, не соответствуют действительности, показывающей усиленные приготовления к наступлению.

2. Сведения об ограниченном характере наступления являются правдоподобными, так как, по всем данным, Германия не располагает необходимыми стратегическими, людскими и материальными ресурсами для большого наступления в этом году.

*3. Данные... о подготовке крупной операции с целью прорыва в районе Курск-Белгород являются наиболее серьезными»*¹⁰³.

Тем не менее, развединформация продолжала оставаться хотя и необходимым, но тем не менее вспомогательным инструментом при принятии Москвой ключевых решений. Опираясь на фонды Воронежского и Центрального фронтов в ЦАМО РФ, можно утверждать: хотя информация, получаемая советским Верховным командованием, была вполне достаточна для понимания общих задач ударных группировок Манштейна и Клюге, важных деталей будущей операции Москва не знала. Следствием этого стал просчёт в определении участка нанесения главного удара в районе Курского выступа. Вместе с тем следует отметить, что поступавшие в мае-июне разведданные не смогли помочь оперативно решить ещё один важный вопрос: объяснить причины нескольких переносов начала «Цитадели». Это явилось причиной возникшей в это время в Ставке и штабе Воронежского фронта нервозности. Поэтому как в апреле, так и в последующие два месяца главную роль в сохранении выдержки и выбранного курса сыграл человеческий фактор – талант и интуиция ключевых фигур в высшем советском военном руководстве.

¹⁰² Там же. С. 43.

¹⁰³ «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. М.: АО «Московские учебники и Картолитография», 2003. С. 268.

1.2. Подготовка к Курской битве: планирование, возведение полевой обороны, восстановление и пополнение войск

Совещание 12 апреля 1943 г. подвело итог первого, очень важного, этапа подготовки советским Верховным командованием и Курской битвы, и всей летней кампании. С 13 апреля начался второй этап, не менее ответственный и напряженный. Его характерной особенностью станет не только «война нервов» между Москвой и Берлином, но прежде всего колоссальная работа по созданию мощнейшей полевой системы обороны под Курском и сосредоточение здесь крупных войсковых группировок. Если в январе-апреле главным осложняющим фактором была стремительно менявшаяся оперативная обстановка на фронте, то в это время основными проблемами стали распутица и неясность намерений противника, которая с начала мая и переросла в «войну нервов».

Сразу после совещания в Кремле развернулась кропотливая работа Генштаба и представителей Ставки с командованием фронтов, удерживавших Центральное и Юго-Западное направления советско-германского фронта. При этом особо пристальное внимание Москва уделяла положению в южной части Курской дуги. Продвижение противника в полосе Воронежского фронта было окончательно приостановлено в двадцатых числах марта 1943 г. Линия фронта стабилизировалась по линии: Снагость, Бляхова, Алексеевка, совхоз им. Молотова, х. Волков, Битица, Ольшанка, Диброва, Глыбня по правому берегу р.Сыроватки до /иск/ Краснополье, /иск/ Ново-Дмитриевка, Высокий, Завертячий, Надежда, Новая жизнь, Трефиловка, Берёзовка, Триречное, Драгунское, Задельное, /иск/ Ближняя Игуменка, Старый город и далее по левому берегу р. Северный Донец до 1-е Советское.

Тревогу Ставки в первую очередь вызвали состояние войск Н.Ф. Ватутина и данные разведки, касавшиеся этого оперативного направления. Во-первых, по сравнению с Центральным фронтом его дивизии и корпуса в большей степени были истощены и обескровлены после Харьковской операции. Не в лучшем состоянии находились и соединения, переброшенные из Сталинграда, особенно 21 А, которая развернулась на главном танкоопасном (обоянском) направлении. В ход переговоров 29 марта с Н.Ф. Ватутиным И.М. Чистяков докладывал: *«Нуждаюсь в первую очередь в пополнении людским составом. Мой запасной полк ещё остаётся в Сталинграде и тот, по донесению, разбирают на пополнение хозяйства Жадова (кодовое название 66А генерал-лейтенанта А.С.Жадова. – З.В.). Пять моих заградительных отрядов там уже забрали.*

Исключительно неудовлетворительное материальное обеспечение, в особенности горючим и боеприпасами. Тов. Донцов (К.К. Рокоссовский, в подчинении которого 21А находилась до передачи Н.Ф. Ватутину. – З.В.), согласно приказу Ставки; с переходом меня к Вам обязан был обеспечить 15 сутдачами (суточными нормами. – З.В.) продовольствия и двумя боекомплектами боеприпасов, но не сделал этого. Горючее сейчас на исходе, сегодня имею 0 А заправки, а боеприпасов 0,7 боекомплекта. Ряд тыловых частей армии ещё под Сталинградом, требуется для (их переброски – З.В.) 19 эшелонов, их обещали давать со вчерашнего дня, но нет. Прошу содействия»¹⁰⁴. Сразу замечу: в отношении К.К. Рокоссовского это не упрек, просто командарм объясняет причину того, почему его войска оказались на голодном пайке. На тот момент Центральный фронт сам остро нуждался в помощи, в том числе и продовольствием, и транспортом для его доставки. Наглядный пример – отмечавшиеся в это время неоднократные случаи гибели солдат от голода в его 70А.

¹⁰⁴ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 469. Л. 30.

2 апреля 1943 г. командарм-21 вновь ставит вопрос о пополнении: *«Приступил к формированию пяти батальонов ПТР. Представил Вам заявку на их вооружение, личным составом они укомплектованы. Мои ресурсы – 4200 человек вновь мобилизованных, местные жители совершенно не обучены, находятся во временном запасном полку. Обмундирование для них ещё не получил, выдают крохи. Один маршевский батальон 5 апреля 1943 г. смогу отправить в части (по сути, необученных людей. – З.В.). Вооружения для них, а также для соединений, которые я должен пополнить в первую, очередь нет.*

Имеющееся у меня вооружение на складах по-прежнему под Сталинградом»¹⁰⁵.

Советское командование ожидало в ближайшее время сильного удара танками от Харькова на Курск. Об этом прямо указано в приказе Н.Ф. Ватутина № 0093 от 31 марта 1943 г.¹⁰⁶. Поэтому И.М. Чистякову, кроме «родных» соединений, в кратчайший срок предстояло восстанавливать переданную ему на усиление 160 сд, сформировать две истребительно-противотанковых бригады и довести до боеспособного состояния четыре иптап, две ибр, три инжбат. Причём дивизия была полностью разбита, по сути, это был обескровленный стрелковый полк. На 25 марта в ней числилось всего 1768 человек, 1021 винтовка, 13 станковых и 11 ручных пулеметов, 160 ППШ, 24 миномета всех видов, 7 полевых орудий, 6 ПТР, 728 лошадей и 17 автомашин.

Но фронт сам испытывал острый дефицит ресурсов. Если потребности армии в легком стрелковом вооружении и обмундировании он в какой-то мере мог удовлетворить, то решить остальные вопросы был не в силах. Для наглядности приведу пример того как Н.Ф. Ватутин обеспечивал пополнение 21А живой силой и горючим. Он распорядился изъять 6000 человек, которые направлялись соседу И.М. Чистякову, в соединения 64А, в расчёте на то, что М.С.Шумилов, как более «богатый» и оборонявший не столь опасное направление, может подождать, когда из Сталинграда будут переброшены оставшиеся там силы и средства 21А. И при этом генерал армии без обиняков заявил командарму-21, что он знает, *«оно (пополнение. – З.В.) не покрывает всей вашей потребности»*, но на большее не рассчитывайте. Хотя тут же отметил, что *«относительно быстрой перевозки вашего основного запасного полка из Сталинграда и вашего вооружения я возбужу ходатайство перед Генеральным штабом»¹⁰⁷.* А когда И.М. Чистяков доложил ему, что 1440 сап, переданный армии, стоит в поле в нескольких десятках километров от места назначения «с сухими баками», Н.Ф. Ватутин лично распорядился выделить дизтопливо из крохотного резервов фронта. В начале апреля в таком состоянии находилась большая часть советских войск, оборонявших Курский выступ, в том числе и Центральный фронт.

Во-вторых, разведорганы продолжали доносить о сосредоточении против Рокоссовского и Ватутин значительных сил, до 16 танковых дивизий, уже укомплектованных техникой. Причём по мнению фронтовой разведки, наиболее сильная группировка располагалась именно в районе Белгорода и Харькова. На этот момент она оценивалась в 8 пехотных дивизий первой линии и 8 танковых с возможностью увеличения пехотных до 20, танковых – до 11 за счёт переброски с южного фланга группы Манштейна. Сегодня мы знаем, что эти данные были далеки от реальности, но тогда это было ещё не понятно. Тревогу усиливали и донесения стратегической разведки о готовящейся операции «Цитадель» в районе Курска. И.В. Сталин потребовал от А.М. Василевского дать распоряжение Военному совету Воронежского фронта: немедленно подготовить отчёт о восстановлении войск и его нуждах, после чего Н.Ф. Ватутин был вызван с докладом в Ставку¹⁰⁸.

¹⁰⁵ ЦАМО РФ. Ф.203. Оп.2843. Д. 469. Л. 33, 37.

¹⁰⁶ ЦАМО РФ. Ф.203. Оп. 2843. Д. 323. Л. 1.

¹⁰⁷ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 469. Л. 38.

¹⁰⁸ Василевский А.М. Дело всей жизни. Т.2. М.: Политздат, 1988. С. 19.

21 апреля такой документ был представлен в Москву и после изучения в Генштабе стал предметом совещания в Кремле, проведенного через трое суток. В нём не только кратко и ёмко изложилась ход пополнения войск, подготовки обороны, давалась оценка противнику, его намерений, но и предлагался развернутый план упреждающей наступательной операции, целью которой должен был стать полный разгром немцев на Левобережной Украине и создание плацдарма на Днепре. Позже, во второй половине июля, командование фронта этот замысел предложит Ставке в качестве основы для разработки операции по разгрому белгородско-харьковской группировки, вошедшей в историю под названием «Полководец Румянцев», но И.В. Сталин его не поддержит, на мой взгляд по политическим соображениям. Хотя в той ситуации он был наиболее оптимальным относительно варианта, который будет реализован. *«В связи с некоторой задержкой поступления вооружения и обмундирования процесс перевооружения и переформирования армий первого эшелона будет завершен 25 апреля 1943 г., в 69А – к 5 мая 1943 г., – докладывал Военный совет. – К этому времени дивизии будут доведены до численности от 7000 до 8000 каждая. Танки для 2-го и 5-го гв. танковых корпусов уже частично получены, и их укомплектование будет закончено примерно к 25 апреля»¹⁰⁹. Предполагается, что все остальные танковые части фронта будут укомплектованы к 1 мая 1943 г., главным образом за счёт ремонта. Кроме того, 7-й отдельный стрелковый корпус, включенный в состав фронта; прибывает в новый район назначения. Его укомплектование будет завершено к 25 апреля 1943 г.*

В целом имеется всего 540 танков, 101 самолет-истребитель, 173 штурмовика, 170 дневных бомбардировщиков, 43 ночных бомбардировщика, в сумме 487 самолетов на 17 апреля 1943 г.

На период перевооружения и переформирования войска имеют задачу: прочно удерживать занятые позиции и не допускать любого вторжения противника. В случае наступления противника разгромить его в оборонительных боях и затем, выбрав подходящий момент, перейти в наступление и уничтожить его.

... Предлагаемые основания для обороны:

1. Создание глубокой обороны, в которой не только будет подготовлен ряд полос обороны, но они будут также заняты войсками. Это не позволит противнику провести оперативный прорыв.

2. Организация плотной противотанковой обороны на большую глубину; особенно на танкоопасных направлениях.

3. Организация надежной противотанковой обороны путём создания укрытия для боевых подразделений; маскировки и широкому использованию противовоздушных средств на важных направлениях.

4. Подготовка и проведение маневра как основа успеха обороны»¹¹⁰.

Поздним вечером 25 апреля этот документ, представленный Н.Ф. Ватутиным вместе с первым членом Военного совета Воронежского фронта генерал-лейтенантом Н.С. Хрущёвым, обсуждался в Кремле членами Ставки более четырех часов. В итоге было признано, что первая часть доклада, оперативный план обороны, отвечает требованиям директивных документов и в полной мере учитывает обстановку в полосе фронта, а восстановление войск проходит в основном по графику. Поэтому без существенных изменений его утвердили. Окончательной датой полной готовности фронта к обороне было назначено 10 мая¹¹¹.

¹⁰⁹ Предполагалось, что, согласно директиве Ставки ВГК 346091 от 30.03.1943 г. эти корпуса получат: 2 гв. тк к 5.04.1943 г. – 98 Т-34 и 70 Т-70, гв.тк к 10.04.1943 г. – 98 Т-34 и 68 Т-70. После чего к 7.04 и 10.04 соответственно их комплектование должно было завершиться. Но из-за несвоевременного подхода техники из резерва Ставки график был сдвинут до конца апреля.

¹¹⁰ Глани, Д., Хауз Д. Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. М.: Астрель, 2006. С. 390-392.

¹¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 16-А. Оп. 1720. Д. 14. Л. 23.

Подробно анализировалось и предложение о переходе в наступление. Но с учётом уже принятого предварительного решения о преднамеренной обороне, а также из-за необходимости обсуждения этого вопроса с командованием Юго-Западного фронта, как одного из предлагаемых участников наступательной операции, Ставка признала целесообразным решение по второй части доклада отложить, чтобы его проработать более детально. Хотя командование фронтам получило приказ: подготовить войска к активным действиям до 1 июня. С 28 апреля на его усиление передавалась 1ТА генерал-лейтенанта М.Е. Катукова, которую пока планировалось использовать для наступления, и лишь потом, в конце мая, будет признано целесообразным использовать её в ходе оборонительных боёв, как для нанесения контрударов, так и в качестве «бронированного щита» за 6 гв. А. Стой же целью (подготовка к будущему наступлению) Ставка потребовала от Н.Ф. Ватутина до 20 мая вывести в резерв фронта 7 гв. А, которую, в случае наступления на Украину, предполагалось использовать вместе с 1ТА на направлении главного удара. Таким образом, Москва высоко оценила работу Военного совета фронта по подготовке к обороне и в то же время ясно дала понять, что, как отмечал С.М. Штеменко *«идея упреждающего удара всё ещё не отбрасывалась, но стояла на втором плане»*¹¹².

Начиная с 1960-х гг. в отечественной историографии активно обсуждалась и продолжает обсуждаться проблема «ошибки» при планировании обороны Воронежского фронта перед Курской битвой. В частных беседах и даже на официальных встречах общественности с генералами-ветеранами войны этот вопрос не раз подымался уже со второй половины 1950-х гг., хотя в открытой печати впервые был упомянут лишь в 1965 г., в книге «Великая Отечественная война 1941-1945. Краткая история»: *«Чем объясняется, что, имея к началу оборонительного сражения численное превосходство над врагом как в людях, так и в технике, Воронежский фронт не смог наличными силами измотать и обескровить ударную группировку противника и остановить её наступление без привлечения новых сил? В отличие от Центрального, командование Воронежского фронта не сумело точно определить, на каком направлении противник будет наносить главный удар. Оно рассредоточило усилия в полосе шириной 164 км, не массировало силы и средства на направлении главного удара врага»*.¹¹³

С такой оценкой не согласился непосредственный участник тех событий – Г.К. Жуков. В своей статье, опубликованной в «Военно-историческом журнале» в №9 за 1967 г., он достаточно взвешенно и вполне объективно оценил результаты боевой работы Воронежского фронта на первом этапе Курской битвы и отбросил утверждения, будто бы Н.Ф. Ватутин допустил ошибку при планировании системы обороны и распределении сил. *«Критика... командования Воронежского фронта построена на неточном подсчёте плотности сил и средств в специфических условиях оперативно-стратегической обстановки, – писал он, – ...не надо забывать, что по 6-й и 7-й гвардейским армиям Воронежского фронта противник в первый день нанес свой удар почти пятью корпусами (2-й танковый корпус СС, 3-й танковый корпус; 48-й танковый корпус, 52-й армейский корпус и часть корпус «Раус»), тогда как по обороне Центрального фронта – тремя корпусами. Легко понять разницу в силе ударов немецких войск с орловского направления и из района Белгорода»*¹¹⁴.

Однако уже в конце сентября 1967 г. на эту статью последовала неожиданно резкая реакция Маршала Советского Союза¹¹⁵ К.К. Рокоссовского. Причём не в открытой печати, а в письме его главному редактору В.А. Мацуленко. Не часто встретишь документ такой сильный по внутреннему эмоциональному накалу и в то же время далекий от исторической правды. Аргументы, приводимые К.К. Рокоссовским, идут вразрез с реальными событиями, о которых

¹¹² Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1968. С. 154.

¹¹³ Великая Отечественная война 1941-1945. Краткая история. М.: Воениздат, 1965. С. 244.

¹¹⁴ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Новosti, 1969. С. 490, 491.

¹¹⁵ Это звание К.К. Рокоссовскому будет присвоено 29. 06.1944 г.

уже тогда, в общем-то, было известно в нашей стране многим. *«Ударная группировка противника, действовавшая против Воронежского фронта, – писал он, – состояла из 14 дивизий, из коих было 5 пехотных, 8 танковых и одна моторизованная, а ударная группировка противника, действовавшая против Центрального фронта, состояла из 15 дивизий в составе 8 пехотных, 6 танковых и одной моторизованной. Таким образом, если группировка противника, действовавшая против Воронежского фронта, несколько превосходила по количеству танков, то группировка его, действовавшая против войск Центрального фронта, значительно превосходила по количеству пехоты и артиллерии.*

Более удачные действия войск Центрального фронта объясняются не количеством войск противника, а более правильным построением обороны»¹¹⁶.

Очень спорное утверждение. К.К. Рокоссовский, вероятно, запомнил, что к 5 июля 1943 г. его фронт, даже по оценке советских историков, имел на 2740 артминстволов больше¹¹⁷, чем

Воронежский, а ГА «Юг», действовавшая против войск Ватутина, располагала в 1,5 раза большим числом бронетехники, чем ударная группировка 9А, наступавшая южнее Орла. Всего же против Воронежского фронта действовало не 14 немецких дивизий, а 17. В то время как против его фронта враг бросил в полном составе лишь 15¹¹⁸. Причем их уровень укомплектованности был разный: на севере Курской дуги ниже, а на юге – выше. В доказательство этого приведу лишь два факта. Действовавшая на севере 10-я моторизованная дивизия не имела в своём составе танкового полка¹¹⁹, в находившейся в ГА «Юг» мд «Великая Германия» танковый полк был и к началу боёв имел в строю 112 танков¹²⁰. Кроме того, в составе ударной группировки севернее Белгорода помимо танковых и моторизованных дивизий находилась 10-я танковая бригада, которая по численности бронетехники была сравнима с двумя танковыми дивизиями и располагала более 200 новыми боевыми машинами Pz.VI «Пантера»¹²¹.

Аргументы сторон, их точки зрения, приводившиеся факты стали ценнейшим источником информации для историков. Хотя, к сожалению, в полном объёме до специалистов и широкой общественности в 1960-е гг. они не дошли. «Компетентные органы» были не заинтересованы, чтобы этот спор двух уважаемых в стране полководцев вышел на широкую аудиторию, и, не вникая в суть дела, постарались его погасить, а на все документы, в том числе и письма¹²², в лучшем случае лёг гриф «Для служебного пользования». Хотя, как ни странно, из мемуаров обоих маршалов вымарали не все. В результате читателю была представлена возможность узнать позицию К.К. Рокоссовского, которую он впоследствии подробно изложил в своих мемуарах, а разобраться в предложенной Г.К. Жукова оценке тех событий возможности не было. Так в общественном сознании закрепилось мнение о якобы «ошибке Ватутина», допущенной при подготовке к Курской битве. Недавно рассекреченные оперативные и отчётные документы обоих фронтов за 1943 г., хранящиеся в ЦАМО РФ, позволяют проанализировать эту проблему детально, с привлечением документов, ранее известных лишь узкому кругу лиц высшего командного звена Красной Армии.

Итак, при выработке замысла Курской оборонительной операции, работа над которой началась с середины апреля 1943 г., Н.Ф. Ватутину предстояло решить несколько важных и вместе с тем крайне сложных задач:

¹¹⁶ Военно-исторический журнал// 1992. №3. С. 31

¹¹⁷ История Второй мировой войны 1939-1945. Т.7. М.: Воениздат, 1976.

¹¹⁸ NARA USA. T.314. R.988. F.000148-000155; T.314. R.988. F.000148-000155.

¹¹⁹ NARA USA. T.315. R.556. F.000138.

¹²⁰ NARA USA. T.313. R.368. F.8654350.

¹²¹ NARA USA. T.313. R.368. F.8654350.

¹²² Письмо К.К. Рокоссовского впервые было опубликовано лишь в марте 1992 г.

- определить наиболее вероятные направления главного и вспомогательного ударов противника;
- подготовить план действий войск фронта с целью безусловного решения задачи Ставки ВГК: остановить неприятеля не далее тактической полосы;
- разработать принципиальную схему сосредоточения сил и возведения оборонительных рубежей для блокирования вражеского наступления.

Все эти вопросы стояли и перед его соседом, К.К. Рокоссовским, но Н.Ф. Ватутин изначально оказался в более трудном положении. Чтобы удержать войска ГА «Юг» в тактической зоне, необходимо было создать в ней высокую плотность¹²³ сил и средств. А именно этого ему и не хватало. В полосе Центрального фронта было лишь три вероятных направления на участке протяженностью 95 км (или 31% полосы его обороны), где враг, перейдя в наступление, мог создать серьёзную угрозу, и 40 км, где он, вероятнее всего, мог нанести главный удар. А на юге Курской дуги неприятель был в состоянии использовать не менее четырёх направлений на участке до 170 км (или 69,4% полосы фронта), причем главный удар мог быть нанесен на участке протяженностью в 3 раза больше, в 111 км. При этом оба командующих получали примерно одинаковое количество войск и тяжелого вооружения: на 5 июля 1943 г. общая численность боевого состава Центрального фронта составила 467 179¹²⁴ военнослужащих при протяженности полосы обороны 306 км, т.е. 1526 человек на погонный км, а Воронежский – соответственно 417 451¹²⁵, 245 км, 1703. Поэтому цена ошибки в прогнозе Ватутина была значительно выше, чем Рокоссовского. Это заставляло его более тщательно и творчески подходить к планированию, в полном объёме использовать все возможности для укрепления рубежей своих войск.

Не располагая силами и средствами для создания высокой тактической плотности на всех вероятных направлениях удара неприятеля, не лишившись своих резервов, Н.Ф. Ватутин решил усиливать устойчивость обороны за счёт повышения оперативной плотности¹²⁶, т.е. увеличения её глубины в центре и на левом фланге фронта. Разработанный им план обороны был сложным и многоуровневым. Он имел не одну, а как минимум две первостепенных задачи:

а. остановить и обескровить противника в тактической зоне на мощных армейских полосах (изначально от войск требовалось задержать немцев на первых двух);

б. подготовить благоприятные условия (прежде всего создать удобный плацдарм) для развертывания ударных сил с целью перехода в контрнаступление на Харьков и далее к Днепру.

За точку отсчёта генерал армии принял два на тот момент очевидных обстоятельства. Во-первых, главной целью первого этапа наступления неприятеля должен стать прорыв к Курску, самому крупному городу и административному центра в районе дуги. В докладе И.В. Сталину от 21 апреля 1943 г. он писал: «...Противник... нанесёт концентрические удары на северо-восток из района Борисовка-Белгород и на юго-восток из района Орла, чтобы окружить наши войска, расположенные западнее линии Белгород-Курск ... Против Воронежского фронта предпримет главный удар из района Борисовка-Белгород в направлении на Старый Оскол и частью сил на Обоянь и Курск. Вспомогательные удары можно ожидать... на Волчанок; Новый Оскол и Суджа, Обоянь, Курск».¹²⁷ Это предположение оказалось на удивление

¹²³ *Тактическая плотность* – насыщенность определенного участка фронта войсками и боевой техникой, выражаемая количеством батальонов, танков, орудий и других видов боевой техники, приходящихся на 1 км фронта. (Краткий словарь оперативно-тактических и общевоинских терминов. М.: Воениздат, 1958).

¹²⁴ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 426. Л.6/н.

¹²⁵ ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 138. Л.6/н.

¹²⁶ *Оперативная плотность* — средняя плотность группировки войск на определенном операционном направлении (или в пределах оперативного объединения). (Краткий словарь оперативно-тактических и общевоинских терминов. М.: Воениздат, 1958).

¹²⁷ *Глади, Д., Хауз Д.* Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. М.: АСТ, 2006. С. 389.

точным. Напомню, в приказе № 6 от 15 апреля 1943 г. будет указано: «ГА «Юг» сосредоточенными силами наносит удар с рубежа Белгород-Томаровка, прорывает фронт Прилипы-Обоянь, соединяется у Курска и восточнее его с наступающей армией ГА «Центр». Для обеспечения прикрытия наступления с востока как можно быстрее достичь рубежа Нежигаль – р. Короча – Скородное – Тим»¹²⁸. Как известно, Томаровка расположена рядом с Борисовкой, а реки Нежигаль, Короча и село Скородное находятся именно на старооскольском направлении. Следовательно, исходя из боевого построения Воронежского фронта, удары главной группировки (т.е. сил, создающих и внешний, и внутренний фронт окружения) можно было ожидать по его центру и левому флангу, а конкретно по обороне 40А (вспомогательный, для отвлечения сил обороняющихся), в стык 40 А и 6 гв. А, по 6 гв. и в стык с 7 гв. А (главный), а также в стык Воронежского и Юго-Западного фронтов (вспомогательный). Кстати, на последнем варианте вплоть до начала битвы будет настаивать Г.К. Жуков.

Во-вторых, выполнить этот замысел под силу только мощной танковой группировке. К.С. Москаленко вспоминал: «Ватутин... не однажды напоминал, что войсками группы армий «Юг» командовал Маништейн, опытный и хитрый враг. Николай Федорович рассказывал, что в ходе войны дважды сталкивался с ним: первый – на Северо-Западном фронте в 1941 г., а второй – на Юго-Западном в январе-марте 1943 г. Оба раза Маништейн применял один и тот же прием – танковый прорыв. Казалось маловероятным, что он применит его и на этот раз, но Ватутин требовал, чтобы войска были готовы к отражению танков»¹²⁹.

Наиболее удобными для массового применения бронетехники являлись лишь три участка:

- вдоль дороги Белгород – Обоянь (обоянское шоссе);
- по линии Белгород – Яковлево – Прохоровка – Марьино;
- междуречье Северского Донца и Разумной от Белгорода в общем направлении на г. Короча и далее на с. Скородное.

Причём два из них располагались в полосе обороны 6 гв. А, штаб которой так характеризовал район, где развернулись её войска: «По характеру естественных препятствий, имевшихся на местности перед передним краем армии; насчитывалось 28 км труднопроходимой для танков (противника. – З.В.) местности, 13 танкоопасных (для советской стороны. – З.В.) направлений шириной от 0,5 до 5 км с общим фронтом 38 км. ... Из 13 танкоопасных направлений – 4 считались главными, имевшими общий фронт до 20 км... Это давало возможность противнику двинуть до 2000 танков одновременно, без учёта эшелонирования»¹³⁰.

Для сравнения: как уже отмечалось, план наступления на Курск ГА «Юг» кардинально менялся дважды. До майской встречи Гота с Маништейна в Богодухово наступать 4ТА предполагалось из района Томаровка – Белгород строго на Обоянь, а АГ «Кемпф» – одновременно от Белгорода черед Прохоровку и Корочу на Скородное. После изменения плана армия Гота должна была действовать по линии Томаровка – Яковлево – Прохоровка – Курск, а войска Кемпфа – Белгород — г. Короча-Скородное. Таким образом, в обоих случаях командование противника задействовало все три главных танкопроходимых «коридора», которые Н.Ф. Ватутин считал самыми опасными и вероятными для прорыва главной группировки противника¹³¹. Надо отметить, что генерал армии сразу (в апреле) с высокой точностью рассчитал ожидаемую численность немецкой танковой группировки, которая будет прорывать полосу его фронта. «... Следует ожидать, что противник сможет создать ударную группировку силою до 10 танковых дивизий и не менее шести пехотных, – отмечал Николай Фёдорович, – всего до 1500

¹²⁸ Курская битва/под ред. И.В. Пароткина. М.: Наука, 1970. С. 521.

¹²⁹ Курская битва/под ред. И.В. Пароткина. М.: Наука, 1970. С. 106.

¹³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 235. Л. 12.

¹³¹ Глази, Д., Хауз Д. Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. М.: АСТ, 2006. С. 389.

танков, сосредоточения которых следует ожидать в районе Борисовка – Белгород – Муром – Казачья Лопань»¹³². На основе данных разведки предполагалось, что эти силы должны быть собраны в начале мая, когда закончится распутица и враг будет готов к наступлению. Напомним, что для реализации «Цитадели» в оперативном приказе № 6 от 15 апреля 1943 г. ГА «Юг» выделялись 7 пехотных, 9 танковых и моторизованных дивизий. В действительности же во время июльского наступления здесь будет введено в бой всего 9 танковых дивизий и 1508 бронеединиц¹³³, основная часть которых прибыла в его войска уже в мае.

Отталкиваясь от этих двух «опорных точек», Н.Ф. Ватутин предположил, что, вероятнее всего, ГА «Юг» попытается протаранить танковыми клиньями при поддержке больших сил авиации рубеж 6 гв. А генерал-лейтенанта И.М. Чистякова: /иск/Трефиловка – Восход – южная опушка леса юго-западнее Черкасское – южная окраина Триреченое – лог Задельный – лог Лапин – южная окраина Берёзов – Гремучий – Ерик – Шопино – выс. 211.6 – роща восточнее Дома инвалидов – Черная Поляна¹³⁴ (65 км, главный удар) и 7 гв. А генерал-лейтенанта М.С. Шумилова: Шишино – Старый Город – ИТК – Безлюдовка – Волчанск/иск/¹³⁵ (53 км, вспомогательный). Следовательно, ширина участка, где можно ожидать главный удар, составляла примерно 118 км, или 48,2% полосы обороны по начертанию переднего края.

Исходя из этого, он разработал следующую схему распределения сил фронта. Основные усилия предлагалось направить на укрепление левого фланга и центра (протяженность 170 км), чтобы перекрыть наиболее опасные направления для ударов главных сил ГА «Юг». Уже на шестой день после вступления в должность командующего Воронежским фронтом в приказе №0093 от 31 марта он чётко обозначил этот участок как, на его взгляд, наиболее проблемный и меры по его укреплению: *«В целях более успешного выполнения поставленных перед фронтом задач и более плотного занятия обороны я решил: путём перегруппировок усилить левый фланг фронта и особенно прочно занять направления Белгород, Обоянь; Белгород, Короча; Волчанок, Новый Оскол. Создать большую глубину обороны, для чего занять войсками не только главную оборонительную полосу, но также промежуточные и тыловые рубежи и иметь сильные ударные группы для производства контрударов и перехода в контрнаступление»*¹³⁶.

Сюда в первый эшелон предполагалось выдвинуть три общевойсковые армии (40, 6 гв. и 7 гв. А). Они должны были оборудовать первые две армейских полосы, заполнение войсками этих полос командующий считал важнейшим фактором для предотвращения оперативного прорыва¹³⁷. На третьей полосе (в тылу) 6 гв. и 7 гв. А (на прохоровском и корочанском направлениях) планировалось развернуть 69А, а за ней на первом фронтовом рубеже (по линии Кривошеевка – Столбище) – 35 гв.ск. Это был первый апрельский вариант, во второй половине мая, получив 1ТА, а также более точно определившись с планами противника, с одобрения Генштаба, Н.Ф. Ватутин во втором эшелон 6 гв. А (наряду с другими силами) запланирует выдвижение для занятия отдельных участков обороны на обоянском направлении сил 1ТА, на прохоровское – 5 гв.стк, а в полосу 7 гв. А – 2 гв. ттк.

Кроме того, в центр и левое крыло фронта (армии Чистякова, Шумилова и Крюченкина) изначально предполагалось нацелить все подвижные (2 гв.ттк, 5 гв.стк, 1ТА) и большую часть артиллерийских противотанковых резервов (иптап и ипатбр), которыми располагал фронт (**подробнее см. таблицу №1**). В результате из 35 стрелковых дивизий, которые под-

¹³² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. М.: АПН, 1990. С. 20.

¹³³ Zetterling IV., Frankson A. Kursk 1943: a statistical analysis. London, 2000. Tab.3.8. P.32.

¹³⁴ ЦАМО РФ. Ф.335. Оп.5113. Д. 235. Л. 6.

¹³⁵ ЦАМО РФ. Ф.203. Оп.2843. Д. 386. Л. 2.

¹³⁶ ЦАМО. Ф.203. Оп. 2843. Д. 323. Л. 1.

¹³⁷ Глази, Д., Хауз Д. Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. М.: АСТ, 2006. С. 391.

чинялись Н.Ф. Ватутину, 22 он намечал сосредоточить на обоянско-прохоровском и корочанском направлениях. В результате по всему фронту на одну дивизию в среднем должно было приходиться 10 км, а на направлении главного удара – 5,2 км. Кроме того, армиям Чистякова и Шумилова фронт должен был передать:

- 44 артиллерийских полка усиления, в том числе и иптап, из 70 имевшихся в его составе, или 68%;

- 50% из 6 танковых бригад НПП и 10 танковых полков НПП;

- 8 минометных полков «катюш» из 11 находившихся во фронте, или 73%¹³⁸.

Таким образом, для удержания наиболее ответственных направлений планировалось выдвинуть 63% стрелковых дивизий, от 50 до 73% танковых и артминсредств, занять войсками армий первого стратегического эшелона и резервами фронта четыре оборонительных рубежа на глубину до 60 км (т.е. от первой траншеи главной армейской полосы до последней траншеи первого фронтового рубежа). Столь значительное расстояние определялось сложным рельефом местности. Интервал даже между одними и теми же армейскими полосами (межполосье), но на разных направлениях, существенно колебался (как правило, в плюс). Из-за этого в центре и на правом фланге фронта были запланированы (и потом возведены) промежуточные рубежи. Они стали одной из особенностей системы полевой обороны на юге Курского выступа, т.к. на севере необходимости в них не было.

По такому же пути пойдёт и Центральный фронт, но тактическая плотность здесь окажется выше. К.К. Рокоссовский передаст в подчинение 13А генерал-лейтенанта Н.П. Пухова, удерживавшей вероятное направление главного удара, колоссальные силы и средства, сюда же будут нацелены и его основные резервы. Войска Пухова займут тоже четыре оборонительных полосы (три армейских и первый фронтовой рубеж). Но по условиям местности расстояние между ними будет меньше, чем между такими же полосами на Воронежском фронте, примерно в два раза. Поэтому глубина обороны на направлении вероятного удара здесь будет не 60 км, а 30. Однако за счёт узкого фронта обороны 13А (32 км) и огромных сил, сконцентрированных в руках её командующего (12 дивизий), она будет иметь очень высокую тактическую плотность, в среднем 2,7 км на одну стрелковую дивизию, т.е. в 2 раза выше, чем на основных направлениях в полосе Воронежского фронта. И главное, на первых двух полосах будут развернуты силы 4 акп РГК (более 2000 орудий и минометов), именно за счёт этого здесь будет достигнута беспрецедентная плотность артиллерийских средств, к уровню которой Воронежский фронт даже не сможет приблизиться. Именно артиллерия станет фундаментом обороны пехоты 13А и позволит здесь советской стороне довольно быстро, относительно юга Курской дуги, сорвать вражеское наступление. *«На угрожающем участке, – пишет К.К. Рокоссовский, – где, зная тактику немцев, мы ожидали нанесения главного удара противника на фронте шириной 95 км, было сосредоточено 58% стрелковых, и 70% артиллерии, и 87% танков, и САУ... Второй эшелон и фронтовые резервы также были расположены на направлении вероятного наступления основной группировки противника»*¹³⁹.

Впервые большие возможности Рокоссовского в части артиллерии, чем Ватутина, отметили Г.А. Колтунов и Б.Г. Соловьев еще в 1970 г. *«Оперативные артиллерийские плотности на обоих фронтах были равными, – писали они. – Однако возможность сопротивления первым массированным ударам противника на Центральном фронте была больше, чем на Воронежском. Объясняется это тем, что Центральный фронт имел на 2140 орудий и минометов больше, чем Воронежский»*¹⁴⁰. Однако этот важнейший фактор не получил широ-

¹³⁸ Битва под Курском. От обороны к наступлению. М.: АСТ: Хранитель, 2006. С. 48.

¹³⁹ Военно-исторический журнал//1992. №3. С. 31.

¹⁴⁰ Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г. Курская битва. М.: Воениздат, 1970. С.66.

кой известности, поэтому не часто используется отечественными исследователями при анализе результатов Курской битвы.

Таким образом, оба командующих фронтами использовали один и тот же принцип построения обороны на вероятном направлении главного удара противника, но разные средства: К.К. Рокоссовский, имея коридор для возможного удара противника уже, чем на юге, создавал её глубину лишь за счёт 13А, «армировав» её первый эшелон 4 акп РГК, а Н.Ф. Ватутин был вынужден дополнить войска 6 гв. и 7 гв. А корпусами 1ТА и фронтовыми резервами. Массировать стрелковые соединения в полосе 6 гв. А (например, за счет 40А) без наличия такого артиллерийского «кулака», каким являлся 4 акп РГК при наличии опасности удара противника по нескольким направлениям, не рискнул и с ним, вероятно, согласилась Москва. Да иначе и не могло быть, ведь всё планирование шло под контролем единого центра – Генерального штаба, и все принципиальные вопросы решались там. И лишь после его одобрения руководство фронтами имело право предложить Ставке свой план обороны.

Тем не менее после войны в спорах о том, кто лучше воевал под Курском, К.К. Рокоссовский использовал именно различие в средствах с целью доказать, что он и его штаб, создав «суперармию» Пухова, силами которой практически перекрывались все три возможных направления главного удара 9А, поступил правильно, а Н.Ф. Ватутин, привлекая свои резервы для создания оперативной плотности, якобы поступил опрометчиво, т.к. распылил силы по всему 170-км участку и не создал необходимой плотности там, где враг действительно ударил. Но при этом он умолчал, что сделать на Воронежском фронте то, что удалось ему, было невозможно по объективным причинам. *«Правильное определение наиболее опасного для войск фронта направления наступления противника, – настаивал К.К. Рокоссовский, – соответствующая этому группировка войск, маневр силами и средствами в процессе сражения явились основными факторами более успешных действий войск Центрального фронта, чем Воронежского, где основные – главные силы этого фронта располагались равномерно на всём этом участке»¹⁴¹*. То есть, по мнению К.К. Рокоссовского, Н.Ф. Ватутин должен был часть сил 69А и 35 гв.ск выдвинуть с фронтового рубежа на армейские, в затылок армий первого эшелона, чтобы создать высокую тактическую плотность. Это должно было остановить врага уже на расстоянии 10-15 км, как произошло в ходе битвы на севере Курской дуги.

Но такой подход не приемлем для ситуации, сложившейся на Воронежском фронте, т.к. здесь действовала более сильная группировка врага, чем перед Центральным фронтом, а артиллерии у К.К. Рокоссовского было значительно больше, чем у Н.Ф. Ватутина. Непонятно, почему при подсчёте плотности обороны¹⁴² в полосе 13А её дивизии, перекрывавшие все три направления и находившиеся на всех четырех рубежах (на трёх армейских и фронтовом), по мнению К.К. Рокоссовского, следует учитывать, а при ведении таких же подсчетов в полосе Воронежского фронта войска 69А и 35 гв.ск надо исключить, хотя они, как и дивизии Пухова, занимали армейскую тыловую полосу и первый фронтовой рубеж, перекрывая главное направление удара врага – обоянское и корочанское.

Безусловно, формально свои резервы командующий Воронежским фронтом использовал не по прямому назначению. Существовало правило: если это «чистые» резервы, то они не должны жестко «привязываться» к конкретным участкам обороны, т.к. в любое время могли понадобиться для локализации прорыва или усиления опасного направления. Однако война требовала творческого подхода к оперативному искусству, да к тому же для такого решения были веские причины. Во-первых, Ставка ВГК выделила Воронежскому фронту, по меркам того времени, огромные резервы не случайно, а из-за большего, чем на Центральном, числа

¹⁴¹ Военно-исторический журнал//1992. №3. С.31.

¹⁴² Плотность обороны – степень насыщенности обороны войсками и боевой техникой. При её определении различают тактическую и оперативную плотность.

танкоопасных направлений в его полосе. Во-вторых, право предлагать, как ими распорядиться, имел именно командующий фронтом, и он благоразумно решил, что создавать высокую тактическую плотность силами 69А и 35 гв.ск на наиболее ответственных направлениях не оправдано, т.к. при необходимости в ходе боёв их оттуда оперативно снять будет невозможно. Он считал, что более эффективно использовать их для создания именно оперативной плотности (т.е., повторюсь, стремиться к глубине обороны). Здесь они могли играть двоякую роль: и удерживать занятый рубеж в случае прорыва противника к их позициям, и в то же время их можно было быстро перебросить на другие участки, ведь это был второй стратегический эшелон фронта, войска которого, по расчетам, сразу не должны были вступить в бой.

Мотивы предложений генерала армии станут более понятны, если учесть важную деталь: в момент, когда разрабатывался этот вариант, Москва ещё не решила, будет она в ходе летней кампании наступать или обороняться. До конца апреля, помимо 69А и 35 гв. ск, в распоряжении Н.Ф. Ватутина находились лишь два подвижных соединения – 2 гв. и 5 гв.тк, их можно было использовать только для фланговых контрударов, и не более того. Затем он получил более серьёзные силы – 1ТА. Однако Ставка сразу же запретила её использовать в обороне, в крайнем случае, можно было запланировать её для нанесения контрударов при глубоком прорыве противника, т.к. это объединение готовили к наступлению на Украину. И лишь во второй половине мая, когда Москва окончательно определится с замыслом летней кампании, подвижные резервы, в том числе и 1ТА, будут включены в план обороны для участия в контрударах, а также с выделением им конкретного рубежа для ведения оборонительных боевых действий¹⁴³. Поэтому, если бы Н.Ф. Ватутин сосредоточил 69А и 35 гв.ск на опасных направлениях для создания тактической плотности, как это сделал К.К. Рокоссовский (передав в подчинение 13А свой резервный 18 гв.ск), он просто лишился бы большей части резервов – главного рычага влияния на оперативную обстановку. В преддверии предстоящей операции это означало заведомо обрекать себя на поражение. Особенно если противник предпринял бы не один, а два мощных удара по обороне фронта, как предполагал Н.Ф. Ватутин.

С этими его предложениями по распределению сил и средств были согласны и Г.К. Жуков, и А.М. Василевский, которые активно участвовали в разработке плана общей для Центрального и Воронежского фронтов Курской оборонительной операции.

Опираясь на изложенную выше концепцию системы обороны, Н.Ф. Ватутин предложил следующий план действий своих войск по вариантам. По его мнению, при разработке этого документа следовало обязательно решить два ключевых вопроса:

Во-первых, как не допустить глубокого вклинения врага в оборону фронта в первые, наиболее опасные несколько суток вражеского наступления и удержать его танковые соединения в тактической полосе.

Во-вторых, как снизить пробивную мощь немецких ударных групп не только путём огневого поражения бронетехники и личного состава первого и второго эшелонов, но и заставить командование противника распылять силы танковых клиньев по всему фронту, а не концентрировать их на острие главного удара.

При решении этой задачи Н.Ф. Ватутин в первую очередь рассчитывал опереться на своего важного «союзника» – местность. Удачное использование этого существенного фактора, как при подготовке Курской битвы, так и непосредственно в ходе летних боёв, было одной из характерных черт его полководческого почерка. Единственный случай, когда он был вынужден проигнорировать условия местности в ходе контрудара под Прохоровкой, привёл к тяжёлым последствиям. Изюминкой его плана явилась идея по расколу боевого клина ГА «Юг», нацеленного на Курск, путём создания мощного узла сопротивления на смежных флангах двух ударных группировок ГА «Юг» (4 ТА и АГ «Кемпф»). Н.Ф. Ватутин предполагал, что главная

¹⁴³ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2863. Д. 426. Л. 65.

группировка Манштейна будет сосредоточена в районе Борисовка – Белгород и основные силы её нанесут удар (внутренний фронт окружения) на север, в направлении Обоянь или на северо-восток – на Прохоровку (4ТА), а войска прикрытия главной группировки (внешний фронт) – от Белгорода на восток (АГ «Кемпф») в направлении г. Короча. Но для успеха противника крайне важно, чтобы ударный клин был единым. Прорыв вдоль обоянского шоссе – самый короткий путь к Курску, в то же время здесь была хорошая возможность надежно заблокировать наступление, если правильно использовать условия местности, особенно поймы рек Ворскла, Пена, Донец и Псёл, как естественные противотанковые препятствия.

Однако быть уверенным в том, что Э.фон Манштейн двинет свои основные силы именно на Обоянь, никто не мог. К.С. Москаленко вспоминал, что, как говорил ему Н.Ф. Ватутин, *«особенность использования танкового тарана состояла в том, что Манштейн искал для него слабое место в обороне, обычно на фланге»*¹⁴⁴. Чтобы противника подтолкнуть к нанесению главного удара именно вдоль обоянского шоссе и втянуть его основную группировку в оборону фронта там, где наиболее выгодно советской стороне (а прорыв в первые дни был практически неизбежен), Н.Ф. Ватутин применил военную хитрость, которая гражданскому человеку может показаться крайне циничной. Командующий предложил выстроить оборону дивизий 6 гв. А, удерживавшей обоянское направление (67 гв., 52 гв. и 375 сд), в один эшелон, а дивизий 40 и 7 гв. А, на смежных флангах с 6 гв. А, в два эшелона, т.е. создать на армейских стыках большую тактическую плотность сил, чем в полосе армии Чистякова, в том числе и у обоянского шоссе. Учитывая, что за 67 гв.сд находилась река Пена, хотя и мелкая, но с болотистой поймой, а за 52 гв.сд и частично 375 сд танкопроходимый «коридор» – обоянское шоссе, главные события первого-второго дня наступления должны развернуться именно в полосе 52 гв.сд. Вместе с тем 40 и 7 гв. А планировалось серьёзно усилить. Первой – передать почти столько же сил и средств, сколько и 6 гв. А, а оборона второй хотя уже и имела мощное естественное усиление – реку Северский Донец, но дополнительно в её полосу планировалось нацелить значительные подвижные и противотанковые резервы фронта. Таким образом, Н.Ф. Ватутин стремился одновременно показать немецкой разведке, что обоянское направление (и обоянское шоссе), объективно самое удобное место для главного удара на Курск: самый короткий путь к их цели, а оперативная плотность советских войск здесь не слишком велика, и одновременно готовился создавать сильный противотанковый рубеж у соседей И.М. Чистякова, на тот случай, если враг ударит главными силами не на Обоянь, а на Корочу (через полосу 7 гв. А) или Суджу (40А). Следует отметить, что на необычную особенность системы обороны Воронежского фронта – относительно низкую тактическую плотность войск на наиболее вероятном направлении главного удара противника и довольно высокую – на стыках 40 и 7 гв. А с 6 гв. А, впервые обратили внимание советские военные историки полковники Г.А. Колтунов и Б.Г. Соловьев в книге «Курская битва». Однако они не объяснили её причины, а лишь отметили, что это решение *«соответствовало сложившейся обстановке»*¹⁴⁵.

Следовательно, изначально Н.Ф. Ватутин жертвовал как минимум двумя стрелковыми дивизиями, развернутыми у обоянского шоссе (52 гв. и 375 сд), подставляя их под удар значительно превосходящего неприятеля. Он не мог не понимать, что в первый день они если и не будут полностью уничтожены, то их потери окажутся очень высокими. Однако этот приём – один из распространенных в арсенале военачальников. К тому же он будет делать всё от него зависящее в части создания развитой системы обороны здесь и усиления этих дивизий противотанковыми средствами, чтобы свести к минимуму их потери в первые сутки боёв.

Но «заманить» Манштейна на обоянское направление – это полдела, главное было, чтобы его ударная группировка увязла в этом районе и не смогла двигаться дальше на север. Анализ

¹⁴⁴ Курская битва/под ред. И.В. Пароткина. М.: Наука, 1970. С. 106.

¹⁴⁵ Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г. Курская битва. М.: Воениздат, 1970. С. 55.

обнаруженных в ЦАМО РФ документов свидетельствует, что принципиальная схема блокирования главных сил ГА «Юг», т.е. 4ТА, выглядела следующим образом. Для успешного продвижения наступающих сил противника на Курск было важно, чтобы обе части ударной группировки Манштейна, которые будут, прорывая оборону войск Ватутина, создавать внутренних (4ТА) и внешний фронты окружения (АГ «Кемпф»), двигались с одной скоростью и единым (сплошным) фронтом. Это позволяло экономно использовать соединения, концентрируя их на острие удара, затруднять оборонявшимся манёвр силами и средствами, т.е. создавать условия для быстрого преодоления рубежа 6 гв. и 7 гв. А и расширения коридора прорыва, что было крайне важно в первые дни наступления. Следовательно, левую часть боевого клина (условно «обоянскую», 4ТА) было необходимо, втянув уже в первый день в систему главной полосы армии Чистякова, как можно дольше удерживать в ней, выбивая всеми возможными средствами бронетехнику. Для этого планировались следующие мероприятия:

Во-первых, выделить 6 гв. А наибольшее количество артиллерии и других противотанковых средств, а её полосу (особенно главную) максимально «нафаршировать» минами, инженерными заграждениями, создав образец современного полевого укрепления с учётом боевого опыта и передовых разработок. Чтобы её войска как можно дольше могли удерживать врага, нанося ему потери и давая возможность подтягивать свои оперативные резервы. 21 апреля 1943 г. командующий фронтом писал И.В. Сталину: *«Специально докладываю о мероприятиях по отражению крупномасштабных танковых атак. Я решил всеми способами достичь этой цели:*

а. Вооружить все части и соединения противотанковыми ружьями и противотанковой артиллерией в соответствии со штатным расписанием и обеспечить саперные и инженерные части противотанковыми ружьями сверх установленных штатов.

б. К апрелю 1943 г. укомплектовать все противотанковые артиллерийские бригады и все артиллерийские полки; придав их армиям на следующей основе: 38-я и 40-я армии – по одной противотанковой артбригаде и по три противотанковых артполка каждой; 21-й армии (6 гв. А. – 3.В.) – шесть противотанковых и самоходных артполков и две противотанковые артиллерийские бригады, 64-й армии (7 гв. А. – 3.В.) – шесть противотанковых и самоходно-артиллерийских полков и одна противотанковая артиллерийская бригада и 69-я армия – одна противотанковая артиллерийская бригада. Дополнительно на 25 апреля 1943 г. шесть противотанковых артполков и три полка легкой артиллерии будут размещены в резерве фронта.

в. К 25 апреля 1943 г. сформировать и укомплектовать по три батальона противотанковых ружей в 38-й и 40-й армиях, по пять батальонов ПТР в 21-й и 64-й армиях, пять батальонов ПТР в резерве фронта. Кроме того, три батальона прибывает из резерва Ставки. Таким образом, всего будет двадцать восемь батальонов ПТР.

г. Поставлена задача установить 150 000 противотанковых мин в течение апреля.

д. Провести практические мероприятия в соответствии с моей шифровкой № 52 от 12 апреля 1943 г., копия которой передана начальнику Генерального штаба Красной армии»¹⁴⁶.

Во-вторых, учитывая, что первый удар будет наиболее сильным, а дивизии Чистякова планировалось выстроить «в ниточку», предполагалось, что они смогут удержать свои позиции примерно сутки. Поэтому было решено уже на второй, максимум третий день операции выдвинуть на вторую полосу 6 гв. А главные силы 1ТА генерал-лейтенанта М.Е. Катукоева, они должны были стать как бы третьим эшелон армии Чистякова. Незначительная их часть (из 3 мк) будет развернута в районе с. Яковлево (у обоянского шоссе) уже в июне 1943 г. Трём её танковым и механизированным корпусам предстояло усилить оборону в излучине р. Пена (за 67 гв.сд) и «бронированным щитом» перекрыть главный танкоопасный «коридор» (за 52 гв.

¹⁴⁶ Глази, Д., Хауз Д. Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. М.: АСТ, 2006. С. 392.

сд) между реками Пена и Липовый Донец (по линии: Сырцево – урочище Изотово – Яковлево – Большие Маячки), через который немцы, как предполагалось, двинутся от Белгорода на север (к Обояни), а возможно, и на северо-восток (к Прохоровке). Следовательно, никакого фактического ослабления 6 гв. А не было. Ни для одной армии фронта не планировалось третьего, да к тому же бронетанкового эшелона на обоих вероятных направлениях – обоянском и прохоровском (при необходимости в этот район предполагалось выдвинуть 31 тк 1ТА и 5 гв.Стк).

Вместе с тем командующему 40А генерал-лейтенанту К.С. Москаленко поручалось разработать сильный контрудар на своём левом фланге в направлении полосы 6 гв. А. Его войска должны были выполнять две главных задачи, которые вытекали из близости их к району развертывания главной группировки ГА «Юг» и вероятному направлению её главного удара. Во-первых, надёжно прикрыть суджанское направление. Во-вторых, стать резервом Ватутина, из которого, если позволит обстановка, планировалось черпать силы для удержания главного направления. В то же время они должны были нависать на левом крыле главной группировки, наносящей удар на Курск, и, как только враг прорвёт оборону первого эшелона на обоянском направлении, ударить по его левому крылу под основание боевого клина 4ТА. Для этого командарму-40 были переданы значительные силы артиллерии и танков НПП, по их численности его объединение к началу июля 1943 г. будет находиться на третьем месте среди шести армий фронта.

В зависимости от того, как будет развиваться ситуация, одновременно с 40А готовилась перейти в контрудар (со второго эшелона фронта) по правому крылу группировки, нацеленной на Обоянь, и 69А генерал-лейтенанта В.Д. Крючёнкина. Таким образом, Н.Ф. Ватутин предполагал: примерно на 2-3-й день боёв ударный клин ГА «Юг» на обоянском направлении должен будет упереться в «бронированный щит» 1ТА, а его фланговые соединения, зажатые поймами рек Ворскла и Донец, попасть в мощные «клещи», созданные 40 и 69А. И при этом враг будет вынужден продолжать вести тяжёлые бои с войсками 6 гв. А.

Советское командование не имело точных данных о силах, которые ГА «Юг» предполагала привлечь для нанесения главного удара, а потому опасность преодоления ими даже «огненного коридора» четырёх армий все же существовала. Чтобы снизить её и в случае прорыва второго эшелона 6 гв. А, немцы не смогли бы развить этот тактический успех до оперативного, было крайне важно надёжно заблокировать и их вспомогательную группировку (для создания внешнего фронта окружения), которая, по расчётам Н.Ф. Ватутина, должна была ударить по 7 гв. А восточнее Белгорода на г. Корочу. При срыве её наступления даже значительные силы Манштейна на обоянском направлении не смогут за относительно короткий срок выйти на оперативный простор. На это будут влиять два основных фактора: потери в ходе прорыва обороны 6 гв. А плюс отражения контрудара 40 и 69А и одновременно необходимость выделения существенных сил для прикрытия флангов, растягивающихся по ходу движения вперёд.

Однако всё это может сработать лишь в том случае, если противник сразу после прорыва главной полосы 6 гв. А не бросит в бой чрезвычайно большие резервы. Но и этот вариант всесторонне просчитывался, для него руководство фронта и Ставка тоже готовили существенные резервы. Тем не менее, если одновременно с подходом дополнительных сил ГА «Юг» её вспомогательная группировка не будет заблокирована войсками 7 гв. А, то, естественно, начнётся распыление советских оперативных, а возможно, и стратегических резервов. В таком случае оборонительная операция может пойти по наихудшему сценарию с тяжёлыми последствиями. Поэтому ни в коем случае не следовало допустить объединения в единый ударный «кулак» обеих частей группировки Манштейна (обоянской и корочанской) и развести их уже с первых дней наступления, чтобы заставить его тратить силы на прикрытие не двух флангов (в случае единого ударного «кулака»), а четырёх.

Н.Ф. Ватутин планировал решать эту задачу следующим образом. Во-первых, надёжно укрепить рубеж 7 гв. А по всему фронту, чтобы не допустить движение АГ «Кемпф» через её

полосу с той же скоростью, с которой может прорываться 4ТА на Обоянь, если войска Гота преодолеют главную полосу 6 гв. А. Во-вторых, создать непреодолимое препятствие на стыке 6 гв. и 7 гв. А и отражать удар вспомогательной группировки не только силами 7 гв. А, но и 69А (или с её позиций фронтовыми резервами).

Удар по смежным флангам – самый распространенный и эффективный приём прорыва при наступлении. Н.Ф. Ватутин же решил использовать его в ходе обороны. Он учёл, что за передним краем дивизий первой линии 6 гв. и 7 гв. А. расположено труднопроходимое заболоченное место – слиянии Северского и Липового Донца. Поэтому именно здесь он и определил стык армий, а затем планировал существенно укрепить этот участок (Ерик – Чёрная Поляна – Старый город – исправительно-трудовая колония): как уже отмечалось, построить здесь дивизии в два эшелона и сосредоточить значительное количество артиллерийских средств. К концу июля 1943 г. в двух дивизиях на смежных флангах 6 гв. и 7 гв. А (81 гв. и 375 сд) была создана плотность 19-23 орудий на погонный километр.¹⁴⁷ Столь высокого показателя не было ни на одном участке Воронежского фронта. Кроме того, как и требовал Генеральный штаб, дополнительно специально для прикрытия стыка этих армий их командование выделяло внушительные силы – танковые, артиллерийские и инженерные подразделения, которым предписывалось в короткий срок разработать планы контрударов и взаимодействия между собой на случай прорыва противника через стык. Насколько тщательно продумывалоськрытие смежных флангов 6 гв. и 7 гв. А, свидетельствует обнаруженный мною в ЦАМО РФ Акт окончательного закрепления сил и разделения ответственности на этом участке, который был подписан 12 мая 1943 г. высокопоставленными офицерами и генералами обоих объединений, (см. Приложение №4).

Однако этими мероприятиями усиление не завершалось. Н.Ф. Ватутин планировал между поймами рек сосредоточить ещё и 69А для прикрытия всё того же стыка 6 гв. и 7 гв. А. В результате естественное препятствие – междуречье Северского и Липового Донца, имевшее форму клина, направленного остриём к переднему краю, усилиями войск Крючёнкина должно было превратиться в клинообразный укрепленный узел сопротивления. А перед его остриём готовились развернуть в два эшелона стрелковые полки и многочисленную артиллерийскую группировку 81 гв. и 375 сд со средствами усиления. Командующий фронтом предполагал, что если войска ударного клина Манштейна не смогут преодолеть стык 6 гв. и 7 гв. А, они будут вынуждены пытаться обойти его, а значит, единый фронт наступления ГА «Юг» будет расколот на две группировки, не имеющих локтевой связи. Если же враг в этом случае все-таки попытается прорваться в глубь 6 гв. и 7 гв. А, правый фланг его основной (обоянской) и левый – вспомогательной (корочанской) группировок попадут под контрудар 69А и подвижных резервов фронта.

Первоначально (в апреле) для контрударов совместно с армией Крюченкина предполагалось задействовать только отдельные танковые корпуса (2 гв. и 5 гв.тк), которыми тогда располагал Н.Ф. Ватутин. Но, как уже упоминалось выше, в конце мая Ставкой будет принято решение использовать непосредственно в обороне под Курском и танковые армии. Для этого Воронежскому фронту передадут объединение Катюкова (1ТА), и Н.Ф. Ватутин отдаст приказ командарму разработать варианты контрударов в тесном взаимодействии с отдельными корпусами в рамках своего замысла. Этот шаг станет важным дополнительным элементом, который и придаст советской стороне уверенность в «Плане Ватутина» (на главных направлениях) и, безусловно, повысит устойчивость обороны фронта в целом.

Далее предполагалось, что после того, как 4ТА будет остановлена, 6 гв. А и 1ТА при поддержке 69 и 40А должны рассечь её группировку, а резервы фронта во взаимодействии с 7 гв. А параллельно нанести удар по ГА «Кемпф». После ликвидации обеих частей группировки

¹⁴⁷ Замулин В.Н. Забытое сражение Огненной дуги. М.: Яуза, 2009. С. 24.

Манштейна Воронежскому фронту совместно с подведенным к этому времени стратегическим резервом Ставки ВГК (СтепВО) предстояло перейти в решительное контрнаступление через Белгород и Томаровку на Украину.

Учитывая, что 7 гв. А обороняла вероятное направление вспомогательного удара противника, а также то, что перед её рубежом находилась река Северский Донец, Н.Ф. Ватутин выделял М.С. Шумилову заметно меньше артсредства, чем И.М. Чистякову, но в то же время передал 7 гв. А больше танков НПП (более чем корпус) и нацелил в её полосу часть своего подвижного (2 гв.тк) и противотанкового резерва. В целом для решения поставленной задачи эта армия получала внушительные силы.

Передний край 69А, развернутой уже в начале апреля за стыком войск Шумилова и Чистякова, проходил по линии Богородецкое, Выползовка, Алексеевка, Нечаевка, Белый Колодезь, Больше Троицкое, Белянка, Ефремовка. Перед ней были поставлены три главных задачи¹⁴⁸. Во-первых, в случае прорыва полосы 6 гв. и 7 гв. А или отхода их фланговых дивизий во взаимодействии с их войсками и фронтовыми резервами уничтожить прорвавшегося врага. Во-вторых, при успешном отражении впереди стоящими армиями удара неприятеля быть готовой к наступлению и развитию успеха в трёх направлениях: Томаровка – Грайворон – Ахтырка, Белгород – Харьков, Волчанск – Харьков. Но проблема заключалась в том, что армия Крючёнкина изначально была самой слабой на Воронежском фронте. Даже с начала Курской битвы в ней не будет полностью завершено переформирование и пополнение соединений. Н.Ф. Ватутин предполагал это и ещё в конце апреля приказал генерал-лейтенанту С.Г. Горячеву, командиру 35 гв. ск, наладить взаимодействие с её штабом, чтобы он в любой момент мог быть оперативно включен в состав армии. Позиции корпуса располагались в 15-25 км за рубежом 69А и являлись фактически её второй оборонительной полосой. Корпус Горячева имел три стрелковых дивизии, котрые хотя и были сформированы только в апреле 1943 г., но к началу боёв их численность будет доведена практически до штата. Вместе с тем уже в ходе оборонительной операции 69А предполагалось дополнительно усилить силами из резерва фронта. Таким образом, Н.Ф. Ватутин сделает всё от него зависящее для усиления армии Крюченкина и поэтому рассчитывал, что 6 гв. и 7 гв. А, приняв на себя первый удар противника, во взаимодействии с 1ТА нанесут ему серьёзные потери, а 69А должна будет столкнуться уже с обескровленными и измотанными вражескими соединениями. Поэтому окажется вполне способной выполнить возложенные на неё задачи: стать заслоном на стыке 6 гв. и 7 гв. А и фланговым тараном в случае прорыва их флангового прикрытия. Однако эта часть его плана оказалась наиболее слабо проработана. Расчёты на стойкость войск Крючёнкина и Горячева окажутся завышены, в том числе и по субъективным причинам. Командный состав их дивизий, назначенный на свои должности весной 1943 г., окажется не в состоянии не только выполнить боевые задачи, но в ряде случаев даже исполнять свои элементарные обязанности.

«План Ватутина» в том виде, как он представлен выше, до этого момента историкам известен не был. Возможность понять замысел командующего Воронежским фронтом появилась после того, как мною были проанализированы в ЦАМО РФ лишь недавно рассекреченный массив документальных источников фронтового и армейского звеньев. С этим обстоятельством связано и ошибочное утверждение некоторых отечественных исследователей о том, что якобы наличие в 40А перед Курской битвой больших сил и средств является подтверждением неспособности руководства фронта, верно определить направления главного удара ГА «Юг». Поэтому оно «размазало» свои силы по всем вероятным танкоопасным направлениям¹⁴⁹. Это утверждение напрямую перекликается со спорным тезисом, который в начале 1960-х гг. выдвинул К.К. Рокоссовский. Действительно, по количеству личного состава и вооружению 40

¹⁴⁸ ЦАМО РФ. Ф. 426. Оп.10753. Д. 410. Л. 17, 18.

¹⁴⁹ Исаев А.В. 1943-й. От Харькова до Курска. М.: Вече, 2008. С. 193.

и 6 гв. А были практически равны, но это не противоречило замыслу Ватутина. Напомню, в письме Военного совета фронта от 21 апреля 1943 г. высказывалось мнение о том, что в полосе 40А немцы могут нанести не главный, а лишь вспомогательный удар¹⁵⁰, а учитывая, что Н.Ф. Ватутин возложил на К.С. Москаленко ещё и не простую задачу – оттянуть на себя часть вражеских сил из полосы 6 гв. А, существенное усиление его армии было вполне оправдано. Об этом писал в своих мемуарах и К.С. Москаленко: *«Оценивая возможное направление главного удара противника, командование Воронежского фронта конечно же учитывало, что кратчайший и наиболее удобный путь к Курску; куда стремился враг, лежит вдоль шоссе через Обоянь. И именно данное направление было прикрыто особенно прочно. Но мог ли командующий фронтом ограничиться этим? Прав ли был бы он, сделав заключение, что немецко-фашистское командование изберет кратчайшее направление, хотя оно несомненно знает о подготовке здесь наиболее прочной обороны? Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. Тем более что фашистские танковые группировки, встречая упорное сопротивление, часто отказывались от лобовых атак и искали обходные пути...»*

Вот почему командование Воронежского фронта не ограничилось созданием весьма прочной обороны в полосе только 6 гв.

А и сосредоточением здесь мощных средств усиления, а также 1ТА – второго эшелона. Наряду с этим оно приняло необходимые, диктуемые обстановкой меры по организации отпора возможным попыткам врага прорвать оборону справа и слева от кратчайшего направления, т.е. в полосе 40 и 7 гв. А.

...Не стоит забывать, что сосредоточение наибольших сил и средств в полосе 6 гв. А как раз подтверждает правильность оценки командования фронта ожидавшего главный удар именно там, где он был и нанесен. Что же касается 40А, то сосредоточенные здесь войска и средства усиления предназначались не только для обороны на случай обходного движения врага, но и для контрудара в юго-западном направлении. Такой контрудар нами был спланирован ещё в период подготовки обороны. Предусматривалось, что он будет нанесен после перехода противника в наступление против 6 гв. А. Нацеленный на Черкасское, т.е. под основание предполагаемого прорыва, он мог сыграть важную роль при разгроме наступающей вражеской группировки. Наш план был одобрен Н.Ф. Ватутиным, и мы тщательно подготовились к его осуществлению»¹⁵¹.

Обоянское направление всегда рассматривалось Н.Ф. Ватутиным как самое опасное, где ГА «Юг» наиболее вероятно бросит основные силы. Причём эти оценки оставались не только на бумаге. Об этом свидетельствует и пункт «плана Ватутина» о выдвижении сюда с начала боёв всех подвижных резервов фронта – 1ТА, 5 гв.стк и 2 гв.Ттк и частично противотанкового – 14 оиптабр. По приказу начальника штаба фронта генерал-лейтенанта С.П. Иванова с конца мая их командование начнет проводить рекогносцировку маршрутов движения и ночные марши бригад именно в полосу армии Чистякова. На участке 52 гв.сд 6 гв. А будет подготовлен передовой НП для генерал-лейтенанта М.Е. Катукова, а на второй полосе в районе с. Яковлево – зарыта в землю в полном составе 1 гв.тбр в качестве передового отряда 3 мк 1ТА. В полосе же 40А ничего подобного не готовилось.

Армия Москаленко изначально имела главную задачу: наряду с обороной собственного рубежа (вероятного направления вспомогательного удара) контрударами своих войск способствовать удержанию на армейских рубежах группировки противника, наносящей удар по 6 гв. А, а также, при необходимости, выделением в её полосу частей и даже соединений на усиление обоянского направления. Как известно, в первые четверо суток командование Воронежского фронта будет проводить оборонительную операцию строго в соответствии с ранее раз-

¹⁵⁰ Гланц Д., Хауз Д. Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. М.: АСТ, 2007. С. 390.

¹⁵¹ Москаленко К.С. На юго-западном направлении. М.: Воениздат, 1979. С. 62, 63.

работанным и утвержденным Москвой планом. Импровизировать Н.Ф. Ватутин начнет лишь вечером 9 июля, когда от имени Военного совета запросит у Ставки разрешение на контрудар с использованием стратегических резервов. Поэтому, несколько опережая события, отмечу, что указанные выше задачи 40А будут подтверждены практическими шагами Н.Ф. Ватутина уже на второй день операции. С 5 по 15 июля в полосу 6 гв. А он выведет из 38А лишь 5 частей и соединений, из них только одну стрелковую дивизию и две танковые бригады, а из 40А – 16, в том числе три стрелковых и одну зенитную дивизии, восемь танковых и истребительно-противотанковых бригад¹⁵². Причем до 9 июля включительно из 40А он изымет и бросит в полосу 6 гв. А большую часть этих сил. Кроме того, даже ослабленная, 40А все же примет участие в контрударе 8 июля 1943 г., проведя не полноценные, а лишь «демонстративные» контратаки против левого крыла 4ТА по плану, который был подготовлен весной. Кстати, в отчете её штаба о боях за 8 июля 1943 г. упоминается о ранее разработанном и утверждённом руководством фронта до начала Курской битвы плане удар во фланг обоянской группировки противника (в направлении Томаровки) с целью оттягивания сил из полосы 6 гв. А и причинах его невыполнения: *«Согласованный ранее вопрос перехода ударной группировки войск левого крыла 40 армии в наступление на Томаровку, после изъятия почти всех средств усиления и одной стрелковой дивизии»¹⁵³, распоряжением штаба фронта от 8.7.1943 г. был переключён на демонстративные действия в этом же направлении составом двух дивизий. Своим распоряжением командарм эту операцию поручил провести командиру 52 стрелкового корпуса генерал-майору тов. Перхоровичу... с 10.00 8.7.1943 г.»¹⁵⁴.*

И последнее. При анализе решений Н.Ф. Ватутина (как, впрочем, и К.К. Рокоссовского) по ключевым вопросам подготовки к Курской битве, на мой взгляд, всегда следует держать в поле зрения два важных аспекта, которые помогут избежать ошибки в оценках его деятельности.

Во-первых, командующий любым фронтом оперировал теми силами и средствами, которые ему представляла Ставка ВГК, исходя из её собственного видения обстановки, а оно (это видение), к сожалению, не всегда было верным. «Разрыв» между понятиями «требуется для решения поставленных задач» и «есть в наличии у фронта» должен был заполняться талантом полководца в организации и ведении боевой работы, а также повышением напряжения войск. Но часто дефицит сил был значительно больше, чем командующий имел в своём распоряжении этой невидимой для глаза субстанции, а у личного состава был предел физических возможностей. У К.К. Рокоссовского перед Курской битвой такого «разрыва» практически не было, ему предоставили всё, что нужно для обороны, и даже больше, а у Н.Ф. Ватутина, из-за просчёта Москвы в определении главного удара противника в районе Курской дуги,¹⁵⁵ он будет «зашкаливать» все разумные пределы. И никакие способности лично генерала армии и его подчиненных покрыть дефицит были не в состоянии. Именно поэтому уже на второй день немецкого наступления Москва будет вынуждена спешно двигать на юг целые корпуса и армии, а не из-за того, что Н.Ф. Ватутин окажется недалёковидным военачальником, а войска его фронта менее стойкими, чем их соседи.

Во-вторых, в планировании Курской оборонительной операции участвовало от 15 до 20 высококлассных, по меркам того времени, профессионалов высокого ранга. Документацию готовил штаб фронта, подробно согласовывал с представителями Ставки Маршалами Советского Союза А.М. Василевским и Г.К. Жуковым, которые в апреле – мае 1943 г. находились больше в войсках под Курском, чем в Москве, затем она тщательно проверялась и анализирова-

¹⁵² Курская битва /под редакцией И.В. Пароткина. М.: Воениздат, 1970. С. 315.

¹⁵³ Это изъятие было произведено 6 и 7 июля 1943 г. для усиления 6 гв. А и 1ТА на обоянском направлении.

¹⁵⁴ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 520. Л. 220.

¹⁵⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. М.: Новости, 1990. С. 37.

лась в Генеральном штабе. И лишь после этого поступала на обсуждение в Кремль. Безусловно, никто не застрахован от ошибок, но в такой «технологической цепочке» ошибки могли быть только очень крупные, т.е. стратегического характера. По крайней мере тот факт, что в полосе 6 гв. А, оборонявшей вероятное направление главного удара противника, оперативная плотность войск Чистякова ниже, чем на её стыках с соседями, или что 40А имела больше танков, чем 6 гв. А, разработчики операции прекрасно знали. Ибо именно с наличия и распределения сил и средств начиналось планирование любой обороны. Если же эта проблема была решена именно таким образом, значит, следует в первую очередь искать мотив, а не просто констатировать факт, обвиняя военачальников в безграмотности, и ставить точку.

Таким образом, весь «план Ватутина» был нацелен на то, чтобы с первых дней наступления ГА «Юг», опираясь в первую очередь на сложный рельеф местности и скоординированные действия всех армий левого крыла и центра фронта, во-первых, распылить силы её ударных группировок, во-вторых, нивелировать их качественное превосходство над нашими войсками в бронетехнике. Подчеркну, ставка, сделанная командующим Воронежским фронтом на максимальное использование условий местности, оказалась верным решением не только при возведении армейских полос, но и для раскола ударных группировок Манштейна. И хотя его план, в силу допущенной Ставкой ВГК ошибки в определении главного удара, не удастся реализовать в полном объёме, дальновидность и расчёт генерала армии сыграют ключевую роль в успешном отражении наступления противника.

А теперь вернёмся на север Курской дуги, в полосу Центрального фронта, и посмотрим на то, как здесь разворачивалась работа по подготовке к летней кампании. Это стратегическое объединение начали спешно создавать на базе полевого управления Донского фронта согласно директиве Ставки ВГК № 46056 от 5 февраля 1943 г.¹⁵⁶ Его формирование должно было завершиться через десять суток, 15 февраля. *«Войскам нового фронта предстояло вернуться между Брянским и Воронежским фронтами, которые в это время продолжали наступать на Курском и харьковском направлениях, – вспоминал К.К. Рокоссовский, – и, взаимодействуя с Брянским фронтом, нанести глубоко охватывающий удар в общем направлении на Гомель, Смоленск, во фланг и тыл орловской группировке противника. Начало этой красивой по замыслу операции намечалось на 15 февраля. Но для того, чтобы её начать, надо было прежде всего сосредоточить войска... Мои доводы о нереальности этого срока не убедили Ставку»*¹⁵⁷.

Поэтому в упомянутой выше директиве перед Генштабом была поставлена очень сложная и масштабная задача: в кратчайший срок, между 12 и 23 февраля, собрать под Курском все войска, включённые в его состава. Объединение Рокоссовского должно было получить их из трёх источников: основу фронта должны были составить силы бывшего Донского фронта, переброшенные по железной дороге из-под Сталинграда (21А, 65А и 16 ВА), из Брянского фронта ему передавалась 2ТА, а из резерва Ставки ВГК – только сформированная 70А. Сосредоточение сил шло очень тяжело, в том числе и из-за ведомственных дрызг, свидетельствует бывший первый заместитель начальника Управления военных сообщений РККА в ту пору генерал-майор И.В. Ковалев: *«Ставка решила перебросить освободившиеся соединения к Курску для продолжения наступления. Задание срочное. Для его выполнения потребуется около 900 воинских поездов. Товарищи из Наркомата путей сообщения уверили, что порожняк уже на месте, в районе погрузки северней Сталинграда, на линии Сталинград – Поворино. Однако оттуда докладывает мне начальник военных сообщений фронта генерал В. И. Дмитриев: ни*

¹⁵⁶ Русский архив. Великая Отечественная война: Ставка Верховного Главнокомандования. Док. и матер. 1943 г. М.: ТЕРРА, 1999. С. 70.

¹⁵⁷ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1997. С. 242.

один эшелон под погрузку войск не подан. Звоню А. В. Хрулёву (нарком путей сообщения СССР и начальник тыла РККА. —З.В.), он отвечает:

– У тебя такой доклад[а у меня другой. Мне доложили, что эшелоны поданы, а войск на станциях погрузки нет.

Странно, не правда ли? Это же не фронт, где иногда не разберешься в обстановке. Это глубокий тыл. Дмитриеву я верю, безусловно, знаю его давно как пунктуального и правдивого товарища. Связываюсь с ним: «Поезжай сам, посмотри». Отвечает: «Еду по всем станциям погрузки». Пока объехал, разыскивая порожняк, все шесть станций, пока убедился, что ничего нет, прошло время. Звоню Хрулёву, и опять пустая трата времени. Я ему: «Нет порожняка». Он мне: «Есть порожняк». Пришлось разыскивать по телефону командующего фронтом К. К. Рокоссовского. Он сказал, что вместе с Дмитриевым они, поделив станции погрузки, буквально обыскали их. Порожняка нет. Стоят кое-где вагоны с военно-снабженческими грузами, не использованными в минувшей операции. Но их мало. Кроме того, нужны платформы для погрузки артиллерии и танков.

Бесплодные разговоры и переговоры на несколько суток задержали перевозку войск Центрального фронта. Я был вынужден доложить Сталину. «Хорошо!» – сказал он и повесил трубку. Через час позвонил Берия, сказал: «Слушай, приезжай ко мне, будем разбираться». Еду на Лубянку. В кабинете Берии сидят Хрулёв, его заместитель по Наркомату путей сообщения Герман Ковалев и ещё товарищи. Берия дал слово Хрулёву. Андрей Васильевич стал упрекать нашу службу в неправдивой информации. Тогда я попросил Берию связать нас с командующим фронтом Рокоссовским. Он быстро связал, и Рокоссовский, а после него и Дмитриев с другой станции повторили, что эшелонов нет, а груженные вагоны, на которые ссылается Хрулёв, не приспособлены для перевозки войск. На дворе февраль, а печек в вагонах нет, да а вообще дыра на дыре. Поморозим солдат. Но Хрулёв уперся и ни с места. Это, говорит, неправда. Они, говорит, вполне могут сами выгрузить вагоны и погрузить в них солдат. Тогда Берия сказал: «Слушай, выйдем в ту комнату». Что они там говорили, не знаю, но Андрей Васильевич вышел оттуда бледный и молча нас покинул. Я уехал в НКПС вместе с начальником Главного управления движения Г. В. Ковалевым и не ушел от него, пока не подали порожняк для войск Рокоссовского и войска начали погрузку»¹⁵⁸.

Справедливости ради надо заметить, что в дальнейшем железнодорожники, особенно в районе Курской дуги, провели очень большую работу для обеспечения войск всем необходимым. Вот лишь один, но яркий показатель. Выполняя постановление ГКО № 3160 от 10 апреля 1943 г., они быстро увеличили пропускную способность ж.д. участков Елец – Касторная до 36 пар поездов, Касторная – Курск – до 24 пар, Касторная – Валуйки до 18 пар и Валуйки – Купянск – до 18 пар поездов в сутки¹⁵⁹. Если в марте 1943 г. поезда шли на участках Касторная – Щигры со скоростью 15 км/час, Щигры – Курск – 20, то в июне техническая скорость здесь возросла до 30 и 45 км в час. С апреля по июль 1943 г. работники Курского железнодорожного узла смогли обеспечить прием 2513 и отправление 2732 воинских эшелонов¹⁶⁰.

Но вернёмся к событиям февраля. План Ставки по уничтожению орловской группировки, как известно, не сработал. Боевые действия на брянском и севском направлениях, начавшиеся в феврале – марте, существенно осложнялись неполным сосредоточением войск Рокоссовского, тяжёлыми условиями суровой (снежной и морозной) зимы, упорным сопротивлением неприятеля, а также успешным продвижением его сил в районе Харькова и Донбасса.

И при сосредоточении стратегического объединения на новом месте, как это было с Центральным фронтом, и при стабилизации боевых действий после крупных наступательных или

¹⁵⁸ Куманёв Г. Говорят Сталинские наркомы. Смоленск: Русич, 2005. С. 323,324.

¹⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 102. Л. 136,137.

¹⁶⁰ ГАПИ КО. Ф.П-1. Оп.1. Д. 3068. Л. 33.

оборонительных боёв (например, ситуация с Воронежским фронтом в марте 1943 г.), для его командования первоочередным был вопрос определения района размещения и сроки развертывания его штаба. Основными требованиями к месту его размещения были удобство для управления войсками (близость к ним) и относительно высокая степень защиты (маскировки, прикрытия) от наземных и воздушных средств врага. В ходе наступления, при большой динамике боёв, требования к маскировке, естественно, снижались. Как правило, основные управления штабов (оперативное, разведывательное и т.д.) размещались в уцелевших строениях небольших деревень (в школах, больницах, в крайнем случае больших частных домах) в 25-30 км от передовой. Но как только ситуация начинала стабилизироваться, пункты управления всех уровней, и прежде всего фронта, командование старалось выводить в новые районы и его рабочие органы обязательно размещать в не населенных пунктах, где опасность их уничтожения, а в блиндажах и землянках, оборудованных в заросших балках или лесном массиве. Сама растительность и размер залесённой территории (урочища, леса и т.д.) являлись главным средством маскировки и широко использовались для сокрытия пунктов управления. Причём, как правило, в местах нахождения основной части рабочих блиндажей не должны были находиться жилые землянки. Допускалось даже проживание старшего и высшего состава в ближайших селах в отдалении от района развертывания основных отелов и управлений. По существующим тогда требованиям безопасности, период между сменами районов развёртывания штаба фронта первого эшелона составлял месяц. Если переезд затягивался, то считалось, что вероятность обнаружения и уничтожения его противником возрастала в разы. В действующей армии об этом знали все, тем не менее это правило не редко нарушалось, что порой приводило к опасным последствиям. Таких примеров было много, в том числе с КП Рокоссовского и Ватутина перед Курской битвой, когда оба командующих выжили во многом лишь благодаря случайности.

Первый эшелон штаба Воронежского фронта ещё в ходе Харьковской оборонительной операции переехал из г. Новый Оскол ближе к войскам, в Бобрышово (17 км восточнее г. Обоянь). Сначала он находился в самом селе, а в апреле был перенесён в березовую рощу рядом с ним. Сюда же 25 марта 1943 г. прибыл и его новый командующий генерал армии Н.Ф. Ватутин. Как только полевые дороги стали просыхать, встал вопрос о подборе нового места для штаба фронта и переводе из Нового Оскола управления 2ВА. 9 апреля начальник инженерных войск и начальник управления связи получили распоряжение о подготовке нового КП к 5 мая 1943 г.¹⁶¹ После проведённой рекогносцировки Военный совет решил оборудовать КП в лесном массиве в 10 км севернее железнодорожной станции Ржава¹⁶², расположенной на участке Курск – Белгород (в селе Марьино¹⁶³, 78 км юго-восточнее Курска), а штаб 2ВА к 30 апреля перевести в с. Черновец (северо-восточнее с. Марьино). Оба населенных пункта находились между тыловой армейской полосой и первым фронтовым рубежом. Пристальное внимание руководства фронта именно к штабу 2ВА было связано не только с тем, что основные крупные узлы управления войсками, в том числе и общевойсковых армий, к этому времени уже находились на новых местах (до начала Курской битвы место расположения своего штаба 7 июня сменит лишь 5 гв.стк). Дело в том, что затрат сил и средств при подготовке её КП требовалось не меньше, чем КП фронта. Так как было необходимо осуществить строительство кабельных линий связи

¹⁶¹ ЦАМО РФ. Ф.203. Оп.2843. Д.301. Л.195.

¹⁶² Ржава – станция юго-восточной (сегодня южной) железной дороги, расположенная в 31 км восточнее г.Обоянь. Была основана в 1869 г. До 1898 г. носила название Марьино, до 1915 г. – Клеймихелево, получила название «Ржава», в честь реки протекающей в 1,5 км. В 1882 г. была сдана в эксплуатацию узкоколейка Ржава – Обоянь, которая функционировала и в годы Великой Отечественной войны.

¹⁶³ С 1934 по 1959 г. село Марьино – районный центр Курской области, в 1959 г. переименовано в поселок Пристен, центр одноименного района Курской области.

не только с управлениями авиакорпусов и авиадивизий, как и в общевойсковых армиях, но и с каждым полевым аэродромом, а их было много.

Первоначально КП в районе Ржавы рассматривался как запасной. Однако уже в ходе его строительства, с учётом поступавших разведанных о сосредоточении значительных сил противника в районе Харькова, было принято решение запасной подготовить за первым фронтовым оборонительным рубежом, в селе Мантурово. Поэтому с мая официально КП фронта в районе

Ржавы стал основным, в Мантурово – запасным, а в Бобрышово должен был остаться лишь резервный узел связи с Москвой, который маскировался органами «Смерш» как крупный штаб. Хотя в некоторых документах его именовали запасным. Никаких вспомогательных пунктов управления на Воронежском фронте не планировалось и не возводилось. В районах всех перечисленных КП было подготовлено большое число деревоземляных сооружений. На основном, в лесу, помимо сборно-щитовых домиков для работы и отдыха командования, основных управлений и служб, рабочих блиндажей, землянок для телеграфных станций, телефонных станций дальнего действия, в земле оборудовались помещения станций ВЧ глубокого заложения. В целях маскировки все линии связи за 2-3 км до КП закладывались в грунт. Это была крайне трудоёмкая и кропотливая работа, как правило, проводившаяся ночью.

Но, по воспоминаниям генерала В.В.Звенигородского, в ту пору первого заместителя начальник управления связи фронта, самым мощным и по размеру, и по наличию средств связи был КП в Мантурово. Его готовили два месяца, первая очередь была сдана только 30 мая, а вторая – перед Курской битвой, да и то лишь основные работы. Несколько опережая события, отмечу, что ЗКП Мантурово в ходе боёв будет востребован лишь однажды, 11 июля 1943 г., да и то частично. В это день противник вплотную подойдёт к ст. Прохоровка, находившейся в 26 км от Ржавы, и И.В. Сталин отдаст по телефону приказ Н.Ф. Ватутину переехать в Мантурово. Но командующий фронтом направит туда лишь оперативную группу связи, а сам всё же останется на прежнем месте, в районе Ржавы.

Как и планировалось, основной КП был полностью готов в начале мая. Кроме того, в 6 км от него, в с. Марьино, завершилось оборудование столовой для офицеров и генералов всего КП, помещений для работы и отдыха личного состава политуправления фронта, штабов родов войск, полевая почта и аэродром для самолетов связи. Но в первых числах месяца переезд осуществить не удалось. Ещё не была сформирована охрана и не проведено последнее крупное активное маскировочное мероприятие – отселение из Ржавы и находившегося рядом совхоза всех жителей под предлогом размещения на станции госпиталя для инфекционных больных¹⁶⁴. По решению Военного совета, эвакуация гражданского населения должна была завершиться к исходу 8 мая, но её удалось выполнить лишь во второй половине месяца. Да и специальная рота для обороны нового КП из 234-го запасного полка тоже прибыла с задержкой, лишь после 13 мая. Во многом из-за этой задержки в конце мая случилось происшествие, которое заставило Н.Ф. Ватутина свернуть КП и убыть по тревоге за одну ночь. *«Вечером 23 мая над Бобрышово был сбит разведывательный самолет немцев, – вспоминал В.В. Звенигородский. – Пилот выбросился на парашюте, был взят в плен, доставлен на КП Бобрышово. На допросе лётчик показал: он вёл последнюю доразведку расположения крупного штаба советских войск в Бобрышово и что завтра, 25 мая, на рассвете, Бобрышово будет подвергнуто бомбовому удару. На проведённом после этого совещании генерал армии Н.Ф. Ватутин принял решение: в ночь с 23 на 24 мая командный пункт фронта перевести на ЗКП, т.е. в овраг, поросший лесом, непосредственно примыкавший с запада к деревне Ржава. Действительно, на рассвете 25 мая*

¹⁶⁴ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 301. Л. 216.

*Бобрышово было подвергнуто уничтожающей бомбардировке с воздуха, но штаба фронта там уже не было»*¹⁶⁵.

След этого происшествия удалось обнаружить и в отчете 2ВА о боевой работе её войск за май 1943 г. Этом документе лишь уточняет воспоминания генерала и в нём приведены цифры, которые дают представление о масштабе удар с воздуха: «25.05 1943 г. был произведен групповой налет 30 Ю-87 под прикрытием 16 Ме-109 на Бобрышово. По показаниям пленного летчика налет был организован с целью вывода из строя крупного армейского штаба (штаб Воронежского фронта 23.5 переехал из Бобрышово на новый КП). Бомбардировка проводилась с горизонтального полета с высоты 2500 метров и отдельными самолетами с пикированием о 800 метров. Было сброшено свыше 150 бомб среднего и крупного калибра. В результате налета было разрушено и сожжено несколько домов, убито 6 и ранено 15 человек гражданского населения»¹⁶⁶.

В 24.00 23 мая заместитель начальника штаба генерал-майор С.И. Тетешкин направил в войска боевое распоряжение № 00102: «Командующий фронтом приказал:

25.05. 43 г. полевое управление штаба Воронежского фронта дислоцировать в районе Солнцево (так для сохранения истинного расположения КП писали в документах. – З.В.). Пункт сбора донесений на южной окраине Зуевка.

Запретить кому бы то ни было давать справки о дислокации управлений и отделов. Справки дает после соответствующей проверки документов только комендант штаба.

*О порядке размещения, правил переписки с вышестоящим, подчиненными штабами и отделами, лично начальниками штабов управлений и начальниками отделов получить у заместителя начштаба фронта генерал-майора тов. Венского»*¹⁶⁷.

С этого момента и до начала контрнаступления на Украину руководство войсками Воронежского фронта осуществлялось именно из этого неприметного оврага в нескольких километрах от затерявшейся на просторах Центрального Черноземья крохотной станции Ржава.

Ситуация с развёртыванием штаба Центрального фронта в период подготовки к Курской битве оказалась похожей на то, что происходило на Воронежском фронте, а в отдельных случаях ещё более острее. Если Н.Ф. Ватутин, во многом случайно, избежал попадания под массированный бомбовый удар, то К.К. Рокоссовскому все же довелось пережить смертельно опасное происшествие, связанное с невыполнением элементарных норм безопасности, в том числе и им лично. Из Сталинграда он прибыл с оперативной группой под Курск в начале февраля 1943 г., КП его фронта сначала был развёрнут в г. Елец. В тот момент это было оправдано и удобно, именно сюда подходила значительная часть эшелонов с войсками, офицеры штаба имели возможность оперативно встречать их и направлять в намеченные районы. «С апреля в районе Курской дуги войска обеих сторон стали усиленно готовиться к летней кампании, – вспоминал К.К. Рокоссовский. – Наш КП располагался в Ельце. Это крупный железнодорожный узел привлекал внимание противника и подвергался частым бомбардировкам. Уже поэтому место было неподходящее. В новой обстановке появилась необходимость перенести КП ближе к войскам. Поэтому мы перебрались в населенный пункт Свобода, севернее Курска. К этому времени заботами нашего штаба новый КП был полностью подготовлен и связан со всеми армиями и соединениями, а также с соседними фронтами справа и слева»¹⁶⁸.

Рукопись книги готовилась в 1960-е гг., поэтому маршал, вероятно, за давностью лет запомнил, что в Свободу (25 км севернее Курска) его КП перебазировался 23 февраля 1943 г. и с этого момента до начала Курской битвы никуда не переезжал. В новый район переехал

¹⁶⁵ Личный архив автора.

¹⁶⁶ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 290. Л. 251.

¹⁶⁷ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 301. Л. 220.

¹⁶⁸ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Вече, 2013. С. 231.

первый эшелон штаба фронта, в который входили основные управления, отделы и службы. Их перечень утверждался специальной директивой Генерального штаба ¹⁶⁹, остальные находились во втором эшелоне. Общая численность фронтовых КП, как правило, превышали тысячу человек (колебалась в пределах 1200-1500 красноармейцев и командиров, в зависимости от наличия сил). На 21 мая 1943 г. в первом эшелоне КП Центрального фронта находилась 22 подразделения, имевшие в своём составе 611 человек, в том числе 301 офицер и генерал, 219 рядового состава и 91 вольнонаёмных ¹⁷⁰ (подробнее см. Приложение № 5). Службы второго эшелона КП были разбросаны по селам в радиусе 30-40 км от Свободы. В него входили ОКР «Смерш», штаб инженерных войск, химический, топографический отделы и ряд других. Для прибывавших на фронт представителей из Москвы по линии различных ведомств (кроме Генштаба), в том числе и журналистов, а также старших офицеров резерва Военного совета было подготовлено жильё в хуторе Постоялые дворы, который тоже относился к ведению коменданта штаба фронта полковника Якимовича.

В боевых документах Свобода называлась «местечко», т.е. хуторок. В действительности же это была территория закрытого ещё до войны монастыря, расположенного на берегу р. Тускарь, где сохранилось несколько деревянных хозяйственных построек и домиков, в которых и жили, нарушая требования руководящих документов, командующий, члены Военного совета, начальник штаба фронта и ещё ряд высокопоставленных генералов. Перед началом Курской битвы эта «расслабленность» чуть не стоила К.К. Рокоссовскому жизни. *«Мы заметили; что вражеские самолеты-разведчики стали часто появляться и над селом, где располагался наш КП, – вспоминал маршал. – Жили мы в крестьянских домах. Поэтому на всякий случай возле каждой избы были вырыты щели для укрытия от осколков и пуль. То, что не позаботились о блиндажах, было, конечно, нашим большим упущением. Дом, в котором я остановился, стоял против ворот, ведущих в монастырский парк. Неподалеку возвышались два больших тополя. Одним словом, был очень приметен. Но обратили мы внимание на это лишь тогда, когда зачастили немецкие самолёты. Решили сменить место КП, да всё некогда было. Обычно поздно вечером я просматривал шифровки, а затем шёл ужинать в столовую Военного совета, помещавшуюся в соседнем доме. Но однажды почему-то не стал ожидать у себя шифровальщика, а, позвонив ему, попросил, чтобы он принес шифровку в столовую. Вскоре туда же пришли Казаков, Малинин, Телегин и ещё некоторые работники штаба. Ровно в 23 часа шифровальщик принёс депеши. В это же время пролетел немецкий самолет, сбросил осветительные бомбы, а затем послышался шум ещё одного самолета и свист сброшенных им бомб. Я успел лишь подать команду «Ложись!». Все легли на пол, и тут прогремел оглушительный взрыв... Комната наполнилась пылью от осыпавшейся штукатурки. Со звоном разлетелись стекла. Вслед за этим взрывом последовал второй, но уже дальший. Из нас никто не пострадал. Однако от дома, где я жил, ничего не осталось – он был снесен второй бомбой. Спас меня просто случай, а возможно, интуиция. На войне всякое бывает.*

Всё же не обошлось без жертв. Осколком бомбы был убит часовой; находившийся невдалеке от моего дома, и ранены второй часовой и младший адъютант, успевшие спрыгнуть в щель. Пришел генерал Г. Н. Орел. Растерянно разводя руками, сказал: «Ну и дела!» Оказываясь, увидев повешенные фашистским летчиком «люстры», он спрятался в щель, а потом не выдержал и снова вернулся к себе в дом. Именно в это время раздался взрыв бомбы. Она угодила точнёхонько в щель, в которой только что сидел генерал. Да, на войне многое зависит от случая.

– И как вы догадались уйти из щели? – спросил кто-то.

¹⁶⁹ Генштаб РККА также регулировал и численность первого эшелона армейских штабов. Перед Курской битвой при решении этого вопроса войска руководствовались его директивой №155920 от 29.06.1942 г. (ЦАМО РФ. Ф.326. Оп.321. Д.6. Л. 149).

¹⁷⁰ ЦАМО РФ. Ф. 326. Оп. 321. Д. 6. Л. 362, 363.

Григорий Николаевич засмеялся:

– Знаете, уж очень там тесно и холодно было, как будто в могилу попал и тебя сейчас зароят. Плюнул я и вылез: если уж погибать, так лучше дома, в тепле...

Смех смехом, а рисковать больше мы не имели права. Усложнившаяся обстановка не давала возможности перенести КП. Решили здесь зарыться в землю. Заботами начштаба фронта Малинина и начальника инженерной службы Прошлякова в парке бывшего монастыря были быстро оборудованы хорошие блиндажи, куда мы и перешли»¹⁷¹.

А теперь вернёмся к боевому составу Центрального фронта. Весной 1943 г. из-за быстро меняющейся оперативной обстановки, для оптимизации управления войсками и эффективного решения стоявших задач, Брянский, Центральный и Воронежский фронты по несколько раз передавали друг другу не только отдельные дивизии, но и целые армии. Был непродолжительный по времени период, когда Брянский фронт был упразднён, а потом вновь воссоздан, схожая ситуация произошла с Орловским фронтом, просуществовавшим всего несколько суток. Поэтому тот состав Центрального фронта, в котором он начнёт летнюю кампанию, был сформирован не сразу после его полного развёртывания под Курском. «Утряска» продолжалась с марта и до первой декады мая. 12 марта к уже имевшимся 65А, 2ТА и 16ВА

К.К. Рокоссовский из Брянского фронта получил свои главные силы: 3, 48 и 13А, 28 ск, 19 тк, 19 гв.кк и средства усиления. Последнее крупное переподчинение было проведено 27 марта: Брянскому фронту была возвращена 3А, а взамен Воронежский передал Центральному 60А. В дальнейшем в распоряжение Рокоссовского из Центра поступали дополнительные дивизии и корпуса, формировались новые соединения в самом фронте, его армии обменивались крупными формированиями, существенная часть его войск (танки и кавалерия) выводилась в резерв Ставки. Но именно 27 марта можно считать днём формирования костяка фронта Рокоссовского, с которым он вступит в Курскую битву.

Каков же он был? Это важно знать прежде всего для того, чтобы понимать объём работы, проведённой его командованием при подготовке оборонительной операции. Обратимся к документальным источникам, которые стали доступны для исследователей совсем недавно. Итак, к началу апреля в его состав входили пять общевойсковых (13, 48, 60, 65, 70-я), одна танковая (2-я) и одна воздушная (16-я) армии, а также резерв, т.е. войска фронтового подчинения: 24 ск (112 сд, 42 сбр, 29 лыжбр), 6, 70 и 75 гв.сд, 2 ид (3,4 ибр), 19 кк (8,51 кд). Они объединяли в своём составе:

- 2 стрелковых корпуса, 35 стрелковых дивизий, 4 стрелковые бригады, 3 лыжные бригады;
- 4 танковых корпуса, 5 отдельных танковых бригад, 14 отдельных танковых полков;
- 2 кавалерийских корпуса и 5 кавалерийских дивизий;
- 3 арtdивизии, 1 истребительную дивизию, 1 отдельную истребительную бригаду, 2 отдельных арtpолка, 12 истребительнопротивотанковых полков, 15 отдельных минполков, 8 полков РС, 4 зенитные дивизии, 6 зенитных полков;
- 1 бомбардировочный корпус, 1 бомбардировочную дивизию, 2 штурмовые авиадивизии, 3 истребительные авиадивизии, 1 ночную бомбардировочную авиадивизию, 2 отдельных авиаполка;
- 4 инженерные бригады, 12 инженерных батальонов.

По уточненным данным, после передачи 3А на 27 марта 1943 г. фронту предстояло оборонять полосу, располагавшуюся между разгранлиниями: справа (3А Брянского фронта) – Ефремов, Михайловское, Верховье, Никольское, Стишь (все населенные пункты, кроме Стишь, включительно для Центрального фронта), слева (38А Воронежского фронта) – Старый

¹⁷¹ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Вече, 2013. С. 242, 243.

Оскол, Дежовка, Верхний Реутец, ст. Локинская, ст. Коренево, Бруски (все населенные пункты, кроме Старый Оскол, включительно для Центрального фронта).

Его армии удерживали:

48-я – генерал-лейтенанта П.Л. Романенко (левофланговая) – полосу Городище – Панская протяженностью 36 км;

13-я – генерал-лейтенанта Н.П. Пухова: Панская/иск./– Гремяче/иск./, 58 км;

70-я – генерал-майора Г.Ф. Тарасова: Гремячий /иск./ – Асмось, 36 км;

65-я – генерал-лейтенанта П.И. Батова: Асмось – Силино, 88 км;

60-я – генерал-лейтенанта И.Д. Черняховского: Селино/иск./ – ст. Шептуховка/иск./, 94 км.

Резерв фронта (на 30 марта): 2ТА генерал-лейтенанта А.Г. Родина (16, 11 тк и 11 гв.тбр) была сосредоточена в районе: Верхний Любаж, Путчина, Миролюбово, Хмелевое (её штаб в Миролюбово); 9 тк, 6 гв.сд, 2 ад, 24 зенад, 9 миномётных, истребительно-противотанковых и зенитных полков, а так же и три дивизиона бронепоездов¹⁷². О расположении тыловых учреждений служб фронта см. Приложение № 6.

Общая протяжённость линии обороны фронта составляла 312 км, позже её скорректируют до 306, изменятся и полосы армий.

Как и у соседей, в штабе Центрального фронта первые наброски будущей оборонительной операции были сделаны ещё до 12 апреля, но основная работа по её разработке проводилась уже после совещания в Кремле. И в окончательном виде первоначальный вариант плана был представлен в Москву во второй половине месяца, а 28 апреля прошло его обсуждение в Ставке. К.К. Рокоссовский исходил из принятого Верховным Главнокомандованием предположения, что основные события в ближайшие месяцы развернутся в районе Курской дуги и его войска будут здесь играть одну из ключевых ролей. Оптимальный замысел действий неприятеля напрашивался сам собой: не рассекать дугу ударом с запада на Курск, а окружить советские войска двумя концентрическими ударами. В полосе его фронта участков, где бы ГА «Центр» могла нанести главный удар основным инструментом прорыва – танковыми дивизиями, было немного, значительно меньше, чем на Воронежском. Поэтому он не без основания считал, что всё внимание следует уделить правому крылу. После войны он вспоминал: *«Наибольшую опасность мы... видели в основании Орловской дуги, нависавшей над нашим правым флагом. Поэтому было решено создать здесь наиболее плотную группировку сил... Такое решение вытекало из следующих соображений. Наиболее выгодным для наступления противника является орловско-курское направление, и главный удар (на юг или на юго-восток) нужно ожидать именно здесь. Наступление немецко-фашистской ударной группировки на любом другом направлении не создавало угрозы, так как войска и средства усиления фронта, располагавшиеся против основания орловского выступа, могли быть в любое время направлены для усиления опасного участка. В худшем случае это наступление могло привести только к вытеснению наших войск, оборонявшихся на Курской дуге, а не к их окружению и разгрому. ... Против орловской группировки противника... оборонялись соединения 48-й, 13-й и 70-й армий на фронте от Городища до Брянцева, протяженностью 132 километра. Левее, на 174-километровом фронте от Брянцева до Коренево, занимали оборону войска 65-й и 60-й армий»*¹⁷³.

Опираясь на эту оценку, были определены три направления, где следует ожидать главный удар неприятеля. Они располагались на участке примерно 95 км, т.е. занимали 31% всей полосы фронта:

¹⁷² ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 4. Л. 107.

¹⁷³ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Воениздат: Международный фонд «Выдающиеся полководцы и флотоводцы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», 1997. С. 256, 257.

- 1-е: Змиёвка – Фёдоровка – Дросково-Ливны (в стык 13 и 48А);
 - 2-е: Гремячево – ст. Поныри – ст.Золотухино – Курск (вдоль ж.д. Орёл – Курск);
 - 3-е: Кромы – Тростна – Фатеж – Курск (в стык 13 и 70А).
- К.К. Рокоссовский и его штаб наиболее вероятным считали второй вариант.

Следовательно, уже на первом этапе планирования оборонительной операции руководство Центрального фронта опиралось на верное предположение об общем замысле неприятеля на ближайшее время. Однако оно допустило просчёт с определением места нанесения главного удара противником, которое, как уже отмечалось, Модель наметил западнее железной дороги Орёл – Курск, т.е. между вторым и третьим предполагаемыми направлениями. Тем не менее, опираясь на этот ошибочный вывод, наиболее ответственным участком была верно определена полоса 13А, т.к. при любом варианте развития оперативной обстановки она становилась «ядром» обороны фронта. В случае начала боевых действий по первому варианту штаб Малинина рассчитывал, что её правый фланг станет районом развертывания контрударной группы фронта, нацеленной на правый фланг ударного клина неприятеля. Вторым и третьим варианты подразумевали наступление германских войск в центре и на левом фланге армии, следовательно, и в этом случае в её полосе будут сконцентрированы основные силы и резервы фронта, предусмотренные для операции.

В своей книге о просчёте с определением места главного удара К.К. Рокоссовский упомянул, но вскользь и причины его не объяснил. К сожалению, и в ЦАМО РФ не удалось обнаружить документов, которые каким-либо образом могли помочь развязать этот «узел». Отечественными историками этот момент не комментировался и не подвергался анализу. Лишь Г.А. Колтунов и Б.Г. Соловьёв хотя и скупно, но всё же предприняли попытку прояснить его: «*Учитывая сосредоточение крупной группировки гитлеровских войск в районе Глазуновка, Тагино, а также направление шоссейной и железной дорог Орёл-Курск, командование фронта сделало вывод, что удар, вероятнее всего, последует через Поныри на Курск*»¹⁷⁴. Однако эти доводы мало что дают для понимания логики штаба фронта. Действительно, Глазунова – это станция на участке железной дороги Орёл-Курск, которая проходила через центр обороны 13А. Но сёла Тагино, их два – Верхнее и Нижнее, расположены перед стыком 13 и 70А. Непонятно, почему командование фронта решило, что танковая группировка, развернутая в районе Тагино – Глазуновка, обязательно должна была наносить удар именно в поныровском направлении, а не на фатежском. Ведь на стыке армий Пухова и Галанина есть значительно более удобный «коридор» для прорыва танковой группой к Курску: шоссе Кромы-Курск.

Полосу 13А, по условиям ведения наступательного и оборонительного боя, можно было разделить на три части. Район на восток от р. Полевая Снова, в направлении Малоархангельск – Ливны (стык с 48А), располагавшийся в границах бассейна рек Сучья, Дубовик и Сосна, являлся сложным для проведения наступления с севера, где располагалась 9А. Он был изрезан глубокими балками и оврагами, пересечён густой сетью мелководных речек (не глубже 0,3-0,6 м) и ручьёв, с илистым дном и заболоченными, не проходимыми для техники поймами. Высоты здесь имели вид холмов продолговатой формы с пологими скатами, что позволяло оборонявшимся скрытно подводить войска. Хотя из-за них же у обороняющейся стороны возникали и серьёзные трудности с наблюдением, т.к. они мешали обзору, создавая много «мертвых» зон. Таким образом, резко пересеченная местность на стыке 13 и 48А с наличием большого числа естественных водных преград существенно затрудняла использование главного инструмента наступления – танковых соединений. Этот фактор стал определяющим для командования 9А при принятии решения об отказе наносить здесь главный удар. По этой причине данное направление ими и было отвергнуто первым. Безусловно, удар на юго-восток имел заманчивую перспективу: отсюда открывался путь на Щегры, которые располагались на единственной

¹⁷⁴ Колтунов Г.А., Соловьёв Б.Г. Курская битва. М.: Воениздат, 1970. С. 48.

железнодорожной магистрали, соединявшей Центральный фронт с экономическими и военными центрами страны. И в случае блокирования этой «артерии» войска Рокоссовского лишались главного канала снабжения. Но реализация этого замысла требовала слишком много сил, которых у Моделя не было. А вот советская сторона фактор дефицита сил у противника не приняла в расчёт¹⁷⁵, и посчитала это направление для него очень удобным, т.к., ударив на Ливны, он более глубоко охватил бы всю группировку, оборонявшую Курский выступ.

Второй район, вдоль железной дороги Орёл-Курск (центр обороны 13А), располагался в границах бассейнов рек Полевая Снова и Снова и был более удобен для активных наступательных действий крупными механизированными соединениями. Местность здесь была значительно меньше изрезана оврагами, и для бронетехники она была вполне проходима, особенно между рек, хотя они же и существенно ограничивали её манёвр. После рек главным препятствием здесь были станция Поныри и село 1-е Поныри, которые практически перекрывали единственный танкопроходимый «коридор» между поймами рек для движения на юг, к Курску, по которому проходила железная дорога. Они являлись своеобразными воротами в само начала этого пути, и обойти их было крайне сложно. При продуманной системе обороны они могли стать практически непробиваемым щитом. На этой же ж.д. ветке, южнее Поныррей, располагались ещё две станции, Возы и Золотухино, которые тоже можно было использовать для надежного перекрытия этого направления. Последняя находилась у слияния рек Снова и Полевая Снова, что существенно усиливало возможности обороны этого участка. Вдоль рек на десятки километров тянулась сплошная гряда сёл и хуторов, удобных для маскировки и создания разветвленной системы обороны. Кроме того, местность здесь имела больше высот с видимостью до 10-15 км, а это существенное обстоятельство для обороняющихся.

Тем не менее особенность этого (второго) района противоборствующие стороны тоже оценивали по-разному. Непонятно почему, но командование Центрального фронта считало, что враг бросит свои главные ударные силы – танковые дивизии – именно в эту теснину, хотя почти рядом находилось более удобное местно для их использования: фатежское направление. Возможно, К.К. Рокоссовский полагал, что для решения столь сложной задачи, как окружение сразу двух фронтов в Курской дуге, определяющим фактором для противника будет время, а этот путь к Курску был самым коротким. Если это так, то предположение советской стороны можно считать вполне резонным, хотя и спорным. Тем не менее, опираясь на этот вывод руководства фронта, штаб 13А решил создать здесь мощнейший узел сопротивления: станцию Поныри и прилегающие к ней сёла объединить в так называемый «Поньровский обвод». Помимо возведения обычной сети траншей, огневых точек, противотанковых сооружений и заграждений было запланировано усиленное минирование подходов к станции и её самой. Командование же ГА «Центр» более трезво оценивало это направление и, учитывая выше сказанное о местности здесь, наметило его лишь для вспомогательного удара.

Третий участок, расположенный к западу от р. Снова (от села Ольховатка и далее), был самым удобным для использования противником танковых соединений. Местность здесь была относительно других районов ровной, с небольшим количеством балок, холмов и не очень насыщена водными преградами (прежде всего крупными) вплоть до самого Курска. Кроме того, здесь же располагался стык 13 и 70А, что ещё больше повышало его опасность. Удар главных сил в этом направлении позволял германским войскам не только использовать благоприятную местность для быстрого выхода танковых дивизий к Курску, но и уже в ходе прорыва к городу серьёзно осложнить снабжение сразу трёх армий Центрального фронта. В случае преодоления армейской полосы 70А противник мог уничтожить базы её снабжения и тыловые учреждения, располагавшиеся вдоль кромско-курского шоссе – главной коммуникации в

¹⁷⁵ Судя по имеющимся данным, советская разведка не смогла обеспечить Москву необходимой информацией для понимания данной проблемы вермахта.

этом районе, а при дальнейшем продвижении на юг блокировать единственную ж.д.: Рыльск – Курск, по которой шло питание 65А (станция снабжения ст. Льгов) и 60А (ст. Рыльск). Все это делало фатежское направление наиболее выгодным для противника. Поэтому оно и было реализовано командованием 9А для нанесения главного удара, а вот К.К. Рокоссовский считал его самым неподходящим из трёх возможных вариантов и, безусловно, известную немцам.

Складывается впечатление, что, предполагая удар на Ливны, командующий и его штаб, не имея достоверных данных о потенциале противника, переоценили его возможности. В своём прогнозе они не учли важную особенность немцев: всегда тщательно планировать использование бронетехники и прокладывать её пути не просто по танкопроходимой местности, а и с учётом возможности маневра. Трудно вспомнить наступательные операции, когда командование германских войск загоняло крупные подвижные соединения в теснину. Чего нельзя сказать о советской стороне, случаев было немало, даже летом 1943 г. Хотя следует подчеркнуть, что о большом значении, которое противник придавал дорогам при планировании прорыва обороны, руководство Центрального фронта в этот момент, безусловно, знало, и об этом свидетельствует директива командующего артиллерией №032/оп от 21 апреля 1943 г., которая будет анализироваться ниже. Опираясь прежде всего на опыт боевых действий на Восточном фронте в 1941 г., бывший командующий 3-й танковой группой генерал Г. Гудериан в своих воспоминаниях писал: *«Танк должен выбирать такую местность, по которой он может быстро передвигаться. Только на благоприятной для танка местности полностью используются мощь его дальнего орудия и возможности огневой поддержки. ... Танк малоприспособлен к ведению боя в населенных пунктах(!) и совершенно не приспособлен к уличным боям в больших городах. В этих условиях их маневренность, а также обзор слишком ограничены. Противник, вооруженный средствами ближнего боя, везде может найти укрытие, в которых его нелегко обнаружить. Поэтому там, где это представлялось возможным, считалось целесообразным обходить населенные пункты(!)»*¹⁷⁶.

Напомню, в первые месяцы Великой Отечественной войны генерал-майор К.К. Рокоссовский командовал 9 мк, а его правая рука М.С. Малинин возглавлял штаб 7 мк. Следовательно, они не могли не знать эти важные особенности тактики германских подвижных соединений и то, что немцы не только на бумаге, но и в реальности сёла и теснины всегда стремились обходить, если была даже малая на то возможность, или окружать оборонявшие их войска. Хотя история учит, что люди, в том числе и исторические личности, собственный опыт, особенно негативный, часто сознательно игнорируют. Точнее, они не в состоянии справиться с эмоциями, а возможно, с амбициями (или обидами) и трезво оценив их, использовать в дальнейшем. Полагаю, сознательно или нет, но иногда этим грешил и командующий Центральным фронтом. В качестве примера приведу эпизод, о котором мне поведал полковник В.В. Жданов, сын генерал-полковника В.Т. Вольского, в первые месяцы войны помощника командующего Юго-Западным фронтом по АБВ: *«В сентябре 1941 г., по приказу заместителя Наркома обороны СССР генерал-лейтенанта танковых войск тов. Федоренко, В. Т. Вольский подготовил доклад о боевых действиях мотомеханизированных войск Юго-Западного фронта за период с 22.6 по 1.8.1941 г.»*¹⁷⁷. ...Много было недочетов, допущенных непосредственно командирами механизированных частей и соединений:

- штабы мехкорпусов, танковых дивизий, танковых полков еще не овладели должными навыками оперативно-тактического кругозора, они не смогли делать правильные выводы и полностью не понимали замысла командования армии и фронта;
- командный состав обладает недостаточной инициативой;

¹⁷⁶ Гот Г., Гудериан Г. Танковые операции. «Танки – вперед!». Смоленск: Русич, 1999. С. 236, 375.

¹⁷⁷ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 157. Д. 8 (Доклады автобронетанковому управлению фронта, ГАБТУ КА, Военному совету фронта об опыте применения и о состоянии танковых войск), пп. 217-229.

- не были использованы все средства подвижности, которыми обладают мехчасти;
- не было маневренности – была вялость, медлительность в выполнении задач;
- действия, как правило, носили характер лобовых ударов, что приводило к ненужной потере материальной части и личного состава; а это было потому; что командиры всех степеней пренебрегали разведкой;
- неумение организовать боевые порядки корпуса по направлениям, прикрывать пути движения противника, а последний главным образом двигался по дорогам;
- не использовались средства заграждения, совершенно отсутствовало взаимодействие с инженерными войсками;
- не было стремления лишить [противника] возможности подвоза горючего, боеприпасов. Засады на главных направлениях действия противника не практиковались;
- действия противника по флангам привели к боязни быть окруженными, тогда когда танковым частям нечего бояться окружения.

Штабы оказались малоподготовленными, укомплектованы, как правило, общевойсковыми командирами, не имеющими опыта работы в танковых частях (К.К. Рокоссовский пришёл в танковые войска в ноябре 1940 г. из кавалерии. – З.В).

Часть командиров мехкорпусов оказались не на должной высоте и совершенно не представляли себе управления мехкорпусом.

...В докладе на основании большого статистического материала. .. и на основании личного пребывания в войсках приведена подробная оценка деятельности командного состава бронетанковых войск, выявлены основные недостатки в боевом применении и эксплуатации бронетанковой техники и предложены пути устранения основных недостатков.

...Доклад оказался в распоряжении Военного совета Юго-Западного фронта, и с ним были ознакомлены все командиры механизированных корпусов. В докладе генерал Вольский не приводит, за редким исключением, имена конкретных командиров. Имея большой опыт общения с различными проверяющими органами, он прекрасно понимал, чем это может грозить в 1941 году конкретным людям, честно исполнявшим свой воинский долг и просто ошибавшимся в силу полного отсутствия опыта. Однако даже в таком, достаточно нейтральном виде доклад явно не понравился одному командиру механизированного корпуса, с которым у В. Т. Вольского так и не сложились уже в 1945 г. хорошие отношения. Им был К. К. Рокоссовский¹⁷⁸. Ещё раз подчеркну – это лишь моё предположение, которое основывается не только на приведенном эпизоде, но и на ряде других свидетельств.

Для понимания сути выражения «не сложились отношения» скажу, что в 1945 г. генерал-полковник В.Т. Вольский командовал 5 гв.ТА, которая была передана фронту Рокоссовского и отличилась в ходе Восточно-Прусской операции, но тогда уже Маршал Советского Союза «забыл» представить командарма к заслуженной награде, т.е. В.Т. Вольский за эту операцию вообще не был награжден. Несправедливость исправил Маршал Советского Союза А.М. Василевский, представив его к ордену Кутузова 1-й степени и званию маршала бронетанковых войск, но получить всё это В.Т. Вольский не успел: он скоропостижно скончался в феврале 1946 г. от хронического недуга.

Безусловно, просчёт с определением места нанесения главного удара отрицательно повлиял на ход оборонительной операции Центрального фронта. Из-за этого перед Курской битвой 70А не была усилена должным образом. Командование фронта не уделяло необходимого внимания укреплению её полосы, из-за чего был допущен ряд досадных промахов, подчинённые генерала Малинина «забыли» даже спланировать действия 19 тк на её правом фланге. Однако самым существенным последствием этого стал просчёт командования 13А при распределении сил артиллерии по направлениям. Довлевшее над командармом Н.П. Пуховым

¹⁷⁸ Личный архив автора.

мнение командующего фронтом о том, что наряду с центром в первую очередь надо укреплять свой правый фланг (т.к. противник, вероятнее всего, именно здесь нанесёт если не главный, то вспомогательный удар), заставило его создать на малоархангельском (ливенском) направлении самую высокую плотность артиллерии, существенно снизив её численность на левом фланге, т.е. там, где в июле 1943 г. противник и ударил. Более детально эту проблему проанализируем ниже.

Исходя из трёх возможных направлений ударов неприятеля, штаб фронта разработал три варианта действий войск. По второму, наиболее вероятному, его армии получили следующие задачи.

Первый день вражеского наступления.

13 А. В случае прорыва немецкими ударными группами главной полосы соединения её первого эшелона должны были прочно удерживать рубеж: Нижняя Гнилуша, Мало-Архангельск, Добровка, Поныри, Саборовка, а корпусам второго эшелона следовало:

17 гв.ск – занять оборону по линии: выс.256.9, Битюг, Катара,

18 гв.ск – разворачиваться на рубеже: Мамошин, Орлянка, Прилепы.

Второй день.

13А утром всеми силами переходит в решительное контрнаступление, нанося главный удар по прорвавшемуся неприятелю в направлении: Поныри – Ладырево – Кошелево.

48А, одновременно с 13А, своим левым флангом наносит удар в направлении: Панская – Шамшин – Борисоглебское – Змиёвка.

70А, правым крылом, одновременно с 13 и 48А, переходит в контрудар в направлении: Пробуждение-Горчаково-Зиновьевка-Кромы.

2ТА в ночь на второй день наступления выходит основными силами:

3 тк – в район: выс. 264.2, Поньковские выселки, роща восточнее выс.252.2,

16 тк – на рубеж: Дерловка, выс. 210, 2, Кутырки,

11 гв. отбр – развёртывается по линии: Ленинский – выс. 224.3 и с утра второго-третьего дня операции атакует в направлении Ржавец-Кошелоно с задачей: во взаимодействии с 13А и 16ВА разгромить германские войска в районе Протасорво, Архангельское, 1-е Поныри.

16 ВА в ночь перед переходом 13А и 2ТА в контрудар уничтожает ночными бомбардировщиками штабы и узлы связи, нарушая управление войсками противника. После рассвета её бомбардировочные и штурмовые соединения поддерживают 18 гв.ск и 3 тк, не допуская подхода резервов неприятеля с направления

Глазуновка – Кошелоно – Богородецкое. А её истребительные корпуса прикрывают главную группировку 13 А и 2 ТА¹⁷⁹. *«Второй вариант предусматривал, что противнику для преодоления сопротивления наших частей на главной полосе в боях на промежуточных рубежах и перед второй полосой понадобится 2-3 суток, –* отмечается в отчете штаба БТ и МВ фронта. *– Однако расчёты на выдвижение резервов были произведены исходя из минимального расчёта на выдвижение – одни сутки. Это оказало серьезное влияние на весь ход оборонительного сражения, ибо потребовало ввести в действие резервы уже с утра второго дня операции для того, чтобы остановить противника, создавшего небывалую плотность сил и средств на узком участке фронта и стремившегося любой ценой прорвать оборону для выхода на оперативный простор»¹⁸⁰.* Таким образом, помимо ошибки с определением направления главного удара противника, штаб Центрального фронта допустил просчёт и при планировании действий своих главных сил в первые дни оборонительной операции.

Основным рычагом влияния командующего фронтом на обстановку рассматривался подвижной резерв, который был сформирован из 2ТА и двух танковых корпусов: 9-го – гене-

¹⁷⁹ ЦАМО РФ. Ф.62. Оп. 343. Д. 29. Л. 13,14.

¹⁸⁰ ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 343. Д. 29. Л. 14

рал-майора С.И. Богданова и 19-го – генерал-майора И.В. Васильева. На 4 июля 1943 г. в их составе числилось 839 боевых машин, что составляло 49,7% всей численности бронетехники Центрального фронта. Для сравнения: у Н.Ф. Ватутина в подвижном резерве находилось больше сил, всего 1073 танка (57,9%). Это увеличение произошло за счёт большей численности 1ТА, которая имела трёхкорпусной состав, а 2ТА – двухкорпусной, плюс отдельная танковая бригада.

Подвижной резерв планировалось использовать не только против ударной группировки немцев, которая будет наступать по трём возможным вариантам (против 48,13 или 70А). К.К. Рокоссовский стремился учесть и другие риски. Поэтому он расположил его силы и севернее, и южнее Курска (фактически в центре фронта). Тем самым была обеспечена возможность манёвра в северном, западном и южном направлениях для контрударов не только на наиболее вероятном направлении движения ударной группировки 9А, но и на обоих флангах фронта. Кроме того, такое размещение танковых соединений страховало его и от неожиданности из полосы левого соседа – Воронежского фронта.

Районы сосредоточения подвижных резервов были выбраны с учетом трёх главных факторов. Во-первых, минимальное расстояние, т.е. возможности быстрого манёвра в полосы трёх армий и на оба фланга фронта. Во-вторых, наличие и степени развитости грунтовых дорог, а также минимальной удаленности от железной дороги. В-третьих, наличие естественных масок для маскировки значительного числа бронетехники, транспорта и скрытного размещения личного состава. Надо отдать должное, в том числе и командованию БТ и МВ фронта: в результате интенсивной работы такие места были определены. И к началу битвы, например, 2ТА имела очень высокий показатель по такому важному параметру, как выход танковых корпусов с мест сосредоточения в исходные районы. По всем трем вариантам он колебался в пределах 5-6 часов, а оперативное развертывание всей армии – через 8-10 часов после получения боевого приказа¹⁸¹.

Главной надеждой командования фронта была 2ТА, в ней находилась основная часть бронетехники резерва – 54%. В конце апреля она сосредоточилась в районе Кондринка, Брехово, Кочетки (за стыком 13 и 48А) и в начале лета будет нацелена на помощь 70, 13 и 48А. А пока, как и 1ТА, приводила себя в порядок, пополнялась техникой и живой силой и готовилась только к контрнаступлению. План её участия в первой фазе Курской битвы, т.е. в отражении наступления противника по плану «Цитадель», будет разработан лишь в начале июня.

9 тк в это время располагался значительно дальше от переднего края, чем 2ТА: в районе Цветово, Моква, Маслово, Суходоловка (15 км юго-западнее Курска) – и имел более широкий диапазон боевых задач. Его бригады были нацелены в том числе и на прикрытие левого крыла фронта от возможного удара из района Белгорода. Корпус получил приказ: готовиться действовать:

а. в орловском направлении, с выходом главных сил в исходные районы:

- Косоржа-Белый Колодец – через 8-10 часов;
- севернее ст. Золотухино – через 8 часов;
- в район г. Фатеж – через 12 часов после получения приказа;

б. в льговско-рыльском – с выходом в район: Фатеж, Густомой, Износково, Артаковка через 6-8 часов;

в. в белгородском – с выходом в район: Ивня, Круглик, Владимирова и Курасовка через 10 часов.

На 19 тк была возложена особая роль, поставленные перед ним задачи заметно отличались от тех, что получили и соединения 2 ТА и 9 тк. На кромском направлении разведка фронта выявила крупную немецкую танковую группировку, и, по мнению его штаба, борьбу с

¹⁸¹ ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 343. Д. 29. Л. 30.

ней, вероятно, предстоит вести и в глубине собственной обороны. Поэтому К.К. Рокоссовский решил подстраховать себя. Он развернул соединение Васильева за правым крылом 70А в районе Вер. Любаз, Путчино, Троицкое (непосредственно за третьей армейской полосой). Таким образом, в случае вклинения на смежных флангах 70 и 13А корпус мог (во взаимодействии с резервами 70А) и изматывать его короткими контрударами в тактической глубине, и обеспечивать развёртывание фронтовых резервов для более мощного контрудара.

Уже первые два дня Курской битвы полностью подтвердят правильный выбор района сосредоточения 2ТА и 9 тк, а также точность поставленных им задач. Что же касается 19 тк, то в этом вопросе штабом фронта были допущены серьёзные просчеты в вариантах его использования вместе с войсками 70А. *«Действия 19 тк предусматривались только третьим вариантом, по которому он должен занять оборону по р. Свапа на участке Молотычи (западная окраина) – Ясенск»*¹⁸², – отмечал штаб 2 ТА. Таким образом, командование корпуса не имело четких указаний на то, как оно должно действовать, в случае если противник предпримет наступление по первым двум вариантам (как оно и произойдет).

К созданию полевой обороны войска Центрального фронта приступили во второй половине марта, когда ещё продолжались активные боевые действия, но уже стало ясно, что наступление затухает. 16 марта 1943 г. принимается ряд важных решений, которые были обличены в два постановления Военного совета. Первое – «О строительстве фронтовых оборонительных полос», в котором ставилась задача по созданию системы полевой обороны на рубеже Плавск-Ливны и укреплению наиболее крупного административного и промышленного центра в полосе фронта г. Курска.

Второе было адресовано советскому и партийному руководству Курской, Орловской и Тульской областей и требовало провести мобилизацию местного населения в помощь 34-му управлению оборонительного строительства РК, которое должно было вести фортификационные работы на этих фронтовых рубежах. В тот же день, 16 марта, был создан Курский комитет обороны, во главе с только что вернувшимся с Южного фронта первым секретарем обкома ВКП (б) генерал-майором П.И. Дорониным.

Однако все эти мероприятия хотя и были согласованы с Генштабом, но пока не имели прямой связи с подготовкой к Курской битве. Это была обычная работа войск по обустройству полосы фронта при выходе на новый рубеж, которая, естественно, увязывалась с системой оборонительных рубежей соседей и действующей армии в целом. Тем не менее она сыграла важную роль, так как после принятия Москвой решения о создании глубоко эшелонированной обороны эта работа начала разворачиваться уже «не с чистого листа». *«Хочу сразу же оговориться, – писал К.К. Рокоссовский, – что это была обычная оборона, к которой мы переходили с целью выиграть время для подготовки войск к летнему наступлению. Но когда стало известно, что враг готовит удар в районе Курской дуги; оборона приобрела уже специфический, преднамеренный характер. Она получила необычно мощное развитие в инженерном отношении, особенно с середины апреля»*¹⁸³.

21 марта 1943 г. наступление Центрального фронта в основном завершилось (официально закончилась Дмитров-Севская операция, хотя бои за Севск продолжались до 27 марта). С этого дня и в течение последующих пятнадцати суток его штаб подготовил и направил в войска руководящие документы, которые легли в основу подготовки будущей Курской битвы. Они касались трёх главных направлений: состава войск фронта, их основных задач до начала мая (первой даты начала вероятного немецкого наступления) и построения системы обороны. Также действовал и генерал армии Н.Ф. Ватутин, назначенный 22 марта командующим Воронежским фронтом. Приказ о переходе его стратегического объединения к обороне и построе-

¹⁸² ЦАМО РФ. Ф. 307. Оп. 4148. Д. 145. Л. 3.

¹⁸³ Курская битва/под редакцией И.В. Паротыкина. М.: Наука, 1970. С. 88.

нии рубежей был подписан им 27 марта. Таким образом, вошедшая во все книги по истории Великой Отечественной войны система глубоко эшелонированной обороны Курского выступа начала создаваться фактически за несколько недель до совещания в Кремле 12 апреля, которое определило суть летней кампании, её этапы и основные направления подготовки к ней.

Первыми из блока важнейших документов, подписанных 21 марта 1943 г., в войска Центрального фронта были направлены приказ К.К. Рокоссовского №00123/оп о создании устойчивой обороны по линии: Городище – Мало-Архангельск – Троена – Лютеж – Коренево (см. Приложение №7) и директива командующего артиллерией генерал-майора В.И. Казакова¹⁸⁴ №032/оп об организации противотанковой обороны (см. Приложение №8). Они заложили принципы построения той системы обороны, о которую летом разобьётся ударный клин армии Моделя, и фактически запустили механизм её создания. Её планирование началось за несколько суток до появления этих документов с определения плотности сил, необходимых для выполнения главной задачи – отражения любого удара противника. Как вспоминал начальник штаба артиллерии генерал Г.С. Надысев, в это время командование фронта, опираясь на разведданные и практику боёв, считало, что для прорыва на Курск немцы могут располагать до 50 танков на один километр. К началу апреля фронт имел протяженность более 300 км¹⁸⁵. Штаб артиллерии исходил из расчёта, что одно орудие, до момента его уничтожения, будет в состоянии поразить две вражеские бронемашин, следовательно, для удержания танковой группировки численностью в 1500 бронеединиц в тактической полосе следовало сосредоточить не менее 25 стволов на один километр фронта. Цифра по тем временам очень большая. В приказе К.К. Рокоссовского ставились следующие задачи: *«Создать армейскую глубину обороны, для чего приступить к рекогносцировке и строительству армейских тыловых рубежей и укреплению передовых, согласно прилагаемому к приказу плану. Для производства рекогносцировки создать армейские рекогносцировочные комиссии из опытных командиров. При оборудовании рубежей и опорных пунктов руководствоваться следующим:*

а) Основой обороны являются батальонные узлы обороны в пунктах, перехватывающих основные направления. Промежутки между ними, доступные для противника, должны занимать небольшие стрелковые подразделения и заполняться инженерными препятствиями.

б) Батальонные узлы обороны и ротные районы обороны, расположенные на танкодоступной местности, оборудовать как противотанковые узлы и районы.

в) Все противотанковые препятствия должны находиться под действенным противотанковым, минометным и пулеметным огнем. В первую очередь использовать естественные препятствия, а где нет – создавать минные поля, завалы, противотанковые ловушки и т.д.

в) В первую очередь выполнять работы, обеспечивающие наблюдение и управление: строить противотанковые препятствия, основные и запасные огневые позиции, укрытия от огня артиллерии и авиации с обязательной маскировкой.

¹⁸⁴ Казаков Василий Иванович (1898-1968), маршал артиллерии (1955), Герой Советского Союза (1945). Перед Великой Отечественной войной – начальник артиллерии 7 мк, затем 16А Западного фронта. Хорошо проявил себя в тяжёлых оборонительных боях первого периода войны. Для борьбы с немецкими танками предложил идею комбинированных противотанковых опорных пунктов, в которых взаимно дополняли друг друга огонь противотанковой и тяжёлой артиллерии, а также ружейно-пулемётный огонь против вражеской пехоты. Впоследствии создание таких опорных пунктов стало обязательным требованием в организации обороны во всей действующей армии. Все эти идеи В.И. Казакова нашли поддержку командующего 16 А генерала К.К. Рокоссовского. Они не только сработались, но и стали близкими товарищами, почти до самого конца войны В.И. Казаков служил под началом К.К. Рокоссовского в качестве командующего артиллерией: с 07.1942 г. – Брянского, с 10.1942 г. – Сталинградского, затем Донского фронта, с 02.1943 г. – Центрального фронта. В ходе отражения наступления 9А в июле 1943 г. В.И. Казаков умело организовал управление огнём артиллерии на направлении главного и вспомогательного ударов, лично руководил её использованием в боях. За успехи Курской битве награждён орденом Красного Знамени. После войны – на командных должностях. С 1965 г. в запасе. О подготовке артиллерии Центрального фронта к Курской битве и своём участии в ней писал в книге «Артиллерия, огонь!».

¹⁸⁵ Надысев Г.С. На службе штабной. М.: Воениздат, 1976. С. 110.

д) *Населенные пункты, входящие в батальонные узлы обороны, системой оборонительных сооружений и инженерных заграждений на подступах и в самих населенных пунктах превращать в крепость, способную остановить продвижение противника и самостоятельно вести борьбу длительное время даже находясь в окружении.*

е) *Непосредственную оборону крупных населенных пунктов строить по принципу обороны укрепрайонов, т.е. заранее подготовить несколько опорных пунктов и узлов сопротивления, прикрывающих подходы к ним.*

ж) *Все дороги неиспользуемые войсками, закрыть для движения путем устройства противопехотных и противотанковых препятствий. Дороги, оставленные для движения войск, подготовить к разрушению»¹⁸⁶.*

В документе устанавливались две важные даты. Во-первых, до 27 марта все армии должны были закончить рекогносцировку и представить Военному совету уточненные схемы своих оборонительных полос. Во-вторых, основные фортификационные работы предполагалось провести в течение 40 суток, первой очереди – на основных направлениях следовало завершить к 10 апреля, а по всей обороне – к 1 мая. Наряду с восстановлением войск командующий считал эту задачу важнейшей, поэтому взял её под личный контроль. Каждые пять суток все командармы должны были доносить ему о проделанной работе через заместителя по инженерным войскам генерал-майора А.М. Прошлякова, с представлением карты, где были бы нанесены выполненные объекты и указаны объемы проведенных работ. Таким образом, планирование и создание армейской полосы в районе Курского выступа началось ровно за месяц до получения директивы Ставки № 30103 о её создании. Однако приведенный выше документ изначально не был нацелен на создание глубоко эшелонированной обороны, в этот момент о ней ещё не думали. Хотя фактически то, что сделают фронты до директивы Ставки № 30103, станет её фундаментом на обоих фронтах, т.к. подобный документ в это время подпишет и Ватутин.

Полевую оборону и на Центральном, и на Воронежском фронте, войска будут строить в три этапа. Первый (по приказу их Военных советов) – с конца марта до второй половины апреля. Это время планирования, перегруппировок, уточнения и возведения временной или первичной системы обороны. Второй, главный, продлится примерно 1,5 месяца и фактически завершится в первый день лета. Так как по распоряжению Г.К. Жукова с 1 июня боевые соединения должны будут основное внимание сосредоточить на боевой подготовке¹⁸⁷. Именно в этот период и будет проведена основная работа по возведению глубоко эшелонированной системы обороны под Курском (в том числе и на фронтовых рубежах). Её итогом станет полная готовность главной полосы по всей Курской дуге, примерно 50-60% – плановых работ на второй и менее половины – на тыловой. Третий, завершающий, этап пройдет в июне. В течение этого месяца хотя и с существенными перерывами, но фортификационные работы на всех полосах будут продолжаться, а их результаты окажутся значительно скромнее. Несколько опережая события, замечу, что, несмотря на огромные усилия, которые приложат и войска, и местное население, сверстаный в начале апреля план создания трех армейских полос на фронтах и Рокоссовского, и Ватутина до конца выполнен не будет.

В.И. Казаков в директиве №032/оп¹⁸⁸ потребовал от командующих артиллерией армий и корпусов следующее. Во-первых, противотанковая оборона должна была строиться по принципу опорных пунктов (ОП), эшелонированных в глубину. Их следовало тесно увязывать с искусственными и естественными препятствиями, а также огнём стрелковых подразделений. В свою очередь, во всех ОП огонь ПТР было необходимо жёстко увязывать с огнём ПТО. В

¹⁸⁶ ЦАМО РФ. Ф.62. Оп. 321. Д. 5. Л. 81, 82.

¹⁸⁷ ЦАМО РФ. Ф. 403. Оп. 9657. Д. 87. Л. 111.

¹⁸⁸ ЦАМО РФ. Ф. 226. Оп. 20991сс. Д. 4. Л. 47, 48.

группах ПТР следовало наладить устойчивую огневую связь, причём с учётом маломощности ПТР, особо требовалось, чтобы они располагались компактной группой не менее 3-4 расчёта, и у младшего командира была возможность управлять их огнём голосом.

Во-вторых, помимо артиллерии ПТО, все имеющиеся пушечные батареи следовало подтянуть к дорогам, т.к. предполагалось, что с наступлением весны именно на них будут сосредоточены основные силы подвижных соединений противника, а также к танкоопасным направлениям для возможного создания ОП. При отсутствии необходимых противотанковых средств на переднем крае стрелковых дивизий директива разрешала выдвигать в первую линию и использовать для создания ОП часть пушечных батарей дивизионных артполков и полков РГК.

В-третьих, командующие артиллерией соединений и объединений были обязаны в кратчайший срок сформировать подвижной противотанковый резерв, для которого на наиболее опасных направлениях следовало подготовить позиции, разведать маршруты движения, подготовить дороги и мосты.

В-четвертых, все позиции артиллерии оборудовать в инженерном отношении, на исходных позициях орудийные окопы отрыты полного профиля, а там, где это невозможно, для защиты орудий и расчётов сделать заградительные заборы – вкопать 3-4 ряда бревен и засыпать между ними землю. В каждой дивизии первой линии подготовить позиции для стрельбы дивизионной артиллерией прямой наводкой: 6 – для 76-мм орудий, 4 – для 122-мм гаубиц.

В-пятых, для маскировки позиций и введения противника в заблуждение относительно системы обороны до 5 апреля было необходимо подготовить на дивизию: 6 ложных позиций для четырех орудийных батарей и 18 – для орудий ПТО. До конца марта следовало составить график действий кочующих орудий на апрель и активно его реализовывать. В дивизии должны действовать не менее 1-2 кочующих расчётов, причём при стрельбе им следовало вести беглый огонь с целью имитации четырех орудийной батареи.

В прежние годы в европейской части СССР распутица наступала в первую неделю апреля и продолжалась примерно месяц. В это время активные боевые действия, как правило, замирали. Поэтому советское командование задачи своим войскам ставило в первой декаде апреля и на период до начала мая. Весна 1943 г. выдалась иной, дороги стали труднопроходимы уже в 20-х числах марта, т.е. примерно на две недели раньше, тем не менее напряженные бои в южной и центральной частях советско-германского фронта ещё продолжались. Поэтому Москву тревожила возможность нового удара сильной группировки от Харькова на север и сосредоточение 9А на Орловской дуге. Поэтому директива Генерального штаба №11916 от 2 апреля 1943 г. о переходе к общей обороне и задачах фронтов на весну была подписана с учётом не погодных условий, как это бывало ранее, а оперативной обстановки и вероятных угроз, т.е. примерно через неделю после окончательной стабилизации фронта в районе Курской дуги.

С этим обстоятельством связан и относительно поздний выход приказа №00180 о задачах Центрального фронта на время весеннего бездорожья: он был подписан лишь 4 апреля (см. Приложение №9). Этот документ стал программой действий войск Рокоссовский по подготовке к летней кампании. В нём командующий писал: *«Основными задачами... фронта на период весенней распутицы, ориентировочно с 10 апреля по 10 мая 1943 г., ставлю:*

а. создать прочную оборону и укрепить как главные, так и промежуточные рубежи, особенно на танкоопасных направлениях;

б. обучить войска ведению оборонительных и наступательных боев в строгом соответствии с требованием устава Красной Армии, обратив особое внимание на организацию взаимодействия пехоты с артиллерией и авиации с танками на поле боя;

в. накопить запасы всех видов и к концу апреля иметь: боеприпасов не менее 2 б/к, горючего не менее 3 заправок и продзернофуража 5-6 суток;

г. отремонтировать материальную часть машин и боевого оружия и привести его к нормальному бою»¹⁸⁹.

При строительстве рубежей рекомендовалось руководствоваться уже упомянутыми приказами от 21 марта. Особое внимание командиров всех степеней обращалось на глубину обороны. Батальонные узлы сопротивления должны были быть эшелонированы, подготовлены к отражению, в первую очередь танковых атак, окопы стрелковых и минометных подразделений, расчётов ПТР требовалось довести до полного профиля, а для станковых пулеметов построить ДЗОТы. Кроме того, все огневые точки, сооружения и площадки следовало соединить между собой ходами сообщения глубиной не менее 1-1,5 м.

Учитывая, что ещё окончательно не был решён вопрос, чем в ближайшие месяцы будут заниматься войска наступать или обороняться, в основу обучения был положен принцип равнозначности: с 10 по 25 апреля – учить оборонительному бою, с 25 апреля по 10 мая – наступательному. Причём К.К. Рокоссовский требовал не допускать никаких условностей, всё проводить на местности с использованием боевого оружия, исключение допускалось лишь для танковых войск. При сколачивании экипажей, взводов и рот все тактические занятия требовалось проводить на местности «пеший по танковому», т.е. без техники, лишь в деталях имитировать действия экипажей в бою. А чтобы выполнить график укрепления рубежей, учения по отработке оборонительного боя должны были увязаны с ведением фортификационных работ, причём общая их продолжительность должна быть по 14 часов в сутки.

После 25 апреля общий объем нагрузки не должен был снижаться, но с учётом оперативной обстановки обучение личного состава и его работу на оборонительных позициях следовало проводить отдельно по 7 часов в сутки. Для равномерной подготовки войск командующий требовал каждые 7-10 суток выводить части с первого боевого эшелона и менять их войсками второго. Следовательно, с учётом остальных обязанностей, которые с красноармейца никто не снимал, при таком графике он мог отдохнуть в лучшем случае 5-6 часов. Кроме того, на Центральном фронте, как и на Воронежском, в это время тыл находился в стадии организации, в отдельных дивизиях не хватало продуктов питания, были даже случаи смерти военнослужащих от голода. Поэтому общее состояние личного состава в боевых частях можно оценить как крайне измотанное. Бывший командир роты автоматчиков 375 сд Воронежского фронта П.Г. Золотухин так вспоминал об условиях службы бойцов на передовой в это время: *«К концу апреля снова наступили теплые дни. Снег уже не мог служить укрытием. Необходимо было зарываться глубже в землю. Снег таял по-особенному, от земли. Поэтому под снегом стала появляться вода. В окопах была грязь, сырость. Всё это заметно сказывалось на здоровье людей. В таких условиях батальон держал оборону до мая месяца. Для пулеметчиков были особые трудности в том, что пулемётные ленты, изготовленные из ткани, намокали. Набивать в них патроны было невозможно. Ленты отправлялись вниз, в село, там просушивались, и там же производилась набивка патронов в них»¹⁹⁰.* Учитывая всё это, следует признать: даже на один месяц работа, спланированная руководством фронта, была колоссальной по объёму.

Однако для её успеха следовало решать не только уже упомянутые проблемы, но и ещё одну, крайне важную. Дело в том, что для основного организатора, контролёра и исполнителя всего, что задумывалось сделать, – командного состава тактического звена фронта эта задача была пока трудно решаемой. В этот момент командиры взводов, рот, да и многих батальонов в должной мере к ней были не готовы. Ещё в конце февраля 1943 г. один из наиболее дальновидных и деятельных командармов фронта генерал-лейтенант Н.П. Пухов, осознавая сложность и вместе с тем большую важность работы по повышению профессионального уровня этой категории командиров, писал: *«В проведенных боях командный состав понес значитель-*

¹⁸⁹ ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 5. Л. 120.

¹⁹⁰ Личный архив автора.

ные потери. Почти полностью обновились командиры взводов, рот и батальонов. К командованию... пришли новые недостаточно подготовленные командиры, а руководство ими со стороны старших начальников (командиров полков и дивизий) осталось прежним. Им ставятся общие задачи, полагая, что подчиненные командиры в состоянии сами разобраться в сложной обстановке и сделать правильные выводы и провести необходимые мероприятия. Между тем этот новый командный состав в значительной части не имеет боевого опыта. Требую от командиров дивизий и полков более конкретного руководства подчиненными командирами, с подробным разъяснением им. В случае какого-либо сомнения, как нужно действовать. Особенно твердо наладить контроль за правильностью выполнения приказов и распоряжений старших начальников»¹⁹¹.

Однако лишь ужесточением контроля эту проблему решить было невозможно. Старший командный состав тоже нёс чувствительные потери, особенно в ходе таких длительных наступлений, как это было зимой 1942-1943 гг. Именно из-за нехватки командиров полков с осени 1942 г. на эти должности стали направлять даже спешно переученных комиссаров. О низком уровне профессиональной подготовки и существенной нехватке командиров стрелковых полков, например на Воронежском фронте, свидетельствует и такой факт. В апреле 1943 г. при переформировании героически сражавшегося под Сталинградом 7-го стрелкового корпуса в 35-й гвардейский на должность командиров полков назначались командиры батальонов в звании капитана, и таковыми они оставались даже после завершения Курской битвы. И это не 1941-й, а уже середина войны! Вместе с тем часть командиров полков, хорошо показавших себя в предыдущих боях, были выдвинуты на более высокие должности. Весной 1943 г. во фронтах, действовавших в районе Курской дуги, встречались случаи, когда в дивизии происходила полная смена командиров полков. Следовало учитывать и такие особенности. Во-первых, не каждый офицер, у которого был боевой опыт, но не в длительных оборонительных сражениях, мог быстро и верно выстроить план обороны подразделения, увязать систему огня с инженерными заграждениями и т.д. Во-вторых, не каждый человек может учить другого, даже тому, в чём сам неплохо разбирается. На первый взгляд это кажется не существенным, но это если речь идет о передаче личного опыта по частным вопросам. Когда же встаёт задача выстраивания системы обучения для сотен и тысяч человек, данный фактор играет важную роль. Остро стоял вопрос повышения профессионального мастерства и командиров дивизионного звена.

Обучение личного состава и построение занимаемых позиций должно было опираться на новый, принятый только несколько месяцев назад руководящий документ – «Полевой устав Красной Армии» (1943 г.) (ПУ-43), а также «Боевой устав пехоты Красной Армии» (1942 г.) (БУП-42), часть 1 и 2, приказ НКО №306 от 8 октября 1942 г. «О совершенствовании тактики наступательного боя и боевых порядках подразделений, частей и соединений» и №325 от 16 октября 1942 г. «О боевом применении танковых и механизированных частей и соединений», которые даже старший командный состав ещё толком не изучил. На Воронежском фронте эту проблему решали довольно просто. Например, командующий 21А генерал-лейтенант И.М. Чистяков вызывал командиров полков и давал им несколько часов ночного времени на изучение ПУ-43, а потом утром принимал сам экзамен. Не сдавших практически не было, планка задавалась не очень высокой, ведь командарм тоже не имел высшего профессионального образования. А тем, у кого память «подкачивала», естественно, было неприятно перед генералом, но их никто от должности не отстранил, т.к. они обладали важными качествами, которые в первую очередь ценились на войне, – боевым опытом и организаторскими способностями. В остальном действовал «железный» фронтовой принцип – «воюем, как умеем, а ошибёмся – война спишет».

¹⁹¹ ЦАМО РФ. Ф. 361. Оп. 6099. Д. 59. Л. 65 обр.

В упомянутых уставах и приказах был аккумулирован опыт почти двух лет войны, доставшийся нам большой кровью, и внесены серьёзные изменения: сформулированы новые принципы организации и ведения боя, управления войсками, а также их боевого построения. И в период весенней паузы, и в ходе самой Курской битвы эти нововведения впервые были проверены в масштабах нескольких фронтов. В ПУ-43 современный бой рассматривался *«прежде всего как бой соединённых родов войск, в котором массовое участие принимает разнообразная боевая техника: артиллерия всех видов, минометы, танки и авиация»*¹⁹². Главная роль в нём отводилась пехоте. Основным видом боевых действий определялся наступательный бой, хотя признавалась необходимость обороны и даже отступления *«как самостоятельный маневр, когда обстановка требует вывести войска из-под удара превосходящих сил противника»*¹⁹³.

Для нашей темы наиболее интересными представляются статьи, регламентировавшие построение обороны и использование войск в ней. В зависимости от стоявших задач, имевшихся сил и с учётом местности в БУП-42 оборона делилась на позиционную и маневренную¹⁹⁴. Для её ведения армиям, корпусам, дивизиям и бригадам выделялись полосы обороны, полкам – участки, а батальонам и ротам – районы. Историографию Курской битвы невозможно представить без описания системы наших оборонительных рубежей, в которой обязательно упоминаются названия армейских оборонительных полос, но не всегда авторы разъясняют, почему они так названы. Обратимся к БУП-42 – первоисточнику этих названий. Итак, согласно положениям новых уставов, оборона общевойсковой армии должна была строиться в два эшелона и состоять из:

- предполья или полосы обеспечения, передний край которой должен был располагаться в 1,0—1,5 км от главной полосы;
- главной полосы глубиной 5-6 км;
- второй полосы, расположенной в 10-12 км от передней границы главной полосы;
- третьей (тыловой) армейской полосы, расположенной в 10-15 км от переднего края второй полосы¹⁹⁵.

Предполье должно обязательно минироваться, и оно являлось местом организации боевого охранения, а при наличии на нём не занятых противником построек (даже разрушенных) или населенного пункта – выдвигаться передовой отряд, с целью прикрытия главной полосы от неожиданных ударов крупных разведывательных или ударно-штурмовых групп противника. На Центральном фронте передовые отряды выдвинуть было невозможно из-за близости боевых порядков противоборствующих сил, а вот на Воронежском ситуация оказалась иной. В селе Бутово (полоса 6 гв. А) были оборудованы позиции ПО 67 гв.сд численностью в батальон, и накануне Курской битвы он сыграл положительную роль при защите рубежа дивизии.

Главная и последующие полосы должны были состоять из батальонных районов обороны, каждый из которых занимал местность до 2 км по фронту и 1,5-2 км в глубину. Ротные районы представляли собой участки местности протяженностью до 700 м по фронту и в глубину, которые следовало удерживать взводными опорными пунктами.

В начале апреля система обороны Воронежского и Центрального фронтов начала возводиться именно по этой схеме. В дальнейшем она принципиально не менялась, лишь совершенствовалась и развивалась в глубину.

Несмотря на жесткие сроки, установленные в приказе К.К. Рокоссовского от 21 марта, примерно до 20-х чисел апреля фортификационное укрепление полосы его фронта, за редким исключением, практически не проводилось.

¹⁹² Полевой устав Красной Армии. М.: Воениздат, 1945. С. 5.

¹⁹³ Полевой устав Красной Армии. М.: Воениздат, 1945. С. 8.

¹⁹⁴ Боевой устав пехоты Красной Армии. 4.2. М.: Воениздат, 1942. С. 204.

¹⁹⁵ Полевой устав Красной Армии. М.: Воениздат, 1945. С. 228–230.

Во-первых, войска испытывали острый дефицит подрывных средств, причём их необходимый объём был получен лишь к середине мая.

Во-вторых, началась распутица, дороги и мосты в большинстве своём находились в непроезжем состоянии, подвозить даже имевшееся инженерное имущество (мины, колючую проволоку, стройматериалы) и вести любые земельные работы было невозможно. Кроме того, значительная часть лошадей – главная тягловая сила войск из-за бескормицы вышла из зимы в плохом состоянии и была поражена клещом.

В-третьих, войска ещё не были полностью собраны, шла масштабная перегруппировка и восстановление соединений.

В-четвертых, отсутствовал чёткий план действий на ближайшее время: было не ясно, к чему готовиться в первую очередь, – к наступлению или обороне.

В-пятых, из районов развёртывания боевых соединений было необходимо отселить мирное население. Согласно директиве Ставки от 15 октября 1942 г. №170663, сразу после стабилизации фронта должна быть определена прифронтовая полоса¹⁹⁶, из которой всё гражданское население немедленно отселялось. Объяснялось это его же безопасностью, а также стремлением пресечь деятельность немецкой агентуры. На Центральном фронте эти мероприятия планировалось завершить к 10 апреля, и в течение последующих двух суток жителями, уклонившимися от выселения, а таких всегда было не мало, должны были заниматься органы НКВД¹⁹⁷. Однако из-за широкого распространения тифа сначала решением Военного совета фронта от 30 марта полосу отселения временно уменьшить с 25 до 3 км от переднего края, а 30 апреля К.К. Рокоссовский вынужден был, по тем же причинам, просить И.В. Сталина уменьшить прифронтовую зону для своих войск с 25 км хотя бы до 15 км, что и было сделано. Из дневника переводчика разведотдела 258 сд 5-й ударной армии Южного фронта лейтенанта Б. Суриса, где в это время тоже проводилось такое же мероприятие: *«24 марта 1943 г. Из Дмитриевки выселяют гражданское население. Мероприятие жестокое; но необходимое. Разыгрываются очень тяжёлые сцены. Старик со старухой тащат тележку со скарбом. Ломается ось, и никто не поможет, не подберет... Мимо равнодушно проезжает автомобиль. Старуха жалобно причитает, старик смешино суетится у тележки; и у него трясутся руки. Женщина с двумя больными детьми просится переночевать к нам в хату. Плачет: «Немцы не трогали; а тут выселяют»... Может быть, даже проклинает... тяжёло все это, до чего тяжёло!..»*¹⁹⁸.

В марте-апреле сыпной тиф свирепствовал повсюду, хотя с ним велась напряжённая борьба. Распространению заболевания способствовали тяжёлое санитарное состояние освобожденных сел и хуторов, разрушенная инфраструктура, крайняя измотанность мирного населения и военнослужащих. *«Хожу по деревням, где стоят наши подразделения, – писала в дневнике военврач санитарного батальона 140 сд Л.М. Жданова (Гаркавенко). – Иду из дома в дом, заставляю мыться, прожаривать бельё в печках. Много больных среди гражданского населения. Сыпняком переболел весь медсанбат во главе с Белобородовым (командир. – З.В.). Немцы оставили очаги сыпного тифа в каждой деревне, в каждом доме. В подразделениях есть единичные случаи, но, думаю, вспыхнуть эпидемии в дивизии не дадим»*¹⁹⁹.

¹⁹⁶ Прифронтовая полоса – местность, примыкающая к линии фронта, в пределах которой располагались части, соединения и тыловые учреждения армий и фронтов. В ней устанавливался особый режим для населения. В ряде случаев при подготовке операции население могло частично или полностью отселяться. Глубина фронтовой полосы зависела от особенностей театра военных действий, оперативного построения войск, применяемых средств поражения и других факторов и могла быть от 20 до 50 км. Директива №170663 предписывала установить прифронтовую полосу глубиной 25 км с соответствующим режимом, менять ее начертание в зависимости от изменения линии фронта, создать в ней не менее трех оборонительных рубежей, подготовить населенные пункты к круговой обороне.

¹⁹⁷ ЦАМО РФ. 62. Оп. 321. Д. 6. Л. 132.

¹⁹⁸ Сурис Б. Фронтовой дневник: дневник, рассказы. М.: Центрполиграф, 2010. С. 109.

¹⁹⁹ Человеческие документы войны. Курск, 1998. С. 245.

Поэтому, а также из-за продолжавшейся распутицы, несмотря на жесткие указания командования фронта, оборона даже войск первого эшелона в это время была откровенно слабой. О сплошном минировании и траншейной сети с основными запасными и ложными позициям не было и речи. В основном она состояла из временных, созданных ещё во второй половине марта сооружений для защиты личного состава, стрелковых ячеек и немногочисленных минно-взрывных заграждений. Например, в середине апреля во всей 40-км полосе обороны 70А числилось лишь 9 полей общей ёмкостью до 800 мин. А вот как выглядел

10 км рубеж 81 сд 13А (Нов. Хутор, выс. 257.3, /иск./Пробуждение, Бобрик), которая 20 апреля 1943 г. выводилась во второй эшелон и передавала эти позиции 15 сд той же армии: *«Сданы и приняты следующие инженерные сооружения:*

- 1. Стрелковых окопов на отделение – 155.*
- 2. Окопов для миномётов 50- и 82-мм – 72.*
- 3. Окопов для противотанковых ружей – 92.*
- 4. Площадок для станковых пулеметов – 84.*
- 5. Наблюдательных пунктов – 30.*
- 6. Ходов сообщения – 7260 м.*
- 7. Землянок – 233.*
- 8. Дзотов – 68.*
- 9. Огневых позиций для 45-мм пушек – 15.*
- 10. Огневых позиций для 76-мм пушек – 11.*
- 11. Площадок для 120-мм миномётов – 12.*
- 12. Рогаток трехметровых – 2000 м.*
- 13. Проволочного забора в 2 кола – 1065 м.*
- 14. Полностью оборудованы блиндажами для жилья и средствами связи командные пункты дивизии.*

При приёме обнаружено следующее: инженерные сооружения и окопно-земляные работы по переднему краю в некоторых местах расположены в одну линию; стрелковые окопы имеют недоделки (не выдержан профиль и не приспособлены для выхода в атаку, не соблюдена полностью маскировка)»²⁰⁰. И это на всю дивизию численностью несколько тысяч человек! К акту приёма-передачи прилагалась ведомость минных заграждений. Ими в нескольких местах были перехвачены лишь танкоопасные направления, но о какой-либо системе противотанковой обороны с рвами, эскарпами, электрозаграждениями и т.д., которая здесь появится уже в конце мая, речи пока не было.

Схожая ситуация наблюдалась по всей центральной и в южной частях советско-германского фронта. Из фронтового дневника переводчика 258 сд Южного фронта лейтенанта Б. Суриса: *«20 марта 1943 г. ... Что это за оборона? (дивизии. – З.В.) Вот что: три человека сидят на рубеже в 3 км. Снарядов нет, мин мало, патронов не хватает. Жрать людям нечего. Местность: камыши и бурьян, в которых немец нас не видит, но которые мешают и нам его видеть, грязь от оттепели, канавы, ручьи. Речушка Миус – и впереди крутые высоты, по которым проходит оборона немцев. У них окопы, блиндажи, соединенные траншеями, мало миномётов и артиллерии, есть снайперы, перед всем передним краем – проволочные заграждения, много пулемётов... Очень, очень мало огневых средств, отвратительное управление (у батальона с полком нет телефонной связи и никто не знает, где штаполк!). Зато лазают многочисленные «представители сверху», «координируют». Бойцы ругаются: демаскировка. Глупо, страшно всё это от начала до конца... Очковитирательство процветает... Есть много людей, работающих не за совесть, я за страх. КП батальона, неизвестно за каким чёртом, вынесли чуть не к самой передовой. Ребята, не теряя времени, оборудовали*

²⁰⁰ ЦАМО РФ. Ф. 804. Оп. 290935с. Д. 1. Л. 11.

КП: выставили автоматы из амбразур, на бруствере разложили штук тридцать гранат... Только что пришла шифровка с предупреждением, что с рассветом возможны активные действия противника. Я боюсь этого, ибо чуть сильный толчок – я все полети к черту»²⁰¹.

На Воронежском фронте создание системы обороны начали создавать с расчистки территории фронта, площадь которой к тому времени составляла 18 600 кв.км, и приведения в порядок основных транспортных коммуникаций и инфраструктуры для создания нормальных условий деятельности войск и проживания местного населения. Что собой представляла эта местность после зимних боёв и начавшейся распутицы, даёт представление шифровка заместителя начальника Генштаба Красной Армии генерала А.И. Антонова от 10 апреля 1943 г. на имя начальника штаба Воронежского фронта:

«По данным Генерального штаба, армейские и фронтовые дороги на участках: Новый Оскол – Короча – Обоянь, Старый Оскол – Тим – Курск и др. находятся в трудно проходимом состоянии, я некоторые из них почти абсолютно непроходимы. В районе Старого Оскола и Тима большое количество неубранных человеческих и конских трупов, что может привести к заражению источников и распространению эпидемических заболеваний. В этих же районах большое количество разбитых танков, автомашин, снарядов и мин.

*Прошу проверить и принять срочные меры по устранению указанных фактов. Об исполнении донести».*²⁰²

Для приведения в порядок местности были сформированы похоронные команды, а также выдвинуты в указанные районы подразделения сборных пунктов аварийных машин передвижных рембаз, а также инженерные части.

Укреплением полосы войск первого эшелона Воронежского фронта сразу после стабилизации фронта под Белгородом началось как обычно с минирования. Так как это был наиболее простой, быстрый и эффективный способ и для борьбы с бронетехникой, и вообще для удержания рубежа. К вечеру 29 марта 21 А, развёрнутая на наиболее опасном участке Воронежского фронта, уложила всего 2500 противотанковых мин. Чтобы прикрыть хотя бы передний край, ей не хватало 13 000 ПТМ. Противопехотных мин в армии вообще не было, их минимальная потребность составляла 8000 единиц²⁰³. 8 апреля Н.Ф. Ватутин сообщил И.М. Чистякову, что специально для него по железной дороге перебрасываются 12 000 ПТМ, 18 000 ППМ, 6500 больших и 8000 малых лопат²⁰⁴. Пока же он предложил направить в армию, в качестве противотанкового резерва, 27-й батальон собак – истребителей танков²⁰⁵. Командарм, не раздумывая, сразу же согласился, обстановка заставляла с готовностью принимать и эти крохи. Обещанное инженерное имущество подошло лишь во второй половине апреля, когда всё кругом развезло. Поэтому сплошное минирование всех трёх армейских полос и серьёзное укрепление танкоопасных направлений началось лишь со второй половины апреля, ближе к маю.

Приказ №0087/оп об инженерном оборудовании полосы обороны Н.Ф. Ватутин подписал 27 марта, т.е. в момент, когда весна уже вошла в свои права и весь советско-германский фронт практически «утонул» в непролазной грязи. Поэтому фортификационные работы были разделены на две части – первую и вторую очереди. К первой очереди было отнесено возведение самого необходимого для отражения атак противника:

²⁰¹ *Сулис Б.* Фронтовой дневник: дневник, рассказы. М.: Центрполиграф, 2010. С. 105,106.

²⁰² Русский архив. Великая Отечественная война. №23 (12(3)). М.: ТЕРРА, 1999. С. 106.

²⁰³ ЦАМО РФ. Ф.203. Оп.2846. Д.469. Л.30.

²⁰⁴ ЦАМО РФ. Ф.203. Оп.28.46. Д.469. Л.44.

²⁰⁵ 27-й отдельный батальон собак-миноискателей и истребителей танков состоял из трёх взводов. Первый имел в своём составе 31 человека личного состава, 23 собаки, 4 ПТР и 2 ручных пулемёта, второй: 34 человека, 23 собаки, 4 ПТР и 2 ручных пулемёта, третий: 31 человека, 21 собаку, 4 ПТР и 2 ручных пулемёта. В период Курской битвы был придан повзводно 67 гв. и 51 гв.сд 6 гв. А и эффективно участвовал в боях (ЦАМО РФ. Ф.203. Оп.2845. Д.241. Л.207).

«а) минирование основных танкоопасных направлений и подготовка мостов к взрыву по всей глубине обороны с максимальным использованием трофейных мин, ВВ, артснарядов и авиабомб;

б) устройство траншей с основными и запасными огневыми стрелковыми и пулеметными позициями и позициями ПТР с расчисткой обзора и обстрела;

в) оборудование основных и запасных позиций для артиллерии и минометов с простейшими укрытиями для расчетов и матчасти;

г) устройство противопехотных препятствий перед передним краем;

д) оборудование КП;

е) ДЗОТы на переднем крае для основных огневых средств;

ж) колонные пути и колейные дороги, обеспечивающие подвоз в войсковом звене в период распутицы»²⁰⁶.

Сроки исполнения в приказе были установлены жёсткие, этого требовала крайне сложная оперативная обстановка. Работы было необходимо завершить:

– на главной полосе – до 5 апреля;

– на второй, на главных направлениях – до 5 апреля, все – до 15 апреля;

– на промежуточных рубежах – до 5 апреля;

– на тыловой армейской полосе и отсечных позициях – к 15 апреля;

– на первом фронтовом рубеже, на главных направлениях до 15 апреля, все – до 25 апреля.

Ко второй очереди было отнесено оборудование:

«а) ложных позиций и районов;

б) подбрустверных блиндажей, убежищ,., землянок;

в) дополнительных позиций для всех огневых средств;

г) развитие ходов сообщения в глубину и по фронту;

д) усовершенствование траншей, окопов и огневых позиций артиллерии и минометов, бойницы, ниши, водоотвод, одежда крутостей;

е) устройство противопехотных препятствий в глубине обороны и на флангах батальонных районов и опорных пунктов;

ж) устройство ДЗОТов для основных огневых средств в глубине обороны»²⁰⁷.

Оборудование главной и второй полос возлагалось на армии первого эшелона в своих границах. Они же должны были готовить и тыловую, кроме 7 гв. А, которую изначально предполагалось вывести в резерв фронт для подготовки наступления на Харьков. Ответственность по тыловой полосе была распределена следующим образом: от Малой Локни до (иск.) Корочи её возложили на 38А, от Корочи до Усланец – на 40 А, от (иск.) Усланца до Васильевки – на 21А (6 гв. А). Строить промежуточную полосу Картамышева, Ивня, Курасовка, Шипь было поручено 1ТА, хотя она тогда формально ещё и не входила в состав Воронежского фронта.

Немаловажная деталь: в документе особо оговаривалось, что крупные противотанковые заграждения, такие, как рвы, эскарпы, ловушки и т.д., не возводить. Во-первых, они крайне трудоёмкие и отвлекали бы значительные силы личного состава с других столь же важных, но менее затратных элементов полос. Во-вторых, Москва ещё окончательно не определилась с планом летней кампании. Поэтому до решения вопроса, будет ли действующая армия переходить к обороне или готовиться к наступлению, главным было укрепить передний край, т.е. создать условия для отражения любых локальных ударов. Советское командование считало, что в течение апреля проводить масштабную операцию, по понятным причинам, немцы не смогут. Поэтому крупные заграждения на главной полосе начнут возводить только с мая, когда

²⁰⁶ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп.2843. Д. 323. Л.13, 14.

²⁰⁷ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 323. Л. 15.

основа обороны уже будет готова, а планы в основном определены. Тем не менее нельзя не отметить предусмотрительность штаба Воронежского фронта, который уже в приказе от 27 марта распорядился готовить и иные чем минные поля противотанковые препятствия, опираясь на условия местности: *«При рекогносцировочных работах и назначении мест посадки сооружений особо предусмотреть разливы рек и затопление долин, определив границы затопляемых участков. Выявить участки, удобные для заболачивания, и предусмотреть на них возведение простейших плотин с целью задержания талых вод и вод разлива»*²⁰⁸. Войска Центрального фронта тоже будут использовать искусственное заболачивание местности в качестве средства блокирования танкоопасных направлений, но позже.

Сроки выполнения работ второй очереди также были крайне сжатые:

- на главной полосе – до 5 апреля;
- на второй – не позднее 25 апреля;
- на промежуточных и отсечных рубежах – до 15 апреля;
- на армейской тыловой полосе – к 25 апреля;
- на первом фронтом рубеже по важным направлениям – к 25 апреля.

В приказе подчёркивалось, что после выполнения этих задач войска должны приступить к усовершенствованию своих боевых позиций. Ставка и Генеральный штаб придавали большое значение не только укреплению всего Курского выступа, но особо акцентировали внимание на плановость и системность этого процесса. Для унификации работ была разработана единая инструкция для войск по возведению полевых рубежей. Именно поэтому градация фортификационных работ и сроки их выполнения были так похожи в документах штабов обоих фронтов под Курском.

Безусловно, теоретически опасность неожиданного удара, и даже прорыва обороны обоих фронтов, в это время существовала. Но в реальности, как докладывала разведка, войска ГА «Центр» и «Юг» после зимних боёв тоже были измотаны, их дивизии заметно поредели, а дороги и мосты, как и у нас, были не проходимы. Поэтому с начала апреля каждая из противоборствующих сторон основные усилия направила на восстановление войск, наведение порядка в местах их сосредоточения и развёртывания.

Было и ещё несколько причин, из-за которых в районе Курской дуги наша оборона до конца апреля оставалась откровенно слабой. Это инертность мышления, неспособность командного состава, прежде всего тактического звена, верно оценить обстановку и использовать собственный боевой опыт. В советской историографии, да и в современной российской эти проблемы авторы обходят стороной. Возможно, на первый взгляд они кажутся слишком мелкими, хотя сами участники тех событий о них откровенно писали ещё в начале 1970-х гг. и оценивали их как существенные. Обратимся к воспоминаниям начальника оперативного отдела штаба 63А Брянского фронта, в ту пору полковника, В.А. Белявского. Вот как он описывал посещение начальником штаба армии генерал-майором Ю.Л. Городинским 41 сд, только вошедшей в состав армии, и состояние её оборонительной полосы: *«Ротному явно не хватало подтянутости кадрового командира, чёткого и краткого военного языка при докладе. Но, судя по всему, войну он знал, воевал уже не первый год, и, видимо, неплохо, хотя некоторые вопросы организации обороны понимал недостаточно глубоко и верно.*

Ротная траншея оказалась мелкой; и кое-где, проходя по ней, приходилось сгибаться. В одном месте я остановился у станкового пулемета. Тут же солдат-пулеметчик, дернув меня за руку, пригнул к земле:

– Здесь снайперы немецкие балуются, осторожней, – сказал он.

...Обойдя окопы, генерал-майор Ю.Л. Городинский указал командиру роты на слабое развитие траншейной системы.

²⁰⁸ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 323. Л. 16.

– Инженерные сооружения хилые, – сказал он. – Глубина огня не обеспечена. Ходов сообщения нет. Как же так?

– Говорят, что, не имея траншейной связи с другими ротами и ходов сообщения в тыл, рота при отражении атак противника никогда не оставит, – ответил генералу командир роты.

– Удивляюсь вам, старший лейтенант. Как вы можете всерьез говорить такие вещи? Займитесь лучше инженерным обеспечением роты, – резко сказал Городинский.

В штабе дивизии генерал-майор Ю.Л. Городинский поставил задачу полковнику А.И. Гурченко немедленно заняться совершенствованием обороны.

– Почему не развиваете и не углубляете траншейную систему? – спросил он у комдива. – Почему у вас во всех полках нет ходов сообщения к ротам переднего края?

– Было мнение, товарищ генерал, что мы недолго здесь задержимся, – пытался объяснить А. И. Гурченко.

– А сидите уже более года; – сердито заметил Ю.Л. Городинский. – Займитесь обороной всерьез. Рассчитайте, сколько вам времени на это нужно, и доложите мне. А вы, товарищ Белявский, – обратился ко мне генерал, – передайте начиншу армии, чтобы он как следует проверил состояние инженерных сооружений в полосе сорок первой дивизии»²⁰⁹.

Со второй половины апреля в Москве начала расти уверенность в том, что Берлин всё-таки готовит крупное наступление в районе Курской дуги, хотя не исключалась возможность сильного отвлекающего удара и на других участках. В этой связи 21 апреля 1943 г. Ставка ВГК направила директиву командующему Центральным фронтом, в которой потребовала навести должный порядок в тактической полосе и активизировать работу по укреплению обороны: «В результате продвижения наших войск в период зимних операций 1942/43 г. требования директивы Ставки от 15.10.1942 г. №170663 об установлении прифронтовой полосы на глубину 25 км, на которой воспрещается продвижение и доступ в нее гражданского населения, оказались в ряде фронтов нарушенными.

Не все командующие фронтами своевременно приняли меры к созданию новой прифронтовой полосы, соответствующей изменившемуся положению фронта.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Восстановить прифронтовую полосу согласно требованиям директивы Ставки №170663 и к 10 мая с.г. закончить выселение в тыл за пределы 25 км полосы от ныне занимаемой линии фронта всего гражданского населения, в том числе из Мало-Архангельска, Поньрей, Коренево, Дмитриев-Льговского и Льгова.

Тыловую границу прифронтовой полосы для Центрального фронта установить по линии: Грязное, Вязоватое, Васьково, Войново, Топки, Хмелевая, Луковец, Горя и ново, Нижнее Смородное, Горки, Хлынино, Михайловка, Крупец, Кузнецовка, Арбузово, Шустово, Шереккино, Екатериновка, Погребки – все пункты для прифронтовой полосы включительно.

2. Немедленно приступить к постройке в прифронтовой полосе двух-трех войсковых оборонительных рубежей, следующих один за другим, и к приспособлению к обороне в этой полосе всех населенных пунктов.

Города и крупные населенные пункты в прифронтовой полосе, из которых должно быть выселено все гражданское население, приспособить к обороне независимо от их удаления от линии фронта, руководствуясь указаниями, изложенными в директиве Ставки №170663.

3. К выполнению настоящей директивы приступить немедленно. О принятых мерах и о намеченных к постройке рубежах донести к 25 апреля 1943 г.»²¹⁰.

²⁰⁹ Белявский В.А. Стрелы скрестились на Шпрее. М.: Воениздат, 1973. С. 78, 79.

²¹⁰ Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта-23 августа 1943 г. Т.15(4-4). М.: ТЕРРА, 1997. С. 19.

Этот документ имел важное значение для ускорения подготовки Центрального фронта к Курской битве. Во-первых, он стал первым крупным шагом в развитии решения, принятого на совещании в Кремле 12 апреля, и дал существенный толчок к масштабному развёртыванию фортификационных работ на рубежах войск Рокоссовского. По сути, именно с этого момента можно вести отсчёт создания глубоко эшелонированной обороны в северной части Курского выступа. Хотя, как упоминалось выше, большая подготовительная работа по её созданию велась руководством фронта уже месяц. Кроме того, документ ещё раз показала командованию действующей армии, что Москва всё-таки склоняется к окончательному утверждению предварительного решения о переходе к обороне и требует форсировать подготовку к ней.

Во-вторых, директива наглядно свидетельствовала об обеспокоенности Ставки прежде всего московским направлением, поэтому она была первой в ряде последовавших затем схожих документов и адресована персонально командующему Центральным фронтом, где ожидались главные события и откуда могла исходить наиболее вероятная угроза столице. Через трое суток, 24 апреля, директива, схожая по основной задаче, будет направлена командующим всеми 10 фронтами, развёрнутыми от Ладожского озера и до Черного моря. Она требовала восстановить и начать строительство двух полевых оборонительных рубежей: фронтового – со сроком исполнения к 15 июня и государственного – к 25 июня. Причём, с учётом принятого решения 12 апреля, Москва в первую очередь направила ресурсы для возведения фронтового рубежа Плавск, Курск, Алексеевка, Воронеж. Сюда оперативно была переброшена большая половина, 8 из 13, имевшихся в резерве Ставки управлений оборонного строительства (22, 23, 27, 28, 35, 36 и 38 УСО), в составе которых находилось 31 управление военно-полевого строительства, укомплектованное подготовленными и опытными кадрами. Часть из них подчинили непосредственно К.К. Рокоссовскому и Н.Ф. Ватутину. Это были существенные силы. Например, приданные Воронежскому фронту 27 и 38 УОС имели в своём составе соответственно 16 000 кадровых строителей и 6000 мобилизованного мирного населения и 11 000 и 7 000²¹¹.

38 УСО вплоть до завершения Курской оборонительной операции в полном составе находились на Воронежском фронте, ведя фортификационные работы на фронтовом рубеже. 27 УОС в начале апреля получило задачу в кратчайший срок подготовить сначала участок фронтового рубежа: Корицкое – Алексеевка – Чупринин (107 км), а затем для прикрытия левого крыла фронта на курском направлении укрепить в инженерном отношении отсечную полосу Окуни – Казацкое и создать мощный узел обороны в г. Старый Оскол, выстроив вокруг него обвод протяженностью 141 км. Работы здесь велись до середины июля, в том числе и штатными силами Воронежского фронта. Однако уже в конце месяца, согласно директиве начальника Главного управления оборонстроя №125931 от 30 апреля, основная часть 27 УОС начала перебрасываться на р. Дон. Здесь на левом берегу разворачивалось строительство государственного рубежа обороны, который Ставка, вместе с войсками Степного военного округа, рассматривала как главные средства перекрыть путь германских войск в глубь страны (за р. Дон) в случае глубокого прорыва позиций Воронежского или Центрального фронта. Поэтому не случайно руководство укреплением Донского государственного рубежа было возложено на командование СтепВО. Работа планировалась очень масштабная, только 27 УОС получило задачу: укрепить в инженерном отношении участок протяженностью в 232 км, который включал в себя в том числе и территорию на правом берегу реки (предмостные укрепления). Здесь должно было появиться 82 батальонных района, 36 ротных и 19 взводных опорных пунктов.

Большие силы военных строителей и сапёров получил и Центральный фронт – 34 УОС под командованием полковника Т.И. Понимаш и 245 сапёрных рот. Они и стали основными

²¹¹ *Маляров В.Н.* Строительный фронт в годы Великой Отечественной войны. Создание стратегических рубежей и плацдармов для обеспечения оборонительных операций вооруженных сил в 1941-1945 гг. СПб.: Военно-инженерный университет, 2000. С.179.

создателями каркаса полевой системы обороны его войск, их распределили следующим образом:

- для возведения главной армейской полосы выделялось 100 рот, которым предстояло вести работу по планам полковых, дивизионных и корпусных инженерных служб;
- для строительства второй полосы направлялись 70 рот, они подчинялись начальнику инженерных войск армий;
- тыловую армейскую полосу предстояло готовить бойцам 30 рот и местному населению, работы здесь велись под руководством начальников инженерных войск и армий, и фронта;
- остальные 45 сапёрных рот и часть сил 34 УСО были направлены для оборудования фронтовых рубежей (основного и тылового), укрепления г. Курска, где тоже планировалось привлекать к работе местное население.

34 УСО состояло из четырех управлений военно-полевого строительства, которые получили задачу:

15 АУВПС (начальник полковник С.И. Гаврилин, затем инженер-капитан А.А. Полетаев) вести фортификационные работы непосредственно в районе г. Курск;

125 УВПС (начальник инженер-подполковник И.В. Косынкин) проводить укрепление участка фронтового рубежа за полосой обороны 13А;

126 УВПС готовить позиции на фронтовом рубеже за войсками 70 А;

127 УВПС (начальник инженер-подполковник В. Горюнов) вместе с мирным населением строить оборону Воронежского фронта под г. Обоянь и юго-западнее.

Фронтовой рубеж войск Рокоссовского планировалось разбить на две отдельные самостоятельные позиции – основную и тыловую. На основной предполагалось «посадить» два укреп-района, их наличие было одной из заметных отличительных особенностей системы обороны Центрального фронта от его соседа Воронежского. При прорыве обороны 9А армейских полос УРы должны были удержать подходы к Курску – самому крупному городу в районе дуги. Это ещё одно из последствий ошибочного решения Ставки о том, что неприятель главный удар нанесёт по Центральному фронту. Из приказа К.К. Рокоссовского №00125 от 7 апреля: *«На основании приказа Ставки ВГК №0061 от 31 марта 1943 г. в состав Центрального фронта включить прибывшие из Московского Военного округа 119 и 161 у креп районы в составе: 552 и 243 отдельных рот связи, 168, 104 огнеметно-траншейных рот, 16,356, 370, 399, 401, 415, 13, 383, 384, 405,406, 407,408 отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов.*

Приказываю:

1.161 укрепрайон в составе: семи отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов оставить в резерве фронта и расположить его на фронтовом рубеже литер «О» с задачей: укрепить и оборонять рубеж в границах: справа – /иск/Дровосечное, Рогатый, Мало-Архангельское, слева – Свобода, Фатеж. Особо прочно прикрыть направление: а) Мало-Архангельское; б) Поныри. КП – Николаевка.

2.119 укреп район в составе 6 отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов содержать во фронтовом резерве и расположить на внешнем обводе г. Курска, с задачей: оборонять подступы к г. Курск с севера, северо-запада и с направления Льгов – Обоянь. Прочно прикрыть направления: а) Фатеж, б) Льгов, в) Обоянь. В границах: слева – /иск/Рышиково, /иск/Паники. КП 119 Ура – северо-западная окраина г. Курск.

Готовность системы огня и инженерных работ первой очереди на рубежах, занимаемых Урами, – 18 апреля 1943 г.»²¹².

Тыловую позицию начали создаваться на основе постановления Военного совета фронта №00142/оп от 27 марта, она должна была возводиться по линии Забрево, Большое Ольховатое, Будаковка, Верхняя Медведица специально для прикрытия с севера главной и единственной

²¹² ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 5. Л. 128, 129.

ж.д. магистрали фронта Курск – Касторное. Она должна была соединиться с внешним обводом Курска. Ответственность за организацию и проведение рекогносцировочных работ была возложена на отдел укрепрайонов штаба фронта. Стояла задача: в первую очередь укрепить на полковую глубину направления: Орел – Курск; Мало-Архангельск – Щигры; Колпня – Мармыжи. «4. *Строительство рубежа, – отмечалось в документе, – возложить на 126 УВПС 34-го управления оборонстроя, который снять с работ на фронтовом рубеже, находящимся в полосе 61-й и 3-й армий. Готовые сооружения впредь до принятия их частями Орловского фронта передать местным властям.*

5. *Начальнику 34 УОС сосредоточить 126 У В ПС к месту работы 5 апреля 1943 г. и строительные работы развернуть одновременно с рекогносцировкой. Срок окончания работ первой очереди к 10 мая 1943 г.*

6. *Курскому облисполкому мобилизовать дополнительно на этот рубеж 5000 человек и 200 лошадей»²¹³.*

Мирные жители принимали самое активное участие в фортификационных работах на протяжении всего периода подготовки к битве, но их использование регламентировалось временем года и погодными условиями. До начала полевых работы, т.е. со второй половины марта и примерно до середины апреля, они по мере возможности помогали войскам в создании фортификационных сооружений, а затем большая их часть была занята посевной. Кроме того, значительная часть мирного населения привлекалась для оборонных работ на армейских полосах в конце мая и в июне, до начала уборочной. Первым официальным документом, на основании которого жители Курской области направлялись для возведения полевой обороны Центрального фронта, стало постановление его Военного совета №0041/оп от 26 марта, в котором говорилось: «В целях большей оперативности и быстрее выполнения задания Военного совета по оборонительному строительству в полосе Центрального фронта, как в данный момент, так и в дальнейшем, Военный совет постановил:

1. *Обязать Курский облисполком сформировать до 1 апреля 1943 г. четыре рабочих колонны – каждая 1000 человек из состава призванных старших возрастов /решение Курского облисполкома от 20 марта 1943 г. за №70/ и передать их 34-му Управлению оборонстроя не позже 4 апреля 1943 г.*

2. *Курскому облисполкому за счет фондов области обеспечить для всех четырех колонн организацию питания по нормам Наркомторга через Облпотребсоюз и Сельпо, а также общежитие до 25 апреля 1943 г., после чего личный состав колонн переходит на все виды довольствия 34-му Управлению оборонстроя.*

3. *Начальнику 34-го Управления оборонстроя полковнику Понимаши в помощь Курскому облисполкому на период формирования и в дальнейшем закрепить постоянные кадры командного состава за колоннами»²¹⁴.*

Увеличение численности мирного населения, работавшего на позициях войск, шло по нарастающей. Так, в апреле на рубежах Центрального и Воронежского фронтов трудилось 105 000 курян, а в мае уже почти 300 000. Кроме того, более 10 000 жителей Курщины помогали войскам Степного округа и Юго-Западного фронта, а более 82 000 орловчан – Центральному фронту и Степному округу. Свой вклад в общее дело вносили воронежцы и харьковчане. Хотя основная часть Харьковской области по-прежнему была оккупирована, тем не менее 32 000 жителей Украины, освобожденные зимой 1943 г., были привлечены для фортификационных работ в районе Курского выступа. Гражданские строители и население были сосредоточены лишь на тыловой армейской полосе. Как уже упоминалось выше, все мирные жители должны

²¹³ ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 5. Л. 99.

²¹⁴ ЦАМО РФ. Ф.62. Оп. 321. Д. 5. Л. 97, 98.

были отселяться за вторую армейскую полосу, поэтому их разрешалось использовать только в тылу.

В этой связи хочу остановиться на вопросе, который считаю важным, и высказать свою точку зрения, опираясь на данные, собранные в архивах. Мне не раз приходилось слышать от исследователей, сотрудников музеев и зарубежных историков утверждение о том, что при возведении обороны под Курском советская сторона активно использовала не только войска действующей армии и местное население, но также военнопленных и даже заключённых. В качестве доказательств приводился такой факт: якобы для фортификационного укрепления тылового рубежа (или первого фронтового) войск Центрального фронта были специально созданы два лагеря заключённых и именно они, а не мирное население Курщины, рыли окопы, хода сообщения и блиндажи. Действительно, в то время в Советском Союзе широко использовался труд как заключённых, так и военнопленных, в том числе и при обеспечении работы военной промышленности и строительстве военных объектов. Поэтому, возможно, так оно и было. Однако по теме Курской битвы мне довелось достаточно долго работать в различных архивах, и пока я не встречал документов, которые эти предположения напрямую или косвенно подтверждали бы. Наоборот, обнаруженные источники свидетельствуют о том, что советское командование на уровне армии и фронта требовало не привлекать военнопленных для возведения армейских полос обороны, в частности Воронежского фронта, и даже не использовать в войсках в качестве подсобной рабочей силы, как это широко практиковалось в вермахте (хиви). Для примера приведу цитату из приказа командующего 7 гв. А от 19 апреля 1943 г.: *«Сего числа в 8.00 утра грузовая машина иностранной марки, принадлежащая 662 роте ВНОС; ведомая шофером из военнопленных немцев, вследствие неисправности скатилась задним ходом с горы в районе моего блиндажа²¹⁵, налетела на военнопленного и сержанта роты охраны, нанеся последнему ранение. Старшим в машине был помощник командира роты по матчасти ст. лейтенант Борисов. Подобный случай мог произойти только благодаря исключительной расхлябанности в роте, т.к. проезд в район КП запрещён. Выезд на неисправной автомашине в части, где соблюдаются требования эксплуатации машины, тоже невозможен. Кроме того, содержание в роте и допуск к работе военнопленного шофера-немца является грубым нарушением моего приказа, так как все пленные подлежат немедленной отправке в лагерь военнопленных. Это нарушение приказа показывает в то же время полное отсутствие бдительности в 622 роте ВНОС. Приказываю:*

1. Всем войсковым соединениям и частям, где ещё почему-либо находятся военнопленные, немедленно отправить их под конвоем в лагерь военнопленных и впредь в частях их не задерживать и к работе не привлекать»²¹⁶.

Далее в документе выносился выговор заместителю командующего артиллерией по ПВО подполковнику Сергееву, а командира 622-й роты ВНОС капитана Хоменко, зам. командира роты по политчасти лейтенанта Амусова и помощника командира роты ст. лейтенанта Борисова приказано арестовать на 5 суток и удержать 50% зарплаты за этот период. Приказ подлежал объявлению всему командному составу до командира роты включительно и явно был рассчитан для внутреннего пользования, так как его разослали для исполнения в войска (приведённый экземпляр обнаружен в фонде 290 мп). Поэтому оснований не верить в искренность командарма, требовавшего немедленной отправки военнопленных в лагерь, сомневаться не приходится.

Кроме того, Ставка распорядилась подготовить к круговой обороне все города, крупные сёла и станции в Курском выступе. В этой работе широко использовался положительный опыт,

²¹⁵ С марта по середину апреля 1943 г. штаб армии располагался в д. Протопопова, а затем, после 15 апреля, перешёл в блиндажи, подготовленные в лесном массиве между поселками Красная Заря и Терновка («На белгородском направлении. Воспоминания участников боев». Белгород: Белгородское книжное издательство, 1963. С. 95).

²¹⁶ ЦАМО РФ. Ф.290 мп. Оп.20928с. Д.4. Л.199.

полученный в обороне Ленинграда. В течение 1942 г. специальная комиссия Генштаба проверяла оборону блокадного города. Собранные данные были обобщены в директиве Ставки от 14 октября 1942 г., в которой констатировалось, что крупные населённые пункты, предварительно приспособленные к ведению круговой обороны, могут остановить продвижение значительных сил врага, а войска, удерживающие их, вести боевые действия в полном окружении длительное время. На основе этого документа в начале мая 1943 г. была проведена проверка укрепления Курска. Она показала, что для его удержания возводимая в нем система по принципу полевых рубежей не годится. Поэтому Генштаб потребовал использовать опыт, накопленный при защите невиской твердыни, укреплять Курск по принципу города-крепости, т.е. создать необходимые условия для ведения упорных и продолжительных боевых действий в самом городе, в условиях его полной изоляции.

13 мая Военный совет Центрального фронта утвердил начертание переднего края, группировку батальонных узлов обороны и систему огня на полевых рубежах в районе Курска (внешний обвод) и в самом городе²¹⁷. Кроме уже возведённого вокруг него внешнего обвода (наиболее важный его участок проходил по линии Детдом, северная окраина Казацкой Слободы, выс. 255.2, Моква 1, р. Сейм, южная окраина Курска), город был поделён на 16 БУО, которые состояли из ротных опорных пунктов. БУО между собой предстояло разделить противотанковыми рвами, а для связи между ними подготовить скрытые хода сообщения. Все улицы предполагалось перекрыть баррикадами, усиленными противотанковыми «ежами», а угловые здания приспособить под ДОТы. В 12 БУО планировалось пробурить артезианские скважины (на случай выхода из строя городского водопровода), оборудовать 900 ДЗОТов и 130 артиллерийских ДОТов. Для проведения столь масштабной работы выделялось восемь рабочих колонн 34 УСО и предполагалось привлечь от 15 000 до 20 000 горожан. Несколько опережая события, замечу, что до середины июля этот план (с учётом корректировок) в основном был реализован.

К концу апреля в армиях Галанина, Пухова и Романенко мероприятия по перегруппировке сил, уточнению полос обороны и установлению окончательных разграничений были в основном завершены. И их войска приступили ко второму, главному, этапу фортификационных работ на своих рубежах, который продлится до начала июня.

В Красной Армии началом организации обороны воинского формирования считался момент, когда его командир получал приказ на переход к обороне. Под организацией понималась система мер, которая включала в себя: уяснение приказа вышестоящего командования, принятие командиром решения на оборону, постановку задач своим соединениям и частям, а также силам, приданным на усиление, организацию управления и налаживание взаимодействия, инженерное оборудование занимаемой войсками территории, выстраивание системы огня, а также политико-воспитательную работу среди личного состава. Параллельно вырабатывался комплекс мер по контролю за выполнением решений командира (приказов, распоряжений) и помощи подчиненным в его реализации. Система контроля являлась неотъемлемой и важной частью понятия «организация обороны».

Первым шагом командира после завершения боя (боёв) должны были стать меры по закреплению захваченной территории и постановка ближайших задач войскам. И лишь затем, после получения и уяснения приказа на оборону, он приступал к его реализации. Поэтому во всех армиях и Центрального, и Воронежского фронтов основное строительство на оборонительном рубеже началось именно с тщательного изучения местности и постановки задач. Сразу после принятия Москвой принципиального решения о временном переходе к преднамеренной обороне по всей Курской дуге их Военный совет поставил войскам главную задачу: при нанесении противником удара измотать его силы на подготовленных позициях и не допустить прорыва через обе армейские полосы, в первую очередь на флангах.

²¹⁷ ЦАМО РФ. Ф.62. Оп.321. Д.6. Л.260.

Ключевым моментом при организации системы обороны являлось принятие решения собственно командующим армией. Его основу составлял замысел действия, определявший:

- последовательность нанесения удара по противнику имевшимися огневыми средствами на направлениях, где враг вероятнее всего может перейти в наступление;
- районы (участки) местности, которые напрямую влияли на устойчивость всей системы обороны;
- построение рубежа обороны с учётом рельефа местности;
- характер манёвра силами.

Согласно принятому в 1942 г. новому боевому уставу пехоты (БУП-1942), устойчивость обороны и длительность сопротивления войск на определённых позициях, прежде всего зависела от того, насколько надёжно укреплены наиболее важные (проходимые) участки местности, населённые пункты на них и даже отдельные строения или сооружения (дома, ангары, разьезды и т.д.). В документе отмечалось, что лишь создав в них сильные опорные пункты и узлы сопротивления, усиленные минными полями, можно рассчитывать на успех. Контроль над этими участками позволял перекрыть путь противнику в глубь позиций частей или соединения, а в случае вклинения лишить его возможности манёвра и одновременно помочь командованию оборонявшихся войск опираться на них, огнём и контратаками (или контрударами) восстановить утраченное положение. А при отсутствии сил для активных действий – блокировать дальнейшее распространение врага в глубь боевого порядка. Для укрепления участков, определённых как ключевые, следовало выделить основные силы личного состава, огневых и инженерных средств. Определением значимости этих районов и участков должны были заниматься лично командиры полков, дивизий, корпусов и даже командармы. Лишь после тщательного изучения местности по карте, проведения командирской рекогносцировки участка и утверждения принятых решений вышестоящим командованием допускалось развертывание масштабных фортификационных работ. Подобный подход помогал свести к минимуму возможность ошибки и более рациональному расходованию сил частей и подразделений при проведении тяжелых земельных работ. Хотя, конечно, на практике в войсках нередко наблюдались отклонения от этой схемы, что приводило прежде всего к просчётам в определении мест для «посадки» долговременных огневых точек и системы огня.

70А, с момента перехода к обороне, на фронте занимала центральное положение (слева развернулись 65 и 60А, справа – 13 и 48А), прикрывая важное кромско-курское операционное направление. После определения наиболее вероятного места главного удара противника первым шагом К.К. Рокоссовского стала перенарезка разгранлиний между 13 и 70А и увеличение полосы обороны последней за счёт уменьшения рубежа ответственности соседа. К 25 апреля она получила ту полосу и основной боевой состав, которые будет иметь в ходе Курской битвы. Из частного боевого распоряжения командующего Центральным фронтом № 00166/оп от 23.00 20 апреля: *«С 24.00 20 апреля 1943 г. 28-й стрелковый корпус в составе: 211 сд, 280 сд и 132 сд с его боевым участком и задачами передаётся из состава 13А в состав 70А. С этого времени установить разгранлинию между 13 и 70А: до с. Вozy – прежняя, далее: Самодуровка, Гнилец, Воронеж, Заречье, р. Ока до устья р. Ицка. Все пункты, кроме ст. Вozy, Самодуровка, Гнилец, включить для 70А. Ответственность за обеспечение стыков между 13 и 70А возлагая на командующего 13А.*

Командующему 70А к 25 апреля 1943 г. перестроить боевые порядки армии, имея в первом эшелоне четыре стрелковых дивизии; основные танковые и артиллерийские средства усиления. И во втором эшелоне четыре стрелковых дивизии, из них три стрелковых дивизии за правым флангом армии в районе Красавка, Никольское, Чермошное, Кальчевский Ясенки, Петроселки и одну дивизию в районе Коровки, Гремяче, Поссерново, Моховое.

Основной КП с 25 апреля 1943 г. перевести в район Редогонь, ВПУ – в район Курбаткино»²¹⁸.

Вместе с этим приказом командование армии получило и скорректированную боевую задачу: удерживать рубеж с передним краем: выс.204.1, северная опушка леса севернее Болотный, Рудово, Котомки, Шепелёвка, Верх. Гранкино, Ильинско-Нагорный, Чернь, Золотое дно, роща восточнее Новая Ялта, лощина юго-восточнее выс.260.2, Хальзево, выс.258.4, Трофимовка, Ферезево, /иск/Брянцево. Граница армии справа (с 13А): /иск/ст.Возы, /иск./Самодуровка СС, /иск./Гнилец, Воронеж, Заречье, р. Ока, до устья р.??, слева (с 65А): Шмарное, /иск./ Нижн. Ждановка, /иск. /Михайловка, /иск./Разветье, /иск./ Брянцево, /иск./Лукинино.

Причина перегруппировки была следующей. Решив, что главный удар немцы нанесут по 13А, руководство фронта озаботилось в первую очередь её усилением, а также созданием прочной обороны главных танкоопасных направлений на участке всех трех армий, в том числе, естественно, и в полосе войск Галанина. По мнению К.К. Рокоссовского, приведённый выше приказ решал сразу две важные задачи: сокращал почти в половину полосу армии Пухова и серьёзно усиливал войска Галанина. Действительно, для 13А важность значения этого решения очевидна, что касается 70А, то и для неё оно сыграло положительную роль. Масштабная проверка, проведённая в начале апреля, показала: уровень боеспособности всех её соединений был, мягко говоря, невысок, а штаб вообще не имеет опыта ведения крупной оборонительной операции. Поэтому К.К. Рокоссовский решил усилить армию, передав в её состав 20 апреля три обстрелянных дивизии – 132, 211 и 280-ю, объединив их под командование 28 ск. Они занимали оборону на правом фланге, прикрывая главный танкоопасный участок – района шоссе Орёл – Кромы – Курск. И.В. Галанин также принял меры для усиления своего правого крыла силами армии. Участок к востоку от р. Белый Немедь, имевший протяженность 24 км²¹⁹, теперь удерживался сразу пятью стрелковыми, одной артиллерийской и одной зенитной дивизиями, а также двумя танковыми полками.

Как известно, границы между соединениями и объединениями это самый слабый участок в построении обороны любой армии. Поэтому противоборствующие стороны всегда с большим вниманием относятся к ним и стараются, во-первых, как можно точнее определить разгранлинию в войсках неприятеля, во-вторых, укрепить свои стыки и при этом скрыть их от врага. Однако в отношении армии Галанина изначально командование фронта допустило ряд ошибок. Так, разграничительная линия 70А с соседями и границы внутри её между дивизиями были выбраны неудачно. Стык с 13А проходил по выс.218.3 и далее на север по реке Ока. В этом районе на стороне врага располагались естественные маски – большие сады у с. Верхнее Тагино (свх. «Садовод»), а также много заросших деревьями оврагов, которые немцы могли использовать (и использовали) для маскировки сосредоточения значительных сил, в том числе и техники. Стык между 280 и 211 сд 28 ск проходил в 1 км от основного танкоопасного направления шоссе Орёл – Курск. По обе стороны стыка в руках немцев находились две командные высоты, 257.0 и 254.5, а между ними – роща и залесённый овраг. Таким образом, холмы обеспечивали хорошее наблюдение и обстрел обороны армии, а роща и балка маскировали подвод сил врага из с.Соковинки. Те же просчёты были допущены и на левом крыле армии. Большие рощи на территории занятой противником находились на границе с 65А и на стыках её 106 и 102 сд (в районе сел Щерподье и Лаврово). А стык между 106 и 211 сд проходил по естественной границе – реке Белый Немедь, что позволяло немцам без особого труда определить разгранлинию между этими соединениями.

²¹⁸ ЦАМО РФ. Ф.62. Оп.321. Д. 5. Л. 132, 133.

²¹⁹ С 5 мая 1943 г., за счет принятия от 13А рубежа: /иск. / 218.3, выс.232.0, роща 1 км восточнее Пробуждения он был увеличен до 30. Полоса армии за апрель-июнь увеличивалась за счёт рубежа 13А дважды.

Установление границ – это прерогатива командования фронта. Почему его штаб, обладавший достаточно большим опытом ведения оборонительных операций, столь невнимательно отнёсся к этому вопросу, пока не ясно. Хотя, судя по отчету армии, для её командования эта проблема была очевидна. Несколько опережая события, отмечу, что при планировании обороны войск Галанина подчинёнными генерал-лейтенанта М.С. Малинина, вероятно, из-за слепого следования в фарватере ошибочного решения Военного совета о наиболее вероятном направлении главного удара немцев в полосе 13 и 48А, был допущен и ещё ряд существенных просчётов. В этой связи уместно напомнить, как разительно отличался подход руководства Воронежского фронта к решению подобных проблем. Н.Ф. Ватутин крайне щепетильно и тщательно проработал эти вопросы. Лично размечая границы армий первого эшелона, он не просто учитывал все особенности местности, но и мастерски использовал естественные препятствия для усиления стыков армий. Наглядным примером может служить граница 6 гв. и 7 гв. А, которая была проведена по труднопроходимой местности у слияния Липового и Северского Донца. И хотя это было направление главного удара ГА «Юг», её войска так и не смогли преодолеть этот участок и будут вынуждены обойти его. Лишь на пятые сутки наступления угрозой окружения противник заставит отойти из этого района части 375 сд 6 гв. А и 81 гв.сд 7 гв. А. Как мы увидим ниже, ситуация в первый день Курской битвы на стыке 70 и 13А будет складываться трагически. И в немалой степени этому будет способствовать, в том числе, неудачная нарезка армейских полос.

Согласно плану обороны, рубеж 70А должен был состоять из:

- а) главной полосы, глубина которой колебалась до 3-6 км;
- б) второй, проходящей на расстоянии 6-11 км от переднего края главной полосы;
- в) тыловой армейской полосы, располагавшейся в 13-19 км от переднего края второй полосы;

г) «тенд-депона»²²⁰, который возводился на расстоянии 37-39 км от переднего края главной полосы в районе г.Фатеж.

К началу Курской битвы:

– главная полоса проходила по линии: выс.218.0, роща восточнее Пробуждения, Рудово, Котомки, Шепелёвка, Верх. Гранкино, Новый свет, безымянная высота 800 м западнее выс.256.5, Хальзево, Трофимовка, Ферезево, /иск/Брянцево, и состояла из 43 БРО и 12 РОП, которые занимали 132, 280, 211, 106 и 102 сд;

– вторая полоса пролежала по линии: выс.228.9, выс.250.2, выс.246.8, выс.228.4, Чермошное, Южн. Турьи, Студенок, Городное, Коровино, Волково, Ивановский, Опека, Горки, и состояла из 32 БРО, которые заняли части 175, 140 и 162 сд (второй эшелон армии).

– тыловой рубеж был выстроен из 14 БРО по южному берегу р. Свапа и не был занят войсками.

Предполья практически не было, окопы дивизии первого эшелона 70А находились на минимальном расстоянии от противника. Лишь на некоторых участках передний край был прикрыт постами боевого охранения. Перед главной полосой, внутри неё, на стыках и перед второй полосой предусматривалось создание участков заграждения. Максимально возможную их плотность планировалось создать на правом крыле, от шоссе на восток до стыка с 13А. Позиции западнее р.Белый Немед предполагалось прикрыть слабее.

Как отмечалось выше, уже во второй половине апреля Генеральный штаб потребовал, чтобы вся оборона под Курском строилась в первую очередь как противотанковая, организовывалась на всю армейскую глубину и, особенно надёжно, в системе главной полосы. Её основу должны были составить огонь артиллерии и танков, заграждения и естественные препятствия (увязанные с системой огня), своевременный манёвр артиллерийско-противотанковыми и тан-

²²⁰ Предмостные укрепления перед г. Фатеж.

ковыми резервами и подвижными отрядами заграждений, система наблюдения и оповещения. Оборонительные полосы во всех армиях состояли из батальонных районов обороны, каждый из которых в свою очередь делился на три ротных опорных пункта. Кроме того, в состав БРО входили противотанковые опорные пункты, которые должны были усилить оборону на танкоопасных участках местности. По расчётам штаба 70А, для успешного ведения оборонительных боёв в каждом БРО было необходимо оборудовать минимум:

- артиллерийских позиций – 10;
- миномётных позиций – 10;
- окопов для позиций расчётов ПТР – 24;
- пулемётных точек – 24;
- стрелковых окопов – 36;
- командно-наблюдательных пунктов – 4;
- убежищ и землянок – 18;
- противотанковых препятствий всех видов – 2 км;
- противопехотных препятствий всех видов – 3 км;
- ходов сообщения – 4 км.

Основу инженерных заграждений составили минно-взрывные, тесно увязанные с системой огня всех видов и естественными преградами. Однако с конца марта и почти весь апрель 70А и приданные ей сапёрные подразделения были вынуждены заниматься лишь земельными работами, да и то крайне ограниченно. С учётом погодных условий и состояния грунта готовились стрелковые окопы, траншеи, землянки и различные противотанковые и противопехотные препятствия. Минирование велось, но в небольших объёмах, лишь на стыках дивизий и на правом крыле армии, в районе шоссе. Крупномасштабные работы по созданию минных заграждений во всей полосе армии развернулись лишь с середины мая, со сплошного минирования на главной полосе, а на второй и тыловой – лишь с 20-х чисел месяца. Кстати, немецкая разведка, не понимая до конца проблем советской стороны, расценивала отсутствие до этого времени глубоких минных полей в армиях Центрального фронта как один из важных показателей того, что они готовятся не к обороне, а к наступлению.

Тем не менее, несмотря на столь существенную задержку, в армии Галанина план фортификационных мероприятий до начала Курской битвы был выполнен почти полностью. При этом была проведена колоссальная работа, только земли вынуто почти 3,5 млн кубов. Учитывая, что перед главной полосой существенных природных препятствий не было, сплошное минирование пришлось провести на всей местности перед первой траншеей и возвести ряд искусственных препятствий. В общей сложности было оборудовано 178 противотанковых и 119 противопехотных минных полей (в несколько рядов) протяженностью соответственно 77 100 и 81 195 м, в которых находилось 89 143 различных минно-взрывных устройств. *«Усилия были сосредоточены не только по направлению фронта, но и в глубину на этих же направлениях,, – отмечается в отчёта штаба 70 А. – Для этого было создано достаточное количество рубежей, идущих от переднего края в глубину... В нашей обороне заранее предусматривались районы, где противник должен быть задержан и где будет ему дан решительный бой (Верх. Тагино – шоссе Курск-Орёл). Здесь оборона была рассчитана на то, чтобы можно было наращивать свои усилия и свести на нет то численное превосходство неприятеля, которое он будет иметь в первый момент боя. Оборона была рассчитана на то, чтобы долгие затянуть борьбу на переднем крае, с целью лишить противника его преимущества во внезапности нападения и вывести свои силы (резервы) в районы, предусмотренные планом».*

Минно-взрывные заграждения, не без основания, считались важнейшим элементом системы обороны. К началу Курской битвы особенно много их будет установлено в полосах 6 гв. А Воронежского и 13А Центрального фронтов. Для производства инженерно-минных работ Ставка выделила фронтам под Курском по две бригады, в том числе по одной специаль-

ного назначения: К.К. Рокоссовскому направлялась 1-я гвардейская полковника И.Ф. Йоффе, а Н.Ф. Ватутину – 42-я полковника В.П. Краснова, которые имели и большой опыт подобной работы, и новинки специальной техники. Соединение Йоффе особо отличилось в Сталинградской битве, стало гвардейским, а подчиненные Краснова проявили высокое мастерство в ходе обороны Харькова в феврале – марте 1943 г.

Местность от переднего края второй полосы до переднего края третьей 70А была специально выделена для усиленного минирования подразделениями 1 гв.ойбр с/н, которая со второй половины мая была разделена в между 13 и 70А. Н.П. Пухов получил три батальона инженерного заграждения, а И.В. Галанин – два. Им предстояло провести рекогносцировку местности, определить виды, систему и объем заграждений, наметить основные маршруты для действия подвижных отрядов заграждения в случае начала боёв. После завершения этой работы им предстояло немедленно приступить к укреплению местности:

6 гв. биз в границах по фронту – Красная Заря, Турейка, Рудово, Разновилье; граница справа: Красная Заря/иск/Подольный, иск. Бобрик, Самодуровка; слева: иск. Разновилье/иск/Чермошное до р. Свапа. Основным направлением для действия ПОЗ – шоссе Орел-Курск и стык армий.

4 гв. биз в границах: по фронту – Лепелево, Ниж. Гранкина, Чернь, Плоское., Опойково, Брянцево; граница справа – граница 6 гв. биз; граница слева – иск. Брянцево, /иск/ Разветье.

Ещё два батальона этой бригады – 3 и 7 гв.биз – были направлены на фронтовой рубеж. Они получили задачу создать зону оперативных заграждений фронта и одновременно стали резервом комбрига, а оставшийся 8 гв. батальон спецминирования был выделен для действия в полосе всего фронта.

Заместитель командира 1 гв. ойбр, в ту пору подполковник, В.К. Харченко вспоминал: *«Вскоре после прибытия к новому месту дислокации командира бригады и меня вызвали в посёлок Свобода, под Курском, к начальнику инженерных войск Центрального фронта генералу Прошлякову. Алексей Иванович развернул топографическую карту, исчерченную разноцветными карандашами:*

– Главный удар врага ожидается в полосе обороны 13 и 70 свм А. Бригаде поручается создать в этой полосе, а также во фронтовой зоне систему минно-взрывных заграждений. Предусматривается установка электризуемых препятствий и минирование средствами специальной техники наиболее важных объектов. Подготовьте свои предложения и доложите мне через два дня.

Ехать с докладом к генералу А. И. Прошлякову пришлось мне, так как Михаил Фадеевич сильно простудился. За два дня мы подготовили карты заграждений; расчёты и таблицы. Все эти документы, на мой взгляд, были довольно убедительны.

Разложив на столе документы, доложил, как планируются действия бригады по устройству заграждений. Прошляков, как всегда, слушал внимательно, не перебивая. Когда я закончил, он заинтересовался:

– У вас всё?

По тону вопроса я понял, что генерал не удовлетворен докладом. Он попросил показать на карте места установки минных полей, заинтересовался, откуда будут туда доставляться мины и какими средствами. Алексей Иванович потребовал назвать ответственных за эту операцию лиц, дать им характеристику. Прошлякова волновали вопросы, кто и какими средствами должен передать приказ на установку мин и в каком направлении должны отходить сапёры в случае прорыва противника?

Уже по заданным генералом вопросам стало ясно, что нам предстоит дорабатывать план, предстоит учесть буквально все так называемые мелочи, пренебрежение которыми во фронтовой обстановке может дорого обойтись. Понял я и другое – генерал даёт понять о недостатках плана в максимально корректной форме.

– Подготовлены ли оперативные группы? – поинтересовался Прошляков.

Я ответил утвердительно. В конце нашей беседы Алексей Иванович ещё раз напомнил:

– Для успешного действия подвижных групп заграждений тщательно отрекогносцируйте местность, наметьте рубежи минирования, пути движения к ним, заранее устройте склады мин»²²¹.

Следует отметить, что бригада быстро и точно выполнила приказ командования. В результате оперативно проведённой рекогносцировки была составлена схема заграждений и в полосе обеих армий, и на фронтовом рубеже, которая также была согласована с комендантами укрепрайонов, расположенных на фронтовых полосах и с руководством 34 УОС. В этом документе перед бригадой ставились следующие задачи:

1. Прикрыть заграждениями танкоопасные направления, начиная от второй армейской полосы (включая её и третью полосу), а также создать промежуточные минные рубежи между полосами. При этом, естественно, учитывалась общая система построения фортификационных сооружений, противотанковых препятствий и система огня.

2. Минировать основные танкоопасные направления: шоссе Орел-Курск, местность вдоль шоссе Орел-Курск, все опасные «коридоры» в направлении Мало-Архангельск – Золотухино – Косоржа, Дросково-Колпна, Дросково-Ливны.

3. Создать предмостные укрепления г. Фатеж («тенд-депон»).

4. Создать в предполье узлы сопротивления вокруг командных высот.

5. Минировать дороги. Причём увязать управляемые минные поля с простыми отсечными полями, жёстко соединить управляемое поле с танконепроходимыми местами (балками, поймами т.д.) для исключения объезда минированных участков.

6. Минировать все мосты и дамбы.

7. Минировать лесные массивы.

8. Установить на дорогах, мостах и объектах (особенно инфраструктуры) мины замедленного действия.

Комбриг М.Ф. Йоффе решил выполнить задание в две очереди. Сначала установить заграждения управляемыми средствами, МЗД и осуществить минирование мостов по 2-й степени готовности (установка мин без взрывателей). И лишь затем планировалось подготовить поля с неуправляемыми средствами по третьей степени, т.е. без закладки в лунки. Такое минирование проводилось только в глубине обороны, поля размечались, копались и маскировались лунки, составлялись формуляры, а заряды (мины, фугасы) и взрыватели складировались рядом. Отделению минеров для приведения такого поля (длиной 60-100 м) в боевую готовность требовалось около часа.

После завершения этих двух этапов предполагалось провести изучение маршрутов движения ПОЗ и местности для создания складов для них²²². Параллельно с разработкой документации шло детальное изучение местности в полосе обеих армий, после её завершения штабы бригад были вынуждены несколько скорректировать своё решение и основные усилия направить на:

а. укрепление всего переднего края обороны войск сплошным минированием противотанковыми и противопехотными средствами;

б. минирование по 2-й и 3-й степени готовности основных танкоопасных направлений, объектов и сооружений с содержанием на них команд минёров и необходимой материальной части;

в. минирование лесных массивов в полосе 70А и её стыка с 13А;

²²¹ Харченко В. К. ...Специального назначения. М.: Воениздат, 1973. С. 88, 89.

²²² ЦАМО РФ. Ф.30300. Оп.1. Д.20. Л.4обр.

г. заблаговременное минирование управляемыми средствами шоссе Курск-Орёл от выс. 248,3 до выс. 212,5, а также заминировать искусственные сооружения и установить на них мины замедленного действия по второй степени готовности;

д. тщательное изучение местности на танкоопасных направлениях, определить места установки минно-подрывных заграждений, организацию полевых складов для выполнения минирования при прорыве противника в армейскую глубину, непосредственно ПОЗ в ходе боя.

3 и 7 гв. биз получили задачу: провести рекогносцировку местности для устройства второй и третьей полос оперативных заграждений фронта, в предполье – на глубину 15 км и перед передним краем рубежей на глубину 5 км в границах:

а) Рубеж «О» – справа: Ольховатка – Красный Октябрь; слева: ст. Бузец – Фатеж.

б) Рубеж «А» – справа: Дросково – Ниж. Жерновец, слева – Канаева-Служня.

в) Рубеж «Л» – справа: Пересуха – Знаменская – Евланово; слева: Свобода – Никольское – Нов. Савинцы²²³.

Самая высокая плотность минно-взрывных заграждений в 70А бригадой и её войсками создавалась на правом фланге. Здесь, на участке 30 км, который занимал 28 ск, готовились 87 противотанковых, 54 противопехотных и 10 смешанных полей общей емкостью 48 875 ПТМ и ППМ. В результате на один погонный километр приходилось в среднем соответственно 806 и 823 мины. Показатель для того времени весьма высокий. Кроме того, при подготовке обороны армии к битве её командование уделяло существенное внимание и другим инженерным заграждениям, в том числе и на правом крыле. Согласно документам штаба, к началу июля во всей её полосе было подготовлено 30 471 м противотанковых и 22 935 противопехотных препятствий, а также построено 6 плотин, с помощью которых было заболочено в общей сложности 2400 м местности. Впервые в значительных масштабах этот приём в обороне был применён Красной Армией ещё осенью 1941 г. под Москвой. Тогда с Московского моря был сброшен большой массив воды, в результате чего немецкие танки не смогли прорваться через Завидовский залив у Конаково²²⁴. Однако в дальнейшем способ этот, в силу своей специфики, широкого распространения в действующей армии не получил. О нём вспомнили лишь весной 1943 г., когда Генштаб перед Курской битвой проводил обобщение всего успешного опыта построения полевой обороны за два года войны. Для усложнения прорыва рубежей бронетехникой гидротехнические сооружения планировали использовать и на Воронежском фронте. В частности, недавно рассекреченные документы, хранящиеся в ЦАМО РФ, свидетельствуют, что для перекрытия танкопроходимой местности проводили заболачивание участков в полосе его фланговых армий 38-й и 7-й гвардейской. Однако был ли реализован этот замысел в полном объёме и каков оказался его эффект, пока установить не удалось. На главном направлении, где заняла оборону 6 гв. А, возможности провести такое мероприятие не было. Но как показали боевые действия 5 июля 1943 г. в районе с. Черкасское, 67 гв.сд, используя лишь одну небольшую заболоченную балку прикрыв её минно-взрывными и огневыми средствами, смогла почти на целые сутки удержать даже очень сильную танковую группировку (основные силы мд «Великая Германия» и приданную ей бригаду «пантер») и тем самым сорвать план неприятеля по стремительному рывку в глубь обороны 6 гв. А.

В течение весенней паузы по всему фронту Курской дуги проводился не только отвод части сил дивизий первого эшелона в тылу для проведения занятий и отдыха, но и полная смена войск первого эшелона. Поэтому в подготовке главной и второй полос поочередно принимали участие практически все соединения. При этом помимо распутицы на скорость и качество возводимой обороны в каждой армии влияли свои специфические факторы. В частно-

²²³ ЦАМО РФ. Ф.30300. Оп.1. Д.20. Л.4

²²⁴ Корищников Э.Л., Рунасов А. И. «При строительстве противотанковых препятствий учитывать мелкие водные преграды...»//Военно-исторический журнал./2013. №9. С.3.

сти, в 70А таким фактором явилось местность, где она была развернута. *«Основной базой всей нашей группировки (фронта. – З.В.) была ст.Курск, – отмечается в отчете её штаба. – Это положение во многом стесняло нормальную организацию устройства оперативного тыла армий, расположенных в Курском выступе, что, конечно, отражалось и на коммуникациях 70 А. Единственной питающей армию магистралью было кромско-курское шоссе. Остальные дороги в весеннюю распутицу для движения были непригодными. Это требовало укомплектования частей подвоза и вообще подвижных средств армии машинами высокой проходимости. Поэтому тыловые учреждения требовалось располагать вдоль шоссе. Близкое расположение базы к шоссе и резко выраженная пригодность шоссе к перевозкам были причиной постоянного воздействия немецкой авиации по ним»*²²⁵.

Тем не менее к началу июля 70А была возведена сильная, современная система полевой обороны, в которой своей особой прочностью выделялся её правый фланг, где на один погонный километр приходилось 1016 м противотанковых и 764 противопехотных препятствий всех видов. Существенно слабее было укреплено левое крыло. Хотя находившиеся здесь 106 и 102 сд так же вели большую работу, проявляя при этом изобретательность и высокое профессиональное мастерство. На погонный километр их обороны приходилось в среднем 383 ПТМ и 580 ППМ, а всего ими было возведено 1008 м противопехотных и 848 противотанковых препятствий. И тем не менее этого оказалось недостаточно, чтобы восполнить отсутствие штатных подрывных средств, поэтому эти дивизии значительно больше их соседей для минирования применяли трофейные артиллерийские боеприпасы, готовились различного рода сюрпризы, ловушки, более широко использовалось усиление («фугасирование») препятствий гранатами Р-2-400Ф (натяжного действия). Большое распространение в их частях нашли рогатки из сучьев как противопехотных заграждения. Например, только в 102 сд было выставлено 7750 гранат и 6370 рогаток.

Командование войск 9А пристально следило за приготовлениями советской стороны. Наблюдатели на переднем крае круглосуточно изучали всё, что происходило в расположении на противоположной стороне и при любой возможности открывали плотный огонь по местам скопления личного состава и техники или по району, где велись оборонительные работы. Поэтому, например, минирование в батальонах первой линии проводилось исключительно в ночное время. Это очень сложный и крайне выматывающий труд. В работе минера всегда была угроза подрыва из-за собственной ошибки или некачественного боеприпаса, а в ночное время она возрастала в разы.

По возможности скрытно, в сумерках, старались вести на переднем крае и земляные работы, при этом всё, что возводилось перед рассветом, должно было маскироваться. Однако не всегда и не во всех подразделениях делалось это тщательно. Кроме того, дёрн, снятый при установке мин и фугасов, сох, из-за этого заминированные участки постепенно начинали выделяться на общем фоне. Враг это замечал и пытался использовать такие места для создания безопасных «коридоров» для своей разведки, но нередко допускал оплошность, которым пользовалась уже советская сторона. Так, в начале июня на одном из участков 102 сд группа инженерной разведки противника обнаружила минное поле, но при отходе забыла на нём шуп и несколько предметов амуниции. Боевое охранение дивизии отметило пребывание «гостей» и предположило, что немцы придут на следующий день для разминирования и за забытыми вещами. Для подготовки достойной встречи командование дивизии оперативно выслало взвод 10-го сапёрного батальона, который дополнительно установил в этом районе несколько рядов мин натяжного действия. Расчёт оказался точным, и утром на оставленных «сюрпризах» подо-

²²⁵ Курский краеведческий музей. Фонд «Музея Курской битвы». Коробка № 5. «Отчёт штаба 70А о боевых действиях в Курской битве». Л.25.

рвались два немецких сапёра и офицер²²⁶. Это лишь один из десятков примеров не только ответственного отношения к службе, но и солдатской смекалки, мастерства воинов 70А, которыми были наполнены те дни. Хотя следует признать, что в это время и в войсках Галанина первого эшелона допускалось немало просчётов, ошибок, да и просто откровенного головотяпства. Вот лишь один пример из директивы начальника Генерального штаба Красной Армии Маршала Советского Союза А.М. Василевского № 12456 от 25 мая 1943 г.: *«В 106 сд... целые подразделения уходят с переднего края в тыл на завтрак, обед и ужин, оставляя только наблюдателей, а иногда и вовсе бросают окопы. В результате 13 мая 1943 г. группа немцев беспрепятственно проникла в оборону, захватила два пулемета и безнаказанно ушла обратно»*²²⁷.

Противотанковая оборона армии Галанина строилась по принципу эшелонирования в глубину. Главной целью было не допустить глубокого прорыва бронетехники вдоль шоссе Орёл-Курск, а также лишить её маневра в случае вклинения в этом районе. Помимо шоссе, в полосе армии были и другие танкодоступные направления, например, Воронеж-Никольское, Щернодье, Верхнее Гранкино, Жирятино-Чернь, но их не рассматривали как опасные, поэтому все внимание И.В. Галанин сосредоточил на укреплении своего правого крыла, полосы 28 ск.

К началу Курской битвы из средств противотанковой обороны 70А имела орудия 24 стрелковых полков, восемь противотанковых дивизионов стрелковых дивизий, 378 иптап, истребительную бригаду 2 ид, три танковых полка, 204 противотанковых минных поля общей емкостью 49 973 мины, 95 643 ПТ – препятствия, а также инженерные заграждения на трех армейских полосах. В общей сложности армия располагала 204 45-мм ПТО и 46 76-мм орудиями дивизионной артиллерии, причем в первом эшелоне находилось соответственно 165 и 24. Несмотря на внушительные цифры, при протяженности фронта обороны в 69 км плотность противотанковых средств в первом эшелоне на 1 км оказалась крайне низкой: 3 орудия, 567 ПТМ и 834 ПТ-препятствий. Общая же плотность ПТО по армии, с учётом войск второго эшелона, также не была скромной и составляла 3,8. Значительно большие показатели были достигнуты на правом фланге. В 28 ск (280 и 132 сд), оборонявшем участок в 19 км, находилось в общей сложности 213 45-мм и 76-мм пушек. В результате здесь на 1 км в первом эшелоне приходилось 10 орудий, а во втором – 16. Для сравнения: на участке 106 сд эти цифры были почти в два раза ниже – 6 и 9 соответственно.

Все противотанковые средства предполагалось сводить в противотанковые опорные пункты, которые должны были перекрывать танкодоступные направления и усиливать оборону стрелковых батальонов, в состав которых они входили. В зависимости от местности каждый ПТОП имел различную численность огневых средств. В среднем в нём находилось: 45-мм орудий – 4-5, 76-мм – 1-2 и 8-10 расчетов ПТР. Все дороги в его секторе ответственности минировались, а мосты готовились к уничтожению. Причём заблаговременно был разработан чёткий план: кто и при каких условиях должен их взорвать. Все ПТОПы связывались общей системой инженерных сооружений и имели огневую связь, поэтому в бою должны были тесно взаимодействовать между собой. Кроме того, в ходе подготовки к битве командование артиллерии добивалось, чтобы огонь их подразделений (вплоть до каждого орудия) был жёстко увязан с системой пехотного огня и артиллерии, находящейся вне ПТОПа на закрытых огневых позициях (гаубичных полков), и они имели обозначенный сектор или направление ответственности, а каждый комендант чётко знал их.

В условиях дефицита основных средств ПТО командарм И.В. Галанин стремился усиливать ПТОПы на наиболее опасных танкодоступных участках, в том числе и нештатными сред-

²²⁶ Курский краеведческий музей. Фонд «Музея Курской битвы». Коробка № 5. «Отчёт штаба 70А о боевых действиях в Курской битве». Л.18.

²²⁷ ЦАМО РФ. Ф.426. Оп.10753. Д.84. Л.97.

ствами, такими, например, как «катюши». Специально для установок РС готовились аппарели со срезанным полом, чтобы у их расчётов при необходимости была возможность вести огонь по бронетехнике прямой наводкой.

Как уже отмечалось, К.К. Рокоссовский изначально хотя и предполагал, что Модель может ударить по 70А, но рассматривал этот вариант как маловероятный относительно поныровского и особенно мало-архангельского направлений. Поэтому И.В. Галанину было выделено мало дефицитных минно-взрывных средств и артиллерии. Командующий фронтом планировал, что при необходимости для усиления его армии вполне достаточно будет выдвинуть из резерва фронта 19 тк. Это была ещё одна его досадная ошибка, которую уже в первые дни Курской битвы пришлось спешно исправлять. Кроме того, его штаб даже к планированию использования этого соединения в полосе 70А отнёсся «спустя рукава». В апреле-мае 1943 г. разрабатывались (с учётом меняющейся обстановки) несколько вариантов плана действий войск Галанина на случай перехода немцев в наступление, причём над документом трудились совместно штабы и армии, и фронта. Окончательно план был утверждён Военным советом фронта 25 мая и предусматривал пять вариантов развития событий.

Первый – прорыв танковой группировки на стыке с 13А и её распространение в направлении Подольня – Соборовка. Именно так и будут разворачиваться боевые действия с 5 июля 1943 г., но для борьбы с неприятелем именно на этом направлении возможности 19 тк не были учтены. *«Для отражения удара противника в случае прорыва нашей обороны командованию 70А придавался 19 тк, который до начала боёв не входил в подчинение армии, – отмечается в отчете 70А. – Штаб армии составил таблицу взаимодействия с ним. Она предусматривала лишь два варианта боевых действий.*

Первый – в случае порыва противника вдоль Кромско-Курского шоссе и распространении его в направлении вы с.228.4 и выс. 238.6.

Второй – в случае прорыва на стыке 106 и 102 сд и распространении в направлении Плоское – Волково, Гремячье.

Практика показала, что необходимо было предусмотреть и третий вариант, учитывающий возможности прорыва противника на стыке 70 и 13-й армии»²²⁸.

То, что стыки в обороне воинских формирований самые слабые места, – аксиома для любого командира. Поэтому не ясно, почему штаб армии не включил в план обороны этого направления столь мощное средство усиления, как 19 тк. Возможно, предполагалось, что корпус будет действовать по особому плану как резерв фронта, тем не менее увязка с войсками 70А ему была крайне необходима при любом варианте планирования. Ведь корпус должен был действовать не самостоятельно, а в системе обороны армии. Особенно удивляет подчёркнутое невнимание штаба фронта к обеспечению стыка 13 и 70А, т.е. на направление, которое он же и определил как одно из трех наиболее танкоопасных. Анализируя даже те немногие, уже упомянутые выше ошибки (с нарезкой полос и 19 тк), возникает ощущение, что генерал М.С. Малинин и его подчинённые слишком буквально восприняли предположение К.К. Рокоссовского. Поэтому подготовка войска и обороны по третьему варианту (удар в стык 13 и 70А) велась не так тщательно и обдуманно, как по двум другим. Чем-то иным объяснить ряд столь грубых просчётов трудно. Даже у отдельных командиров стрелковых дивизий, оборонявшихся на правом крыле 70А, подобное отношение к обеспечению стыка с соседями в то время вызывало нервозность. 3 июля 1943 г. начальник штаба 140 сд полковник П.О. Бауман в личном дневнике записал: *«Вчера и позавчера имели предупреждение, что фрицы готовят наступление, крепко готовятся. Ожидаем между 3 и 6 июля... Мысленно проигрываю все готовые варианты. Вариант в сторону нашего фланга (правого) не разработан, а противник может*

²²⁸ Курский краеведческий музей. Фонд «Музея Курской битвы». Коробка № 5. «Отчёт штаба 70А о боевых действиях в Курской битве». Л. 17.

заглянуть на стык с 13 А(7). Завтра утром (на всякий случай) проеду по маршруту в сторону Самодуровки... У меня какая-то уверенность, что фрицы должны наступать на узком участке и обязательно в сторону Фатежского шоссе.

Говорю Киселеву (комдив. – З.В.), тот считает, что будут наступать на широком фронте»²²⁹.

Просчёт с 19 тк окажет существенное отрицательное влияние на ход боевых действий в первые же дни битвы, т.к. будет усилен рядом недочётов в системе обороны на стыке 13 и 70А. За обеспечение стыка армий отвечал командир 28 ск генерал-майор А.Н. Нечаев. Ответственным за стык между смежными дивизиями первого эшелона – 15 сд 13А и 132 сд 28 ск – был назначен командир 132 сд генерал-майор К.Т. Шкрылёв, а между 47 сп 15 сд и 712 сп 132 сд – командир последнего подполковник Г.М. Мовчан. На стыке армий оборона была эшелонирована на глубину в 10 км, и все позиции здесь полностью занимали войска. Это достигалось следующим образом. Боевые порядки частей 132 сд располагались в два эшелона, в первом находился 712 сп (который удерживал участок протяженностью 5,5 км, имея все батальоны в первой линии), а во втором располагались 498 и 605 сп, которые развернулись на промежуточном рубеже, за 712 сп. Причём боевые порядки 498 сп строились в три эшелона. Кроме того, между первым и вторым эшелонами 132 сд по линии 1 км восточнее Красный Уголок, восточные скаты выс. 244.9, выс. 194.2 окопалась штрафная рота, приданная этой дивизии. Предполагалось, что столь высокая плотность сил позволит выдержать мощный удар неприятеля. *«Противник, – отмечается в отчёте штаба армии, – через каждые 1-1,5 км встречал новые в совершенстве оборудованные и занятые ранее войсками оборонительные рубежи. Кроме того, это давало возможность без нарушения общего состояния системы огня на стыке брать подразделения (батальон) для нанесения контрудара в любом направлении»²³⁰.*

Однако это боевое построение имело и отрицательные стороны: до определенного момента подразделения второго и третьего эшелонов не могли вести огонь из стрелкового оружия, но при этом сами несли потери от артиллерии и авиации противника. Кроме того, штабом 70А был допущен существенный просчёт в построении инженерных сооружений в этом районе: не были запланированы отсечные позиции для прикрытия фланга, на случай если неприятель сможет прорваться в глубину обороны 13А на стыке. Что и произойдет уже в первый день немецкого наступления. Хотя на главной полосе все окопы и хода сообщений на стыке с 13А строились таким образом, чтобы была возможность проводить контратаки в полосу её 15 сд в направлении с. Ясная Поляна. Тем не менее отсутствие отсечных позиции существенно осложняло ведения боевых действий на правом фланге армии в период всей оборонительной операции.

Собственной бронетехники армия Галанина тоже получила мало, лишь три полка НПП, но следует подчеркнуть, что её использование было спланировано вполне разумно. На первом этапе боёв, когда враг ещё глубоко не вклинился в позиции, танковые полки предполагалось применять для огневой поддержки пехоты и как бронированные противотанковые огневые точки, зарытые в землю. 240 и 259 тп были сосредоточены в лесу восточнее сел Могилевский, Чермошное, а 251 тп – в лесу западнее Лапухино. Они были подготовлены к ведению массированного огня с места одновременно всеми ротами. А для отражения возможного удара бронетехники вдоль шоссе Орёл-Курск, на северо-восточной окраине леса в 1,5 км северо-восточнее Чермошное специально для 259 тп были выкопаны аппарели. В случае дальнейшем продвижении неприятеля полки предполагалось задействовать для коротких контратак во фланг его боевых групп. Весной все экипажи тщательно изучили вероятные районы боевых действий и

²²⁹ Курская битва: взгляд из XXI века. Военно-исторические и публицистические очерки. М.: Русский Ренессанс, 2008. С. 26.

²³⁰ Курский краеведческий музей. Фонд «Музея Курской битвы». Коробка № 5. «Отчёт штаба 70А о боевых действиях в Курской битве». Л. 20.

пути подхода к ним. Они не раз проходили их пешком («пешим по танковому»), а сапёрные подразделения провели работа по улучшению проходимости дорог и усилению мостов в этом районе.

При подготовке к Курской битве советская сторона стремилась расширить возможности командиров частей и соединений влиять на оперативную обстановку, особенно в условиях борьбы с танковыми группировками, за счёт создания сильных подвижные ПТ-резервов. Их распределение руководство фронтов под

Курском жестко увязало с общим планом обороны и вероятными направлениями ударов противника. Так, например, Н.Ф. Ватутин, предполагая, что главный удар ГА «Юг» придётся по 6 гв. А, а вспомогательный – по 7 гв. А, передал командирам дивизий их первого эшелона в резерв существенные силы не только артиллерии и минеров, но даже танковые полки НПП.

По такому же пути шёл и К.К. Рокоссовский. Но армия Галанина пока была на третьих ролях, поэтому её комдивы получили очень скромные личные резервы, в среднем примерно до роты ПТР, батарею ПТО и сапёрный взвод, а их командиры полков – лишь по отделению сапёрного батальона. Армейский ПТ-резерв также был невелик: в него вошли 3-я истребительная бригада, 378 иптап, по одной роте из 371-го и 386-го инженерных батальонов и рота 7 гв. биз. Командарм свой ПТ-резерв, как и основные силы артиллерии, развернул на крайнем правом фланге (правее орловского шоссе) в районе: 378 иптап – Никольское, Березовка, Сергеевка, Петроселки, а 3 ибр – отм. 241.0, Свапа, Сергеевка, Новоселки, Ветренка. Для его использования были разработаны несколько вариантов, но вся противотанковая артиллерия была нацелена на шоссе. Причем районы сосредоточения частей и подразделений резерва по вариантам планировались таким образом, чтобы они были способны занять позиции через 30-40 минут после получения сигнала. Тем не менее ещё раз подчеркну, что отсутствие сильного артиллерийского резерва в руках командующих артиллерией дивизий и корпусов имело существенное негативное влияние на результаты боевой работы войск 70А, особенно в первые 2-3 суток отражения немецкого наступления. И исправить этот недостаток ничем, кроме наращивания сил и средств аргруппировки армии, будет невозможно.

Уже в ходе постановки войскам первых задач по ПТО, сразу после стабилизации фронта, командиры всех уровней получили приказ: учить и тренировать личный состав не условно, а с максимальным приближением к реалиям боя. Артиллерия огневое взаимодействие отрабатывала боевыми снарядами, водители тягачей и автомашин по несколько раз днём и ночью проехали по тем маршрутам, где им, возможно, предстоит действовать в боевых условиях. Как покажут события июля 1943 г., это явилось важнейшим фактором повышения уровня маневренности и эффективности войск. Исключение составляли только танковые экипажи, которые исходные позиции и вероятные направления движения (в целях маскировки и экономии горючего) изучали только пешком. Позиции на всех вероятных направлениях готовились в полном объёме: для орудий (основные и запасные площадки со снарядными погребками), для расчётов (щели и ровики), а также укрытия для автотягачей и лошадей.

Наиболее важный участок Центрального фронта, исходя из расчётов К.К. Рокоссовского, занимала 13А. Она перешла к обороне в 60 км южнее Орла в начале марта 1943 г., после неудачного наступления на брянском направлении. После прекращения активных боевых действий в этом же месяце, а затем и позже её полоса будет корректироваться и на 5 июля 1943 г. будет пролегать по линии: роща юго-западнее выс.250.7, Веселый Бережок, шоссе 2 км западнее Красная Заря – и имела протяженность 33 км.

На 30 марта армия была самой сильной во фронте: она располагала 9 стрелковыми дивизиями и тремя танковыми бригадами и прикрывала три наиболее опасных направления:

- Мало-Архангельск, Колпна, Ливны;
- вдоль железной дороги Орёл-Курск;
- участок западнее железной дороги на Ольховатку.

Местность, где развернулись её главные силы, была вполне пригодна для ведения успешной обороны. Линия фронта между советскими и немецкими войсками проходила с запада на восток по гряде высот, которые являлись водоразделом бассейнов рек Волга, Днепр и Дон. К северу, на территории, занятой войсками Моделя, протекали реки Неручь и Ока, принадлежащие к бассейну Волги, а к югу, где находилась 13А, – Снова, Полевая Снова, Свапа, относящиеся к бассейну Днепра. Из-за большого числа труднопроходимых балок и оврагов, а также густой сети речек и ручьёв её правый фланг и центр были наиболее сложными для ведения наступательного боя с северного направления бронетанковыми соединениями, чем левое крыло, где танки Моделя могли эффективно использовать свои сильные качества: скорость, броню и огонь. В центре, в междуречье Сновы и

Полевой Сновы, располагался «коридор», по которому можно было выйти к станции Золотухино и далее к Курску. Но он был узким и в начале (на севере) его перекрывала ст. Поныри, удобное место для создания мощного узла сопротивления. Интересная деталь, расположение этой станции очень схоже с местонахождением села Мясоедово, располагавшегося на юге Курского выступа, между реками Разумная и Северский Донец. Обе этих теснины немцы избрали как место нанесения вспомогательных ударов: Модель – для наступления 41 тк, а Манштейн – для 3 тк АГ «Кемпфа», хотя и мотивы были разные. Кроме того, вся полоса 13А имела ещё две важные особенности для советских войск.

Положительную – насыщенность района мелкими и средними населенными пунктами, которые сливались в сплошную цепь строений и тянулись, в основном вдоль рек и глубоких отрогов, на десятки километров. Особенно наглядно это видно в центре, на примере р. Снова и сёл Широкое Болото, Поныри и т.д. Оборонявшимся это облегчало маскировку элементов инженерного укрепления местности и подвод сил, а атакующим – существенно усложняло быстрый прорыв, т.к. танковые дивизии не предназначались для ведения боя в населенных пунктах.

Отрицательной особенностью являлось то, что растительность здесь была бедной, в населенных пунктах мало, в основном фруктовые сады, в полях – редкие рощицы и заросшие дубом балки, а в поймах рек – редкие ива и тополь. Однако этот фактор, неудобный для обороны, перекрывался в определенной мере другим, полезным для советских войск. К началу июля вызревала рожь, наиболее распространенная в тот момент зерновая культура на Курщине, которая в этих местах, как утверждали офицеры штаба 13А²³¹, достигала высоты среднего человеческого роста. Об этом же свидетельствуют и фотографии советских военных корреспондентов, работавших летом 1943 г. в полосе Центрального фронта. Рожь существенно облегчала скрытый подвод живой силы и маскировку минных полей, которые закладывались в полях сразу после её посева, а в начале июля полностью скрывались, и таким образом создавался практически непроходимый, трудно обнаруживаемый до момента подрыва, да и после него минный пояс.

Как и у соседей, план обороны 13А был готов уже к середине апреля, но в полной мере начал реализовываться лишь к его концу. Причина этого не только погодные условия, но и передача левофлангового 28 ск в 70А, а также и проводившаяся перегруппировка оставшихся сил, т.к. после этого ответственность за стыки с 70А К.К. Рокоссовский возложил на Н.П. Пухова.

С учетом уже имевшихся значительных и обещанных ему фронтом дополнительных сил командарм-13 решил строить оборону в три эшелона. В первом (на первой армейской полосе) он запланировал развернуть четыре усиленных стрелковых дивизии (на 5 июля 1943 г. здесь будут находиться 15, 81, 148 и 8 сд), во втором (вторая полоса) – три (6 гв., 307 и 74 сд) и в третьем (тыловая) – пять: 18 гв.ск (2 гв., 3 гв. и 4 гв. влд) и 17 гв.ск (70 гв. и 75 гв. сд). На

²³¹ ЦАМО РФ. Ф.13А. Оп.6079. Д.223. Л.8.

второй и третьей полосе планировалось развернуть армейский подвижной резерв (129 отбр, 27 гв., 30 гв., 43, 237 отп, 1442 сап и 1541 тсап, так же 49 одбп). В результате предполагалось, что все три оборонительные полосы будут заняты стрелковыми соединениями, которые будут усилены, как бы «армированы», по всей глубине танками (САУ) НПП и бригадами 4 акп РГК. А общая глубина обороны армии составит 35 км²³².

«В основу планирования обороны были положены следующие основные требования, — отмечается в отчете штаба армии:

1. Оборона строилась глубоко противотанковая, рассчитана на отражение лобовой танковой атаки противника.

2. Оборона строилась противоартиллерийской, рассчитанной не только на обеспечение живой силы и её огневых средств от массированного огня противника, но и на подавление и уничтожение артиллерии противника ещё до начала наступления методом контрартиллерийской подготовки.

3. Оборона строилась как противовоздушная, которая должна была противостоять массированному авиационному воздействию противника.

4. Строить оборону таким образом, чтобы вся система оборонительных рубежей / промежуточные, отсечные позиции и др./ позволял бы своевременно локализовать частные успехи противника на каком-либо участке нашей обороны, и обеспечить своевременное маневрирование всеми армейскими резервами.

5. Построить систему обороны таким образом, чтобы при любой обстановке не дать возможности противнику в случае порыва нашей обороны на одном из участков расширять прорыв в стороны методом свертывания наших боевых порядков.

6. В случае вклинения противника в нашу оборону вся наша оборонительная система должна была обеспечить создание мощного кулака для нанесения контрудара, уничтожение прорвавшегося противника и восстановление положения»²³³.

После тщательной рекогносцировки её штабом, который в это время возглавлял генерал-майор А.В. Петрушевский, были размечены три армейские полосы, которые должны были проходить:

– главная (передний край): роща юго-западнее выс.250.7, Веселый Бережок, шоссе 2 км западнее Красная Заря, протяженностью 33 км и глубиной 5-6 км;

– вторая: /иск./Каменка, ст.Поныри, Соборовка, её передний край проходил в 10-12 км от переднего края главной полосы;

– третья (тыловая): Архарово, 1-е Губкино, полсела Горяиново, Ольховатка, она располагалась на удалении 12-15 км от переднего края второй полосы.

На наиболее опасных направлениях было запланировано возведение отсечных позиций, которые, как правило, следовало соединять с главной и второй полосами. В случае прорыва неприятеля они должны были служить связующим звеном, создающим единую линию обороны, и блокировать возможный удар противника в тыл оборонявшимся войскам на флангах бреши. Кроме того, на главной полосе предполагалось подготовить дивизионные промежуточные рубежи.

Учитывая, что основные события в полосе 13А в ходе Курской оборонительной операции будут проходить на второй полосе, приведу её общую характеристику из доклада офицера Генерального штаба при штабе 13А полковника Бусурмана от 15 июля: *«Вторая армейская оборонительная полоса расположена в 8-12 км от переднего края главной полосы и имеет протяженность 44 км. Она разбита на четыре дивизионных полосы с наличием 12 км естественных противотанковых препятствий. Она соединена с главной полосой обороны отсеч-*

²³² ЦАМО РФ. Ф. 361. Оп. 6079. Д. 222. Л. 95.

²³³ ЦАМО РФ. Ф. 13А. Оп. 6079. Д. 223. Л. 36.

ными позициями и противотанковыми районами; с целью остановить в случае прорыва через главную полосу танки и другие части противника и обеспечить своим войскам исходный рубеж для контратак из глубины.

Первая дивизионная полоса шириной 10 км, глубина до 6 км. Передний край проходит: Двубратники, южная окраина Каменки, Нижняя Гнилуша, по западной окраине 0 неги но, она подготовлена наравне со 2, 3 и 4 полосами; но войсками не занята; а будет занята, если это потребует обстановка 74 сд, что предусмотрено планом.

Вторая дивизионная полоса – 8 сд, ширина по фронту 10 км, глубина до 6 км. Передний край проходит по выс. 244.5, выс. 249.4, Мало-Архангельск, свх. Теня ко веки й. Начертание её в тактическом отношении правильное, отступление от ПУ-43 – отдаление переднего края от главной линии обороны на 8 км вызвано тем, что г. Мало-Архангельск как крупный, сильно укрепленный узел сопротивления включён в систему обороны второй армейской полосы. Стрелковые полки расположены в одну линию и составляют ротные и батальонные узлы сопротивления.

Третья дивизионная полоса – 81 сд (к началу июля 307 сд. – З.В.) имеет ширину 9 км, глубину до 6 км. Передний край проходит по линии: выс.257.1 – Поньры РС – выс.248,9. Начертание его в тактическом отношении правильное. Полки в дивизии расположены в одну линию. Приближение переднего края второй полосы в районе Поньрей объясняется включением Поньрей РС как выгодного в тактическом отношении опорного пункта и ж. д. станции.

Четвертая дивизионная полоса – 6 гв.сд (входит в состав 17 гв.ск) имеет протяженность 11 км, глубину до 6 км. Передний край проходит по выс. 248.6, выс. 244.2; отм. 214.7, отм. 223.6, отм. 238.5. Расположение стрелковых полков дивизии: два в первом и один во втором эшелоне»²³⁴.

Укрепление позиций войск армия в марте началось, как обычно, с минирования дорог и танкодоступной местности перед передним краем. Передний край главной полосы инженерными заграждениями и минно-взрывными средствами (по мере их поступления) прикрывался на глубину первых эшелонов стрелковых дивизий. Глубина и плотность колебались и заметно увеличивались на наиболее крупных (широких) танкоопасных направлениях: вдоль железной дороги Орёл – Курск и в направлении Ольховатки.

Самыми крупными населенными пунктами в полосе армии г. Мало-Архангельск (правое крыло) и ст. Поньры (центр) готовились как самостоятельные мощные узлы сопротивления для круговой обороны. Вокруг и в них предполагалось подготовить не только развитую траншейную сеть, но и противотанковые рвы, эскарпы, создать повышенную плотность минных полей с использованием мощных радиофугасов. Особо сложную и разнообразную по номенклатуре используемых средств схему минирования предполагалось разработать для района Поньрей, в силу её особого местоположения (пояснительная записка к проекту о минировании станции и устройства заграждений железнодорожного участка Поньры – Курск см. Приложение №10). Первыми уже в апреле приступили здесь к работе подразделения 6-й инженерно-минной бригады РГК, которая в составе армии действовала ещё с зимы. Н.М. Лапотышкин вспоминал:

«Бригада занимала оборону западнее ст. Поньры на рубеже Красная Слободка – Глазуновка – Верхнее Тагино – Турейка. ...Своими основными силами она обеспечивала рубеж 13А, но часть её сооружала оборону и на рубеже 48А северо-восточнее г. Мало-Архангельск, а также на позициях 60А между городами Дмитровск-Льговский и Фатеж.

Батальон капитана Меньшикова в районе северо-восточнее Мало-Архангельска отрыл 7 км противотанковых рвов (из них 3 км ложных)... В июне саперы батальона капитана Сафонова закончили строительство оборонительного сооружения на р. Липове. В районе Одиночка была сооружена плотина, создавшая крупный противотанковый район, который при-

²³⁴ ЦАМО РФ. Ф. 361. Оп. 6099. Д.52. Л. 358.

крыл стык 13 и 48А. Общая длина плотины была 180 метров; ширина по заложению 40 метров; по верху 4, высота 7. На самой плотине саперы метровыми буквами выложили из камней слова «Вперед на запад».

Но главная деятельность бригады состояла в создании мощных минно-взрывных заграждений в полосе 13А. На прежнем, зимнем, рубеже обороны минеры 112 батальона сняли и перевезли к новому месту несколько тысяч мин. Раньше эти мины преграждали путь нам, а теперь они обращены против немцев.

Поныри была превращена в мощный опорный пункт обороны. Минеры 112 инженерно-минного батальона опоясали её полосами взрывных заграждений. Это полоса вошла в историю под названием «Поныровский обвод». Вокруг станции были установлены мощные минные поля. Среди них управляемые фугасы из трофейных бомб весом 55-250 кг. От фугасов протянули проволоки к окопам, где находились минеры. Расчет был таким: если вражеский танк пройдет около фугаса, то достаточно было дернуть за проволоку; чтобы 250-кг заряд взорвался и уничтожил его. Сколько мужества, хладнокровия и отваги нужно иметь, чтобы управлять этими фугасами на поле боя, когда бушует огонь и совсем близко от тебя танки!

Устанавливали самые разнообразные системы мин: отечественные ЯМ-5, ТМ-35, ПОМЗ-2, ОЗМ, немецкие «Хольцмины», Т-35, прыгающие, а когда не хватало мин, на помощь приходили инициатива и находчивость саперов. Из немецких артснарядов устраивали ПОМЗ-2 из авиабомб противника – осколочно-заградительные мины, из стандартных толовых зарядов – противотанковые мины, из снарядов малокалиберных пушек – противопехотные мины нажимного действия. Минирование стало страстью офицеров и рядовых бригады. Широко развернулось изобретательство и рационализация. Ефрейтор Малуха, ст. лейтенант Кулаков и лейтенант Мищенко изобрели оригинальный прибор для управления минными полями. Существовавшие ранее способы установки и фиксации минных полей были неудобны. Шнуровой шаблон мог применяться только в глубине обороны. Мины устанавливаются не там, где хочется минеру, а там, где подсказывает шаблон. Лейтенант Бродский предложил оригинальный эллипсный шаблон; при помощи которого мины устанавливал один человек, проползая по-пластунски»²³⁵.

Как и в 70А, укреплением местности от переднего края второй до переднего края третьей полосы в 13А занимались 1, 2, 5 гв. батальоны инженерного заграждения и 6 гв. электро-технический батальон 1 гв. имбр с/н. К 18 мая 1943 г. они сосредоточились в районе Каратаева, 1-е Легостаево и Ниж. Лаймин, поступив в оперативное подчинение начальника инженерных войск армии. После рекогносцировки они должны были немедленно приступить к устройству заграждений:

1 гв. биз в границах: выс. 248,5, выс. 244,2, выс. 223,6, выс. 235,9, Саборовка, отм. 204,6, выс. 234,0, /вкл./ ручей Брусовец, Ниж. Смородное, ст. Вozy, выс. 246,2, юго-восточная окраина Брусовое. Основными маршрутами для действия ПОЗ были определены:

- а) Подсоборовка-Снова;
- б) Подсоборовка-Кутырки.

2 гв. биз в границах: 1-е Поныри, Поныровские выселки, /вкл./ ручей Березовец, юго-восточная окраина Брусовое, выс.242,6, выс.244,4, Мал. Плотка, Доброе Начало, /иск/ ручей Сучья, /иск/ свх. Тиняковский, Федоровка, Поныри РС. Основными маршрутами для действия ПОЗ были определены:

- а) отд. свх. Поныровский – Юдинка;
- б) 1-е Мая, выс.248,5, вдоль железной дороги Орел-Курск.

²³⁵ Курский краеведческий музей. Рукопись воспоминаний полковника Н. Лапотышкина «На Курской дуге». Единица хранения 456.

5 гв.биз в границах: Верх. Гнилуша, Зеленая Роща, Мало-Архангельск, Саловка, свх.Тиняковский, р.Сучья, Кошелевка; граница справа – Александровка, Федоровка, Переведеновка до р. Сосна. Основными маршрутами для действия ПОЗ были определены:

- а) Мало-Архангельск, Юдинка, Верх. Сосна;
- б) Репьевка, Мамошина, Кашелевка;
- в) Мало-Архангельск, Репьевка, Орлянка.

6 гв. этб получил задачу установить электропрепятствия по переднему краю обороны армий:

- от выс. 254,6 до 1-е Никольское (в том числе перекрыть железную дорогу Орёл-Курск);
- от Нов. Хутор до ручья Бударин;
- провести рекогносцировку 2-го запасного рубежа в районах: Зеленая Роща, Юдинка, Федоровка, северная окраина Поныри/РИК/ и Дружковецкий, Подсоборовка, Самодуровка / СС/.

Электрозаграждения на вооружение Красной Армии были приняты еще до Великой Отечественной войны. Затем их активно применяли в боях под Москвой, на Ленинградском фронте и в Сталинградской битве. Кстати, 6 гв. этб майора А.Т. Рождественского отличился именно в битве на Волге, где действовал в составе Донского фронта. На вооружении батальона состояли передвижные электростанции типа АЭ-2. От них по кабельной сети подавался ток высокого напряжения на специальные проволоочные заграждения. Батальон мог установить по фронту около 6 км таких заграждений. Как правило, подходы к ним со стороны неприятеля прикрывали управляемые противотанковые фугасы. Все электроцепи находились постоянно в боевой готовности, и если в ходе боя или авианалёта они рвались, бойцы должны были немедленно их восстанавливать. В период подготовки к Курской битве эти спецсредства предполагалось использовать лишь в войсках Центрального фронта, они стали одной из особенностей его системы обороны, но были развернуты лишь в полосе 13А. На юге Курской дуги электрозаграждения применять изначально даже не планировалось.

В течение двух последующих месяцев трём БИЗ бригады Йоффе была проведена огромная работа. Для усиления эффективности минно-взрывных заграждений большинство их ставились комбинированным способом, т.е. на одном поле вперемешку ставились три-четыре типа мин, например, ЯМ-5, ПТМ-35 и трофейные. Советские противотанковые мины, которые на фронте часто называли «противогусеничными», были маломощными. Их заряда хватало лишь на то, чтобы разбить гусеницу танка, оторвать ленивец или каток. Поэтому в качестве усиления противотанковых полей использовали трофейные снаряды и авиабомбы, большой склад которых был захвачен зимой 1943 г. на территории Курской области, в том числе и на ст. Курск. Так, например, согласно документам штаба 1 гв. оибр с/н, узел сопротивления на ст. Поныри с севера и северо-запада был прикрыт минными полями, усиленными немецкими авиабомбами, взрывателями, в основу которых был положен принцип натяжного действия²³⁶.

Одновременно с основными силами бригады Йоффе, но по переднему краю 13 и 70А на участке Красная Слободка, Верхнее Тагино, Брянцевов, работал его 8-й гв. батальон спецминирования. В качестве средства усиления здесь были выставлены около 200 управляемых противотанковых фугасов и 82 управляемых осколочно-заградительных мины. *«В течение мая-июня подразделения 8 гв. б-на см установили большое количество управляемых по радио фугасов , – вспоминал В.К. Харченко. – Прежде всего, они устанавливались в районе ст. Поныри, городов Курск, Льгов, Фатеж, Дмитриев-Льговский, а также на шоссе Мало-Архангельск – Ливны и Орел – Фатеж – Курск, на железной дороге Брянск – Курск (на участке Дмитриев-Льговский – Льгов). Все управляемые по радио приборы устанавливались без подключения электропитания. Эта операция должна была производиться в нужный момент по приказу начальника*

²³⁶ ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 96. Л. 144 обр.

инженерных войск Центрального фронта. Для этой цели была выделена группа опытных специалистов на автомашинах.

В то же время 3 и 7 гв.биз после рекогносцировки второй и третьей полос оперативных заграждений фронта приступили к установке минно-взрывных заграждений в предполье фронтового оборонительного рубежа на глубину пятнадцать километров и перед его передним краем. К 5 июля 1943 г. оба батальона установили во второй степени готовности свыше 30 000 противотанковых и противопехотных мин, 1500 управляемых осколочно-заградительных мин и противотанковых фугасов, заложили 109 мин замедленного действия, подготовили к взрыву 16 мостов»²³⁷.

На 4 июля 1943 г. в полосе 13А было установлено 254 противотанковых минных поля общей ёмкостью 50 755 шт. и 23 смешанных поля, из этого числа на главной полосе находилось 30 650 мин, а на второй – 20 100²³⁸. Минирование – тяжелая, крайне сложная и во всех отношениях очень опасная работа. «Весь апрель и май еженощно ставили мины, – вспоминал о боевых буднях на Воронежском фронте лейтенант А.Б. Немчинский, командир роты саперов 210 биз 42 оисбр с/н. – В полосе 67-й и 52-й гвардейских дивизий наша рота установила около 5000 мин. Севернее Томаровки была изучена каждая складка местности, каждый кустик у переднего края обороны. Разве забудешь, с каким напряжением нервов было всегда связано пребывание между своими и вражескими позициями? Разве забудешь, как иногда свои же пехотинцы, находившиеся в траншее, заметив ползующих со стороны противника наших минёров, открывали огонь? Нервы выдерживали не у всех. И каждый по-своему переживал встречу с опасностью.

Наша эмоциональная память сохраняет ощущения, которые испытывает человек, покидающий расположение своих войск и направляющийся по заданию в сторону неприятеля. Но рассказать об этом не так просто. В каждом случае волнение у моих товарищей проявлялось по-разному. Одни казались внешне совершенно спокойными, другие не могли скрыть охватившего их напряжения, третьих выдавало только легкое дрожание рук...

– Товарищ лейтенант, в случае чего отпишите домой... – просили некоторые бойцы перед выходом в нейтральную зону. И эта просьба всегда казалась мне вполне закономерной, ведь если человек уверен, что после его гибели близкие будут знать, как он выполнил свой долг, ему легче встретиться со смертельной опасностью и преодолеть её.

Независимо от индивидуального восприятия опасности личный состав роты всегда выполнял свой долг. Прав был Володя

Назаров, который считал, что смелость и заключается именно в преодолении чувства страха, в выполнении своего долга любой ценой»²³⁹.

Большое значение в борьбе с вражеской бронетехникой придавалось подвижным отрядам заграждения. Как показали бои, это было эффективное и мобильное средство комдива для оперативного блокирования прорыва. В тяжелейших условиях, когда вражеская бронегруппа уже преодолела передний край обороны, они должны были дать время командованию соединения, чтобы подтянуть резервы для локализации наметившейся брешы. В стрелковых дивизиях ПОЗы создавались из подразделений их сапёрных батальонов, обычно это был взвод минёров на 1-2 автомашинах или конной тяге. Как и другие командармы, Н.И. Пухов тоже имел несколько ПОЗов в своём резерве, который был сформирован на базе армейского саперного батальона и бригады Йоффе. К началу Курской битвы их насчитывалось пять, им предстояло действовать:

1-й – на мало-архангельском направлении, в тесном взаимодействии с 15 ск;

²³⁷ Харченко В. К. ...Специального назначения. М.: Воениздат, 1973. С. 90.

²³⁸ ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 96. Л. 143 обр.

²³⁹ Немчинский А.Б. Осторожно, мины! М.: Воениздат, 1973. С. 73, 74.

2-й – на поныровском, совместно с 81 и 307 сд;

3-й – на ольховатском, вместе с 15 сд и 17 гв. ск;

4-й и 5-й являлись резервом начальника инженерных войск армии генерал-майора З.П. Колесникова.

Все армейские ПОЗ имели 21 ЗиС-5 с комплектом противотанковых мин и при необходимости могли пополнять его из хранилищ (погребков), разбросанных по всей глубине обороны²⁴⁰.

Однако основную надежду в борьбе с вражеской бронетехникой советское командование возлагало все же на артиллерию. *«Из всех заграждений самым опасным противником танка были мины, хотя в условиях маневренной войны они имели значение лишь задерживающего фактора, – делился своим богатым опытом боев на Восточном фронте Г. Гудериан. —Для танка главной опасностью являются, однако, не столько мины, сколько располагавшиеся за минными полями огневые противотанковые средства. Взрывом мины повреждалась гусеница, танк останавливался и лишался своей величайшей силы – подвижности»*²⁴¹. Следовательно, в связке «мина – орудие», которой советским войскам предстояло парализовать ударную мощь главного инструмента наступления вермахта – бронетанковых соединений, ведущими должны были выступить артсредства.

Определившись с направлением главного удара, командование Центрального фронта начало интенсивно усиливать ими 13А. В результате к началу битвы ни одно общевойсковое объединение не только обоих фронтов в Курском выступе, но за все годы войны в оборонительных операциях не имело столько артиллерии, сколько получила армия Пухова перед началом немецкого наступления на Курск. Утром 5 июля 1943 г. она имела 1523 орудия, из которых 801, или 53,6%, находилось в системе противотанковой обороны её рубежа, что составляло в среднем 25 орудий на 1 км, в то время как её соседи не располагали и половиной этих средств. Так, 70А получила 513 ПТО, что составило 8,3 орудия на 1 км, а 48 А – 473, 12,4 на 1 км.

Столь значительные силы позволили командарму придать каждой из дивизий первого эшелона от 5 до 7 артиллерийских и минометных полков, которые с их собственной артиллерией образовывали артгруппы усиления стрелковых полков первого и второго эшелонов. Для каждого соединения 15 ск генерал-майора И.И. Людникова, а также 15 и 81 сд (их общим руководством занимался лично командарм), находившихся в первом эшелоне армии, были созданы группы АДД в составе пяти артполков, которыми руководили командующие артиллерией стрелковых дивизий. Кроме того, для поддержки 307 и 74 сд, находившихся на второй армейской полосе, были выделены две тяжелые пушечные бригады, а за тыловой армейской полосе развернуты 5 гв. мд и 86 мп РС, составлявшие личный резерв командарма Пухова. Здесь же находились 100 и 104 габр БМ – резерв командующего фронтом²⁴².

Кроме того, при построении армейского рубежа большое значение было уделено противотанковой обороне. К началу июля 1943 г. было оборудовано 138 противотанковых опорных пунктов, объединенных в 37 районов²⁴³, которые тоже были эшелонированы в глубину. На главной полосе находилось 13 ПТОРов, состоявших из 44 ПТОПа (204 орудия), на второй – 9 и 34 (160), на третьей – 15 и 60 (342). Армейский ПТ резерв, 874 иптап, располагался в районе Поныровских Выселок и был готов действовать по всему фронту обороны армии²⁴⁴.

Войска, располагавшиеся на всех трех полосах, и в первую очередь артгруппировка, были прикрыты огнем двух зенитных дивизий. Причём эти соединения, как и расчеты гаубичных и

²⁴⁰ ЦАМОРФ.Ф. 62. Оп.321. Д. 96. Л. 144.

²⁴¹ Гот Г., Гудериан Г. Танковые операции. «Танки – вперед!». Смоленск. Русич, 1999. С. 391.

²⁴² ЦАМО РФ. Ф. 361. Оп. 3007. Д. 19. Л. 174-176.

²⁴³ ЦАМО РФ. Ф.361. Оп. 34379. Д. 4. Л. 92.

²⁴⁴ ЦАМО РФ. Ф. 361. Оп. 8007. Д. 19. Л. 171.

пушечных полков, получили приказ: быть готовыми к ведению огня по бронетехнике противника на своих позициях²⁴⁵.

Таким образом, артиллерийская группировка 13А была не только очень сильной (многочисленной), но и глубоко эшелонированной, что позволяло, по мнению руководства фронта, надёжно прикрыть практически все наиболее опасные направления, осуществляя быстрый манёвр огнём и колёсами. Распределение артсредств в обороне 13 А на 4 июля 1943 г. приведено в таблице №2.

Из неё следует, что:

- на первой полосе находилось 44,1% всей артиллерии армии, в том числе все 45-мм ПТО, 76-мм орудий ПА и 31,8% (70 из 220) 76-мм орудий ДА могли использоваться для борьбы с танками;

- во второй соответственно 12,3, 85,3% 45-мм ПТО, 82,8% 76-мм ПА и 66,7% 76-мм ДА;

- на третьей: 43,5, 100% ПТО и ПА, 54,7% 76-мм орудий ДА.

Резкое общее снижение численности орудий и соответственно

ПТО на второй полосе связано с тем, что руководство фронтом рассматривало её, по сути, как промежуточную, на которой должны были закрепиться войска, отходящие под давлением противника с первой полосы. Следовательно, предполагалось, что плотность живой силы и вооружения здесь существенно возрастет за счёт частей первого эшелона. Кроме того, планировалось, что первую полосу войска будут держать минимум двое суток, а уже на второй день был запланирован подвод 2ТА и двух танковых корпусов резерва для нанесения контрударов. Поэтому в противотанковом отношении вторая полоса, даже с учётом потерь первых двух суток, в ходе боёв должна будет существенно усилиться и как минимум сравняться с мощностью первой и третьей.

Имеющиеся артсредства командарм распределил по 33 км фронту обороны неравномерно. Опираясь на не совсем точное предположение К.К. Рокоссовского о месте вероятного нанесения главного удара противника, больше половины – 53,3% артиллерии он выдвинул на правый фланг (мало-архангельское направление), где на участке в 13 км (рубеж 8 и 148 сд) было развёрнуто 695 стволов. Вторая по численности артгруппировка – 371 орудие, или 37,1%, была сосредоточена в центре полосы армии, на 10-км участке вдоль ж.д. дороги в районе ст. Поньри. А на стыке с 70А (участок свх. «Садовод» – Ольховатка 15 сд протяжённостью 8 км), т.е. там, где Модель планировал нанести удар главными силами, оставшиеся 280 орудий, или 35,2%. (Подробно распределения артиллерии 13А по направлениям на 28 июня 1943 г. см. в таблица №2а.)

Этот перекосяк станет основной причиной того, что уже в первый день Курской битвы враг прорвёт главную армейскую полосу на всю глубину и вклинится во вторую на ольховатском направлении, существенно нарушив общий план оборонительной операции. Тем не менее именно наличие очень больших сил артиллерии непосредственно в боевых порядках стрелковых соединений армии Пухова на всех трёх полосах (чего не мог себе позволить ни Н.Ф. Ватулин, ни тем более И.М. Чистяков), а не высокая плотность пехоты станет ключевым фактором, который коренным образом повлияет на срыв наступления 9А.

Однако следует отметить и некоторые просчеты, которые были допущены при расстановке частей и соединений 4 акп по рубежу 13А. Одним из наиболее существенных стало слабое и малочисленное прикрытие средствами ПТО миномётных подразделений корпуса, находившихся примерно в 1,5-2 км от переднего края. Непонятно почему это произошло, т.к. трудно поверить, чтобы командование армии серьёзно рассчитывало не допустить вклинения противника в главную полосу даже на столь незначительное расстояние. Вероятно, это был

²⁴⁵ ЦАМО РФ. Ф. 361. Оп. 8007. Д. 19. Л. 171.

системный просчёт, связанный с отсутствием у офицеров штаба артиллерии опыта планирования операции с привлечением столь крупных сил. Потому что одновременно с этим из прямого подчинения корпуса было выведено единственное средство ПТО, которым он обладал: два полка легких артбригад (1007, 1214 лап) и при этом части 5 гв. мд были децентрализованы, их попросту распределили по стрелковым дивизиям²⁴⁶. Все это в комплексе уже 5 июля 1943 г. существенно осложнит управление огнём и приведет к неоправданным потерям личного состава и материальной части в минполках.

К началу июля все три полосы 13А в основном были подготовлены к обороне и, что очень важно, полностью заняты войсками. Распределение сил и средств указано в таблице №2б. Как видно из приведённых данных, первая полоса была не самой насыщенной, за исключением артсредств, которые должны были выбить вражескую бронетехнику в первый же день его наступления. На ней располагалось 30% активных штыков, 50% полевой артиллерии и миномётов, менее 1/3 реактивных систем и полностью отсутствовала бронетехника. В результате на 1 км здесь приходилось: 321 человек, 19,2 всех типов орудий (в том числе 15,8 полевых и 3,5 противотанковых), 13,4 минометов (без 50-мм), 4 установки РС, 8,2 станковых пулемета и 75,8 автоматов. Изначально самую большую насыщенность силами и средствами имела третья полоса, чтобы прорыв первой и второй не мог предопределить, как это бывало раньше, исход оборонительной операции в целом. На третьей полосе, за исключением артиллерии, число сил и средств изначально было больше, чем на первой, а с учетом отхода частей первой и второй полос, плотность войск на ней должна была значительно увеличиться. Таким образом, по мере продвижения ударного клина 9А вперед степень сопротивления рубежей Центрального фронта должна была возрастать. В этом и заключалась суть эшелонированной обороны.

Таким образом, предполагалось, что при неблагоприятном развитии операции (в случае глубокого вклинения) в первые два-три, возможно, четыре дня боев на тыловой полосе должен был сформироваться мощнейший, а с подходом резервов фронта, по мнению советской стороны, непреодолимый для неприятеля рубеж.

Очень серьёзно командование и 13А, и Центрального фронта отнеслось к обеспечению её стыка с 48А. Для решения этой задачи было привлечено максимально возможное количество огневых средств, разрабатывались планы контратак всеми видами резервов. Причём сделано это было вовремя и в короткий срок. 19 апреля К.К. Рокоссовский утвердил план обеспечения стыков армий, хотя и до этого работа по их укреплению уже шла полным ходом. Вот выдержки из этого документа:

«I. Подступы со стороны противника. На стыке 48 и 13 А, на участке Никитовка – Щербатово, вероятными подступами со стороны противника могут быть:

- а) из района Сандровка, Голятиха в направлении Никитовка, Каменка;*
- б) из района Песочный, Ясная Поляна на Панская, Верхняя Гн ил а;*
- в) из района Глазуновский лесхоз, Зеленая роца на Красная Слободка, Верхняя Гн ил а и на Похвальная, Елизаветино, Мало-Архангельск;*
- г) из района сельскохозяйственного техникума Парашино, вдоль русла реки Становая на Мало-Архангельск.*

Эти же направления являются и наиболее вероятными направлениями действий танков противника.

II. Выделяемые силы и средства для обеспечения стыков между армиями.

1. От 48 А. На фронте (иск.) Панская, посадка (300 м юго-западнее Каменоломня) и в глубине до роци «Квадратная», от.м. 248.0 обороняется 1348 сп 399 сд.

Из глубины обороны для контратак предназначаются: 16 гв.сд с 43 тп и 73 сд.

²⁴⁶ ЦАМО РФ. Ф. 4 акп. Оп. 1. Д. 14. Л. 9.

Для непосредственного обеспечения стыка с 74 сд командир 399 сд выделяет не менее трех станковых пулеметов, четырех 45-мм и двух 76-мм орудий, четырех противотанковых ружей (противотанковая артиллерия и противотанковые ружья входят в состав противотанковых опорных пунктов).

Артиллерия: группа артиллерии поддержки пехоты

1348 сп – 3-й дивизион 1046 ап, 232 мп, батарея 120-мм минометов 1348 сп и батарея 45-мм орудий 436 оиптд.

– группа командующего артиллерией 399 сд в составе 786 лап (6 батарей);

– группа командующего артиллерией армии в составе 2-го дивизиона 155 лап, 1-го дивизиона 221 гв.мп.

2. От 13 А. На фронте: аллея (300 м юго-западнее Каменоломни), р.Становая и в глубине до Ливадии обороняется 74 сд, имея непосредственно на стыке с 399 сд 360 сп. Во втором эшелоне дивизии на рубеже (иск.)отм.247.3, выс.260 – 3-й батальон 78 сп, а в районе Ливадии – учебный батальон.

Из глубины обороны для контратак предназначаются 148 сд и два стрелковых полка 15 сд.

Для непосредственного обеспечения стыка с 399 сд командир 74 сд выделяет не менее трех станковых пулеметов, четырех 45-мм пушек, двух 76-мм пушек полковой артиллерии и четырех противотанковых ружей (противотанковая артиллерия входит в состав противотанковых опорных пунктов).

Артиллерия: группа артиллерии поддержки пехоты 360 сп – 876 гап.

– группа артиллерии поддержки пехоты 76 сп – 6-й ап;

– группа командующего артиллерией армии в составе двух дивизионов 642 лап.

Кроме того, 60-й дивизион 6 гв.мп подготавливает огни в секторе: Красная Слободка, Нескучная.

...IV. Инженерное обеспечение стыка

1) Подступы со стороны противника на участке: Панская, Красная Слободка, родник восточнее Нескучная прикрыть сплошным противотанковым и противопехотным минированием и проволочными заграждениями. Срок исполнения не позднее 20.04. 1943 г.

2) Отсечные позиции построить: 399 сд на участках:

а) роца «Квадратная», кладбище, Никольское (фронтом на юг и юго-запад);

б) Желудки, отм.246.0, лес южнее (фронтом на юго-запад).

74 сд на участке: Нижняя Гн илу ила, от м.204.8, Ливадия

(фронтом на север и северо-запад). Срок исполнения не позднее 20.4. 1943 г.»²⁴⁷.

Как видим, и отсечные позиции не были забыты, как это случилось на левом фланге 13А, и ни одно соединение не упущено при планировании контратак.

В работах советских историков описание подготовки к Курской битве, в том числе и возведение войсками Рокоссовского и Ватутина полевой обороны, переполнены героикой, мужеством и реальными, и придуманными примерами трудового подвига красноармейцев и мирных жителей. Но ни в одной книге нет даже упоминания о тех издержках для населения Курской области, которыми она сопровождалась. Это касается не только судьбы выселенных жителей сёл и хуторов, попавших в 25-км зону. Хотя из неё в основном вывозили женщин, детей и стариков, для которых никто специально жилья не возводил и прием не организовывал. Где жить, пока на их земле идет война, они должны были искать сами «у добрых людей» или родственников, если таковые находились в ближайшей округе. А ведь отселялись десятки тысяч человек! Например, только в районе расположения войск 48А к 10 июня 1943 г. (когда отсе-

²⁴⁷ ЦАМО РФ. Ф. 361. Оп. 80070с. Д. 14. Л. 31-33.

лили 88,7%) опустели 118 сел и хуторов, из которых выехало 21 886 человек²⁴⁸. Не следует осуждать советские военные власти за эти жесткие меры. Отселение проводилось, безусловно, с благими целями – спасти людей, но и не сказать о тех, кто остался в чистом поле без крыши над головой с малыми детьми на руках, считаю аморальным. Именно для того, чтобы россияне и сегодня помнили об их страданиях, пишу эти строки.

Были и другие, не менее важные проблемы, которые часто встречаются в документах войск обоих фронтов, и связаны они с варварским отношением войск к тому скромному имуществу, которое находилось там, где разворачивались даже их тыловые части. Вопрос сохранения жилого фонда, подсобных помещений, других ценностей, располагавшихся на освобожденной территории, остро встал перед военными и государственными органами власти Советского Союза уже в первый год войны. Поэтому в 1942 г. был подписан приказ НКО №0169, требовавший от командиров всех уровней бережно относиться ко всему, что удалось сохранить после изгнания оккупантов, и не допускать уничтожения и разрушения. Однако и через год эта проблема продолжала оставаться актуальной. Причём весной и летом 1943 г. уничтожение посевов, сохранившихся домов, откуда были вывезены люди, производственных построек шло часто не только и не столько с целью возведения обороны или подготовки войск к ней, а из-за элементарного бездушного отношения командного состава войск. Происходило это на обоих фронтах, а масштаб явления был столь велик, что им занимались лично командиры дивизий и даже армий. Вот лишь два примера. Из приказа заместителя командира 280 сд 70А №16 от 5 июня 1943 г.: *«Отмечаются случаи разборки зданий. Изъятие дверей, окон в поселках выселенной зоны. Так же отмечаются случаи уничтожения посевов. Выделенные комедианты для охраны строений и посевов не имеют точных инструкций о своих правах и обязанностях.*

*Директивой Военного совета армии в обязанности коменданта поселка входит принятие по описи всех строений и полей, наблюдение за их сохранностью. Выполнение данной задачи является чрезвычайно ответственным и имеющим большое государственное значение заданием»*²⁴⁹.

Приказ командующего 13-й армией № 49 от 20 июня 1943 г.:

«За последнее время на имя Военного совета поступает большое количество жалоб со стороны органов местной власти о том, что в зоне отселения прифронтовой полосы имеют место случаи варварского отношения к государственному, колхозному и личному имуществу. Жилые строения, принадлежащие колхозникам, а также государственным учреждениям, разбираются войсковыми частями и уничтожаются на топливо. Так; в мае 1943 г. в деревне 1-я Ново-Слободка расквартированные там части 6-й инженерно-минной бригады, 3-й воздушно-десантной дивизии и 161-го укрепрайона растащили из частных квартир столы, стулья, кровати, в школе уничтожили на топливо двери, окна и весь школьный инвентарь. В деревне Остров полностью разрушен один дом. В деревне Орлянка совершенно разрушена новая школа, сожжены рамы, потолки, пол и ш. д., там же разрушена церковь.

Местные органы власти без помощи командования частей предотвратить хищение и уничтожение строений и имущества граждан не в состоянии, так как задержанные военнослужащие не сообщают, какой они части; угрожают оружием, а поэтому виновные лица не установлены и не наказаны (инженерный батальон 1007-го артполка 12-й артдивизии и 3-й батальон 229 сп 8 сд).

Несмотря на категорические требования председателей сельских советов перед командованием частей о выявлении виновных и привлечении последних к ответственности и прекращении незаконных действий, реальные меры не принимаются, и виновные укрываются. Из

²⁴⁸ ЦАМО РФ. Ф. 403. Оп. 9657. Д. 87. Л. 114.

²⁴⁹ ЦАМО РФ. Ф.18 гв.ск. Оп.1. Д.50. Л. 108.

этого видно, что некоторые начальники гарнизонов и командиры воинских частей и учреждений не выполняют приказ №0169, приказ войскам 13А №69 от 3 мая 1943 г. и постановление Военного совета фронта №0010 от 4 апреля 1943 г. Вопросами охраны социалистической собственности не занимаются и не требуют этого от своих подчиненных.

Приказываю:

1. Командованию соединений потребовать от командиров частей и подразделений строго выполнять приказ НКО №0169 от 1942 г., постановление Военного совета фронта №0010 от 4 апреля 1943 г. и приказ 13А, виновных в расхищении и уничтожении социалистической собственности привлекать к строжайшей ответственности по законам военного времени.

2. Всем начальникам гарнизонов населенных пунктов, командирам частей и подразделений принимать все меры к сохранению государственного, колхозного и личного имущества, для чего в необходимых случаях делать специальные караулы и патрулирование.

3. Командирам частей; а также начальникам гарнизонов по поступлению жалоб от представителей местной власти или отдельных граждан о случаях расхищения и уничтожения жилых строений, инвентаря и т.д. Немедленно принимать меры к расследованию и поимке виновных и привлечению их к ответственности.

Предупреждаю всех командиров частей, что они будут нести личную ответственность за непринятие мер к сохранению государственного, колхозного и частного имущества.

4. Приказ объявить всему начальствующему составу до командира взвода включительно»²⁵⁰.

Остро стояла проблема и разрушения уже подготовленных к использованию объектов на оборонительных полосах, в первую очередь на армейских тыловых и фронтовых, но не только. Причем её размах оказался значительно больше, чем растаскивание жилфонда в оставленных населенных пунктах, поэтому ею занимались даже не командармы, а руководство фронтов. Вот цитата из постановления Военного совета Воронежского фронта №0062 от 5 июня 1943 г.: «На оборонительных рубежах Воронежского фронта имеют место случаи разрушения фортификационных сооружений местным населением и отдельными воинскими частями на топливо и другие хозяйственные нужды.

Военный совет постановил:

1. Запретить местному населению и воинским частям разрушение фортификационных сооружений на оборонительных рубежах.

2. Нарушителей привлекать к строжайшей ответственности вплоть до придания суду Военного трибунала.

3. Командующим армиями, командирам отдельных фронтовых соединений, начальникам Управлений Оборонительного строительства Воронежского фронта, производящим работы по строительству оборонительных рубежей, организовать охрану строящихся оборонительных рубежей и отдельных фортификационных объектов, а по окончании строительства передавать их под охрану начальников гарнизонов, а там, где нет таковых, под охрану районным или областным исполнительным комитатам. Организацию охраны на строящихся оборонительных рубежах, а также восстановление разрушенных фортификационных сооружений закончить к 15.06.1943 г.»²⁵¹.

Этот документ появился после того, как завершилась майская проверка офицерами штаба фронта хода оборонительных работ в войсках и состояния армейских полос, в ходе которой были обнаружены, даже на второй полосе, ряд разрытых ДЗОТов и укрытий для личного состава. Безусловно, уничтожение с таким трудом возводимых объектов, предназначен-

²⁵⁰ ЦАМО РФ. Ф. 361. Оп. 6099. Д. 59. Л. 375, 375 обр.

²⁵¹ ЦАМО РФ. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 12. Л. 104.

ных для сохранения жизни бойцов и командиров, готовившихся отразить удар мощной вражеской группировки, невозможно оправдывать, и по законам военного времени это деяние являлось серьезным преступлением. Однако важно понять и мотивы тех, кто этим занимался, а они оказались совершенно разными. Местное население на эти шаги толкала беспросветная нужда, а воинские подразделения – безответственность и нерасторопность их командиров, так как проблемы и возможности боевой части и обычного человека, у которого война в одиночку отобрала все имущество, были несоизмеримы. Как выяснилось, брёвна из огневых точек жители сел переносили к себе во дворы, где ими перекрыли вырытые в земле рядом с разрушенными домами землянки, чтобы пережить зиму. Куски же досок, которыми были обшиты амбразуры, использовали для разведения костров, на которых готовили пищу. А воинские подразделения вырытый стройматериал перевозили в тыл для строительства штабных землянок и блиндажей для личного состава, который приказом фронта в мае должен был быть выведен из населенных пунктов в поля, а частично для топлива полевых кухонь.

А теперь вернемся на юг Курского выступа и посмотрим, как здесь шла подготовка полевой обороны.

На 25 марта 1943 г., когда обстановку в районе Белгорода удалось окончательно стабилизировать, Воронежский фронт имел полосу 264 км²⁵². В апреле была проведена перенарезка участков для армий и примерно 19-км фронт передал своим левому соседу, Юго-Западному фронту. В результате общая протяженность его полосы сократилась до 245 км, которые удерживали четыре общевойсковых армии, занимавшие оборону в первом эшелоне на участках:

38А под командованием генерал-лейтенанта Н.Е. Чибисова (правофланговая): ст. Шептуховка – Угрюмы, протяженность передовой линии на апрель – 75 км (на март – 80 км), в её составе находились 6 стрелковых дивизий (сд), одна стрелковая бригада, сводные бригады учебных батальонов.

40А генерал-лейтенанта К.С. Москаленко: Угрюмы/иск/ – ст. Сумовская, 52 км (50 км), общее количество – 7 сд.

21А генерал-лейтенанта И.М. Чистякова: ст. Сумовская /иск/ – Мелехово, 65 км (64 км) по прямой линии – 58 км, всего в наличии – семь сд (в первом эшелоне – четыре: 71 гв., 67 гв., 52 гв.сд и 375 сд), 27 и 28 оиптабр.

64А генерал-лейтенанта М.С.Шумилова: Мелехово/иск./ – Хотомля, 53 км (70 км)²⁵³, всего 7 сд и 1 иптабр.

Резерв фронта: 69А генерал-лейтенанта В.Д. Крючкина располагалась в районе Новый Оскол, Никитовка, Готовье, 2 и 5 гв.тк – во втором эшелоне.

Кроме того, под Обоянью была сосредоточена 1ТА генерал-лейтенанта М.Е. Катукова, которая была нацелена в полосу фронта, но пока являлась личным резервом заместителя Верховного Главнокомандующего Г.К. Жукова.

Таким образом, из 35 гвардейских и обычных стрелковых дивизий, которыми располагал к началу июля 1943 г. Воронежский фронт, на главную полосу – в первый эшелон армий – были выдвинуты 17 стрелковых дивизий, остальные 18 располагались на втором и тыловом армейских рубежах, а также резерва. Средняя тактическая плотность составляла 14,5 км фронта на одну дивизию. Учитывая особенности местности, на танкоопасных направлениях участки некоторых соединений уменьшали до 12-13 км, а на второстепенных увеличивали до 16-20 км.

27 марта 1943 г. Военный совет фронта издает приказ № 0087 об организации обороны. В ожидании дальнейшего крупного вражеского наступления приказ предусматривал создание сложной, эшелонированной обороны, опирающейся на разветвленную систему рубежей и

²⁵² ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 365. Л. 75.

²⁵³ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 365. Л. 75.

широкое применение инженерных заграждений. Предписывалось на всех направлениях иметь не менее пяти оборонительных полос, эшелонированных на глубину не менее 100 км.

Как и на севере Курского выступа, основными элементами системы обороны войск Ватутина должны были стать три армейских полосы глубиной от 30 до 50 км:

1. Главная полоса с передним краем на достигнутом рубеже. В дальнейшем он именовался первым армейским рубежом и имел протяжённость по начертанию переднего края 245 км.

2. Вторая полоса (или второй армейский рубеж) с передним краем: Любимовка, Басовка, Олешня, Тарасовка, Вел. Рыбица, Стрелки, Угроды, Репяховка, Семейная, Ракитное, Васильевка, Алексеевка, Дмитриевка, /иск/ Петровский, Сажное, Шляховое, Мясоедово, Шебекино, Поклонное (?). Общая продолжительность – 216 км.

3. Тыловая полоса: Малая Локня, Суджа, Уланок, Камышное, Пресечное, Корочка, Обоянь, Шипь, Богородецкое/иск/, Тетеревино, Жимолостное, Новосёловка, Выползовка, Мазикино, Сороковка, Прудки, Основка, Белянка, Рыбалка, Ефимовка, Нечаевка.²⁵⁴ Она имела протяжённость примерно 250 км.

Кроме того, предполагалось начать работы на трех фронтовых оборонительных рубежах на глубину 180-200 км.

На случай вклинения или прорыва главной полосы обороны планировались отсечные и промежуточные позиции (общей протяженностью 134 км) и промежуточный рубеж, занимаемый 35 гв.ск (86 км), а также фронтовой отсечный рубеж (125 км).

По расчетам командования фронта, эти полосы перекроют все возможные направления ударов противника и позволят его войскам успешно решить задачи удержания своего рубежа.

Сразу отмечу, что в плане построения полос обращает на себя внимание отсутствие подготовленных отсечных рубежей в полосах обороны 7 гв. и 69 А к югу от ст. Прохоровка. Этим не преминет воспользоваться командование ГА «Юг»: после прорыва главной полосы обороны 7 гв. А на корочанском направлении оно повернет основные силы АГ «Кемпф» на север, вдоль оборонительных рубежей, и начнет «смаывать» оборону советских войск.

Следует особо отметить, что на всех стадиях планирования оборонительной операции, а затем и в процессе возведения системы рубежей прослеживается большая работа лично командующего фронтом генерала армии Н.Ф. Ватутина. Кстати, ещё обучаясь в Военной академии Генерального штаба, он в 1938 г. защитил дипломную работу по теме: «Роль укрепленных районов в современной войне». Знания, накопленные в ходе её подготовки, безусловно, были востребованы и помогли ему весной и в начале лета 1943 г.

Как отмечается в ряде документов штаба Воронежского фронта, практически до конца апреля, особенно первые две недели с момента принятия постановления Военного совета о создании оборонительной полосы, работа в войсках велась медленно. Поэтому запланированный объём оборонительных работ в большинстве своём не был выполнен. Связано это было с рядом объективных факторов.

Во-первых, распутица полностью завершилась лишь к 10-12 апреля, до этого момента земляные работы вести оказалось трудно.

Во-вторых, вплоть до начала мая фронт не имел необходимого количества мин. В конце марта и весь апрель из-за плохого обеспечения минно-подрывными средствами минирование в основном велось штатными минами, снятыми со старых оборонительных рубежей (Донской оборонительный рубеж), и трофейными артиллерийскими снарядами, переделанными в мины натяжного действия.

В-третьих, инженерные части и подразделения дивизионного и армейского подчинения не были полностью укомплектованы личным составом, что снижало их возможность, и были

²⁵⁴ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2845. Д. 227. Л. 1, 2.

сосредоточены на расчистке местности и создании тыловой инфраструктуры, а также возведении КП, НП и подъездных путей (дорог, мостов) к переднему краю. Личный состав стрелковых дивизий вёл оборонительные работы, но соединения после зимних боев были малочисленные, пополнение ещё не поступило, поэтому о значительных запланированных объёмах речи идти не могло. Местное же население в это время проводило весеннюю посевную, отвлекать его полностью было невозможно, ведь урожай не только являлся источником существования изможденных, только что освобождённых от оккупации женщин, стариков и детей, но он должен был поступать в фонд снабжения фронта.

Был ряд и субъективных причин, которые существенно влияли на ход создания рубежей. Командование армий фронта медленно, с большой раскачкой готовило планы инженерного укрепления своих участков. Из-за нерасторопности, а в ряде случаев безответственности и бездействия высокопоставленных командиров войска не имели самого необходимого для того, чтобы приступить к работе. Ощущалась нехватка инструмента: лопат, кирок, пил и топоров, не велся должный контроль со стороны штабов за правильностью выбора командирами тактического звена позиций для своих подразделений и размещения важных инженерных заграждений. До второй половины апреля с выездом в войска руководства фронта и специально определённых командиров стало ясно, что, если ситуацию коренным образом не изменить, создать запланированную систему рубежей не удастся.

20 апреля командующий Воронежским фронтом подписал приказ, в котором вскрываются обнаруженные недостатки и ставится задача немедленного их устранения и развертывания по-настоящему масштабных оборонительных работ.

25 апреля решением Ставки была точно определена 25-км тактическая полоса Воронежского фронта, из которой подлежало выселению всё население. Это было связано, во-первых, с тем, что на всю глубину тактической полосы предполагалось ведение активных боевых действий, поэтому в целях безопасности жители находившихся в ней сёл должны были временно переехать в другие населённые пункты. Во-вторых, в целях установления полного контроля в этой местности военными властями для пресечения разведывательно-диверсионной работы неприятеля и недопущения поступления данных о состоянии оборонительной полосы. Это обстоятельство во многом и предопределило то, что первые две полосы полностью готовились личным составом войск фронта.

Предполье на всём участке фронта создать не удалось. В ходе зимних боёв ситуация на участке обороны фронта сложилась таким образом, что непосредственное соприкосновение с противником имели почти все войска, исключение составляли лишь 38А и 6 гв. А. На их участках имелись разрывы между передним краем германских войск и этих армий. Причём эти разрывы были достаточно существенными – до 6-7 км от окопов до окопов. В местах наибольших разрывов по решению командования этих армий было решено выделить передовые отряды (ПО) – усиленные стрелковые батальоны (численностью от 420 до 472 чел. по 52 гв.сд 6 гв. А), которые оборудовали узлы обороны на расстоянии 2-3 км от переднего края первого главного оборонительно рубежа. По сути, они являлись усиленным боевым охранением и создавали ложный передний край.

В основном ПО занимали рубежи в небольших населённых пунктах нейтральной полосы и имели перед своим передним краем противопехотные и противотанковые искусственные препятствия. В 6 гв. А, например, это были Бутово (67 гв.сд), Драгунское (67 гв.сд) и к. Стрелецкое и Яхонтово (52 гв.сд). На участке 375 сд передовых отрядов не было.

Слабой стороной ПО являлось то, что они создавались на широком фронте, не имели локтевой и огневой связи, за исключением постов боевого охранения (БО) дивизий первого эшелона, которые располагались уступом сзади от ПО на расстоянии от 1 до 2 км. Но и боевое охранение в ряде случаев не имело огневой связи с ПО – Герцовка (71 гв.сд), Бутово (67 гв.сд), Драгунское (67 гв.сд).

С захвата позиций ПО 6 гв. А 4 июля 1943 г. войска 4ТА приступят к реализации плана «Цитадель». Противник будет осведомлён не только о местах расположения ПО, но и о его системе обороны. Поэтому, хотя их личный состав и нанёс его штурмовым группам определённый урон, ПО не станут серьёзным препятствием для них. Усиленные батальоны будут удерживать свои позиции 5-7 часов, а затем под напором превосходящих сил отойдут к первой траншее. Лишь один ПО в Бутово попадет в окружение 4 июля 1943 г. и почти полностью погибнет.

Боевое охранение было выставлено во всех армиях, за исключением 7 гв. А. Обычно БО – это усиленные от 1 до 3 взводов, чьи позиции выносились от главной полосы на 1-2 км вперёд. Они располагались опорными пунктами: занимали круговую оборону, частично или полностью минировали подходы противопехотными минами. В 6 гв. А их число составляло 7-8 постов на дивизию общим числом от 240 до 400 бойцов и командиров. Численность одного поста в зависимости от места расположения колебалась от 21 до 96 человек по 52 гв.сд или от 15 до 50 по 375 сд. В качестве усиления придавались 1-2 станковых пулемёта «Максим», от 2 до 11 ручных ДП-27, 1-2 50-мм миномёта. В редких случаях – 2-4 орудия 45-мм ПТО и даже ПА или 82-мм миномёт. Старший офицер Генштаба при штабе Воронежского фронта 9 июня 1943 г. докладывал:

«Промежутки между взводными опорными пунктами боевого охранения в большинстве случаев никем не охраняются, в результате чего 18 мая на участке 71 гв. сд противник, просочившись в промежутки между боевыми охранениями, перерезал связь БО с батальоном, уничтожил большую часть БО и увел в плен 7 человек.

Патрулирование перед фронтом БО в промежутках между ними и главной полосой обороны не организовано.

Дерево-земляные сооружения в опорных пунктах БО не обеспечивают личного состава от поражения. Узкие щели и бомбоубежища для укрытия пехоты в траншеях отсутствуют, в результате чего прямым попаданием одного снаряда 23 мая уничтожено 5 человек БО 210 гв.сп 71 гв.сд.

Промежутки между взводными БО не минированы, проволочные заграждения и МЗП в промежутках отсутствуют, не все БО обеспечены противотанковыми и противопехотными препятствиями и минными полями с фронта»²⁵⁵.

Помимо этих недочётов был и ряд других. Не везде готовились запасные позиции, личный состав, выделенный в БО, не везде получал чёткие и ясные инструкции о путях отхода, мало выделялось боеприпасов (на винтовку – 100-150 патронов, на пулемёт – 3-6 дисков, на миномёт – мин на 30 мин боя). Всё это могло и в ряде случаев приводило к уничтожению полностью или частично личного состава БО артогнём враг, противник на плечах отходившего БО врвался в главную полосу обороны.

Ряд замечаний из перечисленных выше к началу вражеского наступления был устранён и, вообще БО полностью справилось с поставленными перед ним задачами по всему фронту.

Важную роль в этом сыграла разработанная система поддержки ПО и БО артогнём. Для поддержки ПО планировалось выделять до двух дивизионов, а БО – в среднем 4-6 батарей. Огневые позиции артиллерии были расположены на расстоянии 1-2 км от переднего края главной полосы и вполне позволяли вести поддерживающий огонь, вместе с тем готовились и запасные ОП непосредственно на переднем крае для орудий и даже «катюш». Тем не менее справедливости ради надо отметить, что не везде командование артподразделений оперативно сработало и своевременно открыло по противнику огонь до того момента, когда личный состав ПО и БО ещё нуждался в нем и не был уничтожен.

²⁵⁵ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 365. Л. 73.

Первые две полосы обороны – первый (главный) и второй армейские оборонительные рубежи – составляли тактическую зону обороны, причем основой ее являлся первый (главный) рубеж, куда выделялась большая часть сил и средств дивизий (корпусов) армий первого эшелона. Она имела наиболее развитую систему траншей, ходов сообщения, огневых позиций и других инженерных сооружений. Впервые за годы войны глубина тактической зоны обороны составила 15-20 км. *«Исходя из рельефа местности и его тактической оценки, – докладывал полковник Костин, – передний край главной полосы обороны выбран правильно, за исключением некоторых участков. Извилистость рубежа, по которому проходит передний край, создаёт естественные огневые мешки и имеет благоприятные условия для создания косоприцельного фланкирующего и перекрёстного огня».* Главная полоса обороны 6 гв. А представляла собой батальонные районы обороны (2-3,5 км по фронту и от 800 м до 1 км в глубину), которые, в свою очередь, состоят из ротных районов, позиций батальонного резерва и позиций средств усиления. Два-три таких района, расположенных в один или два эшелона, были сведены в полковые участки (4-7 км по фронту и 3-4 км в глубину) с позициями полкового резерва: стрелковая рота, рота автоматчиков, взвод ПТР, сапёрные подразделения. Три участка стрелковых полков составляли полосу обороны дивизии.

Стрелковые дивизии со средствами усиления на главной полосе имели среднюю глубину обороны 6-7 км, что соответствовало требованиям боевых уставов того времени. Общий резерв комдива составляли учебный батальон и спецчасти, которые располагались на подготовленных позициях в удалении 3-4 км от переднего края на наиболее вероятных направлениях удара противника. На наиболее танкоопасных направлениях, каковым командование фронта считало 6 гв. А, командиры ряда дивизий, в том числе 67 гв.сд и 52 гв.сд, получили спецрезервы: истребительно-противотанковые и танковые полки непосредственной поддержки пехоты, а также самоходно-артиллерийские полки, дивизионы тяжёлой гаубичной артиллерии, зенитные полки и даже дивизионы РС.

Слабой стороной обороны главной полосы являлось то, что дивизии, окопавшиеся на ней, в том числе и на направлении главного удара 4ТА, располагались в один эшелон, то есть позиции все трёх их стрелковых полков были вытянуты в одну линию. Сдерживать противника продолжительное время при таких условиях, особенно танки, было практически невозможно. Это решение было принято большинством командиров дивизий и поддержано командованием армий и фронта. Оно было вызвано тем, что из-за нехватки сил фронт был вынужден нарезать участки дивизиям больше, чем положено по уставу 1942 г. (14-15 км вместо положенных 12 км). Стрелковые полки в среднем обороняли участки 3-6 км.

Как правило, первая линия траншей занималась автоматчиками и истребителями танков. Основными огневыми сооружениями были противоосколочные гнёзда для стрелков, а для пулемётов – дерево-земляные огневые точки, которые располагались обычно во второй линии. На участке 52 гв.сд 23 гв.ск 6 гв. А, имевшей три, а в некоторых случаях и две линии траншей, большое развитие получили выносные огневые позиции для станковых пулемётов, располагавшиеся перед первой линией траншей на расстоянии в среднем от 100 до 150 метров. Эти огневые позиции представляли собой открытые пулемётные окопы, хорошо замаскированные от воздушного и наземного наблюдения и имевшие в качестве укрытий щели или блиндажи. Огонь они не вели до начала атаки противника и себя не обнаруживали, имея задачу – внезапное открытие огня и восстановление огневой системы после того, как противник произведёт авиационную и артиллерийскую обработку нашего переднего края и перейдет в атаку²⁵⁶.

К началу немецкого наступления ДЗОТы лёгкого и усиленного типа были возведены в среднем по 6-7 на 1 км фронта главной полосы. ДЗОТ обычно представлял собой деревянный сруб размером 2х2 м, который был почти полностью заглублён в землю, а сверху накрыт

²⁵⁶ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2845. Д. 227. Л. 3-5, 8, 9.

несколькими накатами бревен диметром от 12 до 15 см с прослойкой земли между накатами. В зависимости от количества накатов они делились на лёгкие и усиленные. Передняя стенка, где располагалась амбразура, делалась двойной, а между брёвнами также засыпалась земля. Обычно такие огневые точки старались оборудовать для установки в них станковых (реже ручных) пулемётов на труднодоступных высотах или в складках местности с целью перекрыть огнём, определённый участок обороны или усилить огонь стрелковых подразделений, расположенных впереди траншей. В главной полосе все постройки в селах и на хуторах, а также отдельно стоящие хозяйственные подстройки на полевых станах и машино-тракторных станциях (МТС), располагавшихся обычно вне населённых пунктов или на их окраинах, приспособлялись в качестве долговременных огневых точек. Использовалось не только само здание или чердак, но и даже подвальная часть разрушенных кирпичных строений. Все населённые пункты старались приспособить к ведению круговой обороны.

Но надо признать, к началу Курской битвы положение с системой обороны не во всех дивизиях 6 гв. А было одинаковым и соответствовало требованиям апрельской инструкции Генштаба. Добиться точного исполнения приказов в части инженерного оборудования удалось не во всех соединениях даже накануне Курской битвы. Приведу выдержку из акта взаимопроверки от 22 июня 1943 г. рубежа 52 гв.сд и 375 сд 6 гв. А, на который были введены резервные батальоны 51 гв.сд. В комиссию входили командиры всех трёх соединений: *«52-я гв. стрелковая дивизия. ДЗОТов оборудовано в достаточном количестве, но большинство их представляют из себя противоосколочные гнёзда; приспособленные преимущественно для ведения фронтального огня. Перекрытия в ДЗОТах от одного до четырех накатов, толщина наката 10-13 см. Во многих ДЗОТах сектора обстрела заросли рожью (151-й, 155-й гв. сп), амбразур на 70% замаскированы. На каждый станковый пулемет имеется только по одной запасной площадке. Ручные пулеметы имеют легкое перекрытие (2/155 гв сп) в один накат толщиной 10-15 см. Запасных позиций нет. ПТР имеют только одну позицию. Землянки имеют с перекрытием в основном по одному тонкому накату, как газоубежища не приспособлены и специальных газоубежищ нет. Траншеи узкие, от 60-80 см, лисьи норы отсутствуют, ячеек для стрельбы мало. Маскировка сооружений 6-й стрелковой роты 2/155-го гв. сп отсутствует, в остальных подразделениях на 76% требуется обновление. Маскировка противотанкового рва отсутствует.*

375-я стрелковая дивизия. Первая траншея открыта неполного профиля (1/1245 сп), местами глубина достигает до 0,7 м, ячеек мало, ниши обвалились, лисьих нор нет, ходы сообщения в глубину обороны не открыты, имеющиеся имеют глубину 50-70 см (1/1245, 3/1243 сп). Сектор обзора и обстрела совершенно отсутствует (3/1243 сп), в особенности мешает обзору и обстрелу земля, выброшенная из противотанкового рва, которая не разровнена и не замаскирована, кроме того, препятствует нескошенная рожь, и таким образом в некоторых местах местность просматривается только 40-70 м.

ДЗОТов мало, перекрытие слабое – один накат и присыпка землей на 20-30 см. Обзор плохой (3/1243, 1/1245 сп). Амбразур не подогнаны, столы для станковых пулеметов слабые. СОТы отсутствуют, запасных и ложных ДЗОТов нет, маскировка отсутствует. Ниши в ДЗОТах нет. Землянок нет, а имеется пародия подбруственных блиндажей со слабым перекрытием, нар для бойцов нет, и спят на полу, комсостав отдельных землянок не имеет. Газоубежищ совершенно нет. НП командиров рот и комбата 3/1243 сп нет. В некоторых местах проволочные заграждения не простреливаются огнем. Командирами полков приказа на оборону командирам батальонов не отдано»²⁵⁷.

Теоретически удалось добиться плотности пехотного огня на один погонный метр в минуту: в дивизиях главного направления – 9-10 пуль, второстепенного – 6-7 пуль. Однако,

²⁵⁷ ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 219. Л. 241.

учитывая, что батальонные, полковые и дивизионные резервы находились в глубине обороны, создавалась зона в 300-400 м с плотностью огня перед передним краем на главном направлении 4-6 пуль, на второстепенном – 3-4.

Учитывая, что в ходе оборонительных боёв важную роль играл маневр огневыми средствами, было крайне важно создать для этого условия – разработать план, довести его до личного состава и провести его практическую отработку. К сожалению, даже в частях на главной полосе это не было выполнено. При проверке ряда дивизий выяснилось, что *«планы манёвра огнём в ротах, батальонах и полках не разработаны, простейшие способы сигнализации по вызову пехотного огня в большинстве частей отсутствуют, а если где и разработаны, то не доведены до исполнителей»*²⁵⁸

²⁵⁸ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 365. Л. 74.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.